

Р. Г. СКРЫННИКОВ

**ПЕРЕПИСКА
ГРОЗНОГО И КУРЬСКОГО**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Р. Г. СКРЫННИКОВ

ПЕРЕПИСКА
ГРОЗНОГО И КУРБСКОГО

ПАРАДОКСЫ ЭДВАРДА КИНАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград · 1973

Ответственный редактор
Д. С. ЛИХАЧЕВ

С $\frac{0722-1108}{042(02)-73}$

© Издательство «Наука» 1973

Введение

Пора расцвета общественной мысли в середине XVI в. отмечена острой идейной борьбой. Среди писателей и публицистов того времени две фигуры всегда привлекали наибольшее внимание — царь Иван Грозный и беглый боярин князь Андрей Курбский. Изучение их переписки сопряжено с трудностями, вызванными утратой подлинников и современных им списков. Какие из сочинений, подписанных именем царя Ивана, могут считаться подлинными его произведениями? Такой вопрос был поднят в литературе задолго до того, как увидело свет первое строго научное издание сочинений царя Ивана IV.¹ Это издание, выполненное Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье на основе тщательного изучения всего эпистолярного наследия Грозного, вызвало живой интерес во всем мире. Вслед за ним появились английский, чешский, датский и французский переводы писем Грозного и Курбского.²

¹ См.: И. Н. Жданов. Сочинения царя Ивана Васильевича. — Сочинения, т. I, СПб., 1904, стр. 84—90; Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 22.

² Переводы были осуществлены известными специалистами по русской истории Д. Феннелом (Англия), Б. Норретрандерсом (Дания) и др. См. The Correspondence between prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia 1564—1579. Ed by J. L. Fennell. Cambridge, 1955; Listy Ivana Hrozneho. Přel. H. Skalova a. Br. Jek. Plaha, 1957; Ivan den Skraekkelige. Breveksling med Fyrst Kurbskij 1564—1579. Ov. af B. Nørretranders. Mundsgaard, 1959; Ivan le Terrible. Epîtres avec le prince Kourbski. Trad. D. Olivier, Paris, 1959.

Среди самых удачных следует отметить публикации проф. Дж. Феннела, включающие как письма Грозного, так и «Исто-

Последним откликом на тему «Грозный — Курбский» явилась книга американского профессора Эдварда Л. Кинана под заголовком «Апокриф о Курбском и Грозном. История составления в XVII в. „корреспонденции“, приписываемой князю Курбскому и царю Ивану IV».³ Один из крупнейших научных центров Америки — Гарвардский университет оценил исследование Э. Кинана как выдающееся и отметил его премией Томаса Вильсона первой степени. Книга сразу привлекла внимание в научном мире.⁴

Основной вывод Э. Кинана заключен в тезисе о подложности писем, а также почти всех других сочинений Курбского и Грозного.

рию о великом князе московском» А. Курбского и снабженные интересными и содержательными комментариями (Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV. Ed. with a translation and notes by J. L. I. Fennell. Cambridge, 1965).

³ Edward L. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1971 (Далее сокращенно: E. Keenan, с указанием страниц).

⁴ Автор рецензии на исследование Э. Кинана канадский историк Д. Очард ограничился беглым пересказом выводов Э. Кинана и охарактеризовал значение его исследования в таких уклончивых выражениях: «Хотя, возможно, доктор Кинан и не привел каких-либо убедительных доводов, но он все же добился главной цели: поднял критический вопрос ... Остается посмотреть, выдержит ли его гипотеза критику советских и западных экспертов». В то же время Д. Очард пишет: «Безусловно, он будет скромно отказываться от роли современного Лоренцо Валлы, но все же он проявил огромную смелость, выдвинув свою гипотезу» (G. E. Orchard. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha, by Edward L. Keenan. — Canadian Journal of History, vol. II, issue 2, sept. 1972, p. 188—189). Уже после публикации рецензии Д. Очарда с критическим разбором книги Э. Кинана выступил известный западный эксперт доктор Н. Андреев из Кембриджа. Спекуляции Э. Кинана, пишет Н. Андреев, неубедительны и чрезвычайно предвзяты, поднятый им вопрос — это мнимая тема, в подходе Э. Кинана к историческому материалу нет «чувства критической пропорции» и «реалистического ощущения эпохи», которой он занимается (см.: Н. Андреев. Мнимая тема. О спекуляциях Э. Кинана. — The New Review, № 109, New York, 1972, p. 258—272). Отрицательный отзыв на книгу Э. Кинана дал также М. Шефтел из Вашингтонского университета (см. Marc Szeftel. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. By Edward L. Keenan. — Slavic Review. American Quarterly of Soviet and East European Studies. Vol. 31, № 4, December, 1972, p. 882—883).

На первых страницах книги Э. Кинан нарисовал следующую схему составления «переписки» Курбского и Грозного в XVII в. Известный писатель XVII в. князь С. И. Шаховской написал примерно в 1623—1625 гг. письмо к царю Михаилу Федоровичу с жалобой на преследования. При составлении этого письма он использовал ряд источников, среди них «Плач», написанный в 1566 г. украинским монахом Исайей, и Предисловие «К читателю», сочиненное около 1620 г. князем Иваном Андреевичем Хворостининым. Через непродолжительное время царь вернул Шаховскому милость, и тогда воевода, опасаясь, что неотправленное письмо может его скомпрометировать, снабдил его постскриптумом и заголовком, в которых приписывал письмо своему дальнему родственнику Курбскому. В конце 20-х или начале 30-х годов XVII в. Шаховской или кто-то из его друзей написал ответ на «послание Курбского» и т. д. Все свое внимание Э. Кинан концентрирует на истории подделки первого письма Курбского. Как замечает автор, его выводы больше похожи на группу теорем, чем на свод исторических гипотез: если принять один из выводов, то придется принять и главный вывод.⁵

С этим замечанием Э. Кинана можно полностью согласиться. Его построение напоминает пирамиду, составленную из теорем. Но пирамида Э. Кинана перевернута основанием вверх. Она опирается на острие. Первое послание Курбского царю — вот тот небольшой по объему источник, который Э. Кинан использует как ключ к решению всей проблемы авторства Курбского, а заодно и царя Ивана.

⁵ Е. Кеелан, стр. 5—6.

Рукописная традиция

Первую главу книги Э. Кинан посвящает исследованию рукописей, сохранивших переписку Курбского и Грозного. В основу классификации рукописей Э. Кинан кладет хронологический принцип и выделяет три хронологических пласта (сгустка): к первому он относит пять сборников конца 20-х—начала 30-х годов (один из сборников точно датирован — 1631/32 г.); ко второму пласту отнесены рукописи, писанные от 1630 до 1640 г.; к третьему — более поздние рукописи. Пять сборников первого периода включают в себя только первое послание Курбского к царю. Из сборников второй хронологической группы шесть содержат первое послание Курбского и ответ царя Ивана (в краткой или полной редакции), а два — только царское послание. Компактность хронологических групп, совпадение содержания и ряд других признаков подсказывают Э. Кинану, что сборники каждой группы произошли одновременно и что протограф, лежащий в основе группы, примерно современен самой ранней рукописи.⁶ Окончательный вывод Э. Кинана заключается в том, что намеченные им группировки рукописей точно отражают основные этапы происхождения и развития «переписки» Курбского и Грозного в XVII в. Подлинный автор «переписки» князь С. И. Шаховской сочинил первое «письмо Курбского» в середине 20-х годов XVII в. Этой стадии развития переписки соответствует первая хронологическая группа рукописей. Затем в кружке Шаховского возникла краткая редакция первого «послания Грозного». Это вторая фаза развития пере-

⁶ Там же, стр. 15, 16.

писки (примерно 1630 г.), которой соответствует вторая хронологическая группа сборников. Наконец, была составлена пространная редакция «послания Грозного» (ГПБ, Погод., № 1567). Она возникла в несколько более поздний период и отражает более позднюю ступень развития переписки.⁷

Предложенная Э. Кинаном классификация рукописей не учитывает некоторых элементарных требований текстологии. «Исследователь, классифицирующий списки, — пишет Д. С. Лихачев, — должен прежде всего опираться на данные текста и только во вторую очередь принимать во внимание внешние особенности списка (древность самого списка, историю рукописи и пр.), последние имеют главным образом контрольное значение».⁸ Э. Кинан вовсе игнорирует данные текстологического анализа и относит две различные редакции первого послания царя к одной группе рукописей. В конечном счете источники группируются по чисто внешнему признаку — по времени их написания, определяемому главным образом на основании филиграней. Заранее можно сказать, что такая группировка рукописей не может быть точной: автор стремится сгруппировать рукописи внутри одного десятилетия (с конца 20-х годов до 1640 г.), но филигранные не позволяют датировать рукописи с точностью до десятилетия.

Независимо от этих общих соображений попробуем проверить схему Э. Кинана с точки зрения ее внутренней логики и обоснованности. Прежде всего можно обнаружить, что хронологический принцип, положенный в основу классификации рукописей, не выдержан автором, а схема в целом совершенно не согласована с фактами. Начнем с сопоставления двух списков: ГПБ, Погод., 1615 — дата 1631/32 г. и ГИМ, Муз., № 1551 — приблизительно 1630 г.⁹ Остается неясным, почему список 1631/32 г.

⁷ Там же, стр. 12.

⁸ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 221—222.

⁹ Названный сборник ГИМ, Муз., № 1551 датирован Даниэлем К. Уоо. Описав филигранные рукописи, Уоо замечает, что «обе филигранные находятся в „Триоди постной“, напечатанной в Москве в 1630 г.». Помимо того, Д. Уоо пишет, что филигранные рукописи близки к №№ 567 и 782 (1628—1630, с вариантами до 1633 г.) по альбому А. А. Гераклитова (Д. К. Уоо. Неизвестный памятник древнерусской литературы. — Археографический ежегодник за 1971 год. Изд. «Наука», М., 1972, стр. 358). Нам представляется, что исследуемая разновидность филигранны типа кублин имеет не-

отнесен к более раннему пласту, а список 1630 г. — к более позднему?

Чрезвычайно важным представляется вопрос об отнесении к той или иной группе рукописей одного из лучших списков — ГПБ, Погод., № 1567. Точно датировать этот список трудно. В свое время Г. З. Кунцевич высказал мнение, что филигрань рукописи (кувшинчик с полумесяцем) близка к № 4252 (1616 г.) по альбому Н. П. Лихачева.¹⁰ Однако проверка обнаруживает несоответствие филигрании указанному номеру (иные буквы, иное их расположение на кузове кувшинчика). Я. С. Лурье считал филигрань Погод., № 1567 соответствующей № 4126 (1611—1612 гг.) по таблицам Н. П. Лихачева.¹¹ Но с предложенной им датировкой не согласился американский историк Д. К. Уоо. По его мнению, водяной знак рукописи имеет некоторое сходство с №№ 504 и 509 по альбому А. А. Гераклитова.¹²

Следует заметить, что исследуемый водяной знак имеет меньше черт сходства с № 509 (1631 г.), зато он ближе к № 504, датированному 1620/21 г.¹³ Указанная дата находит подтверждение в альбоме филиграней, составленном Т. В. Диановой по материалам собраний ГИМ. Наиболее близкими к интересующему нас водяному знаку оказываются филигрании в печатной Триоди цветной (литеры: ОАК, 1621 г.), в Минее служебной (IAV, 1622 г.), в Шестодневе (OAB, 1626 г.), в Минее служебной (PBR, 1627 г.).

Полученные данные ведут нас к началу—середине 20-х годов XVII в., а следовательно, они не опровергают традиционного представления о списке Погод., № 1567 как самой ранней рукописи, сохранившей переписку Грозного и Курбского. Между тем в схеме Э. Кинана названная рукопись отнесена не к первому хронологическому сколько более широкие хронологические грани: между №№ 560—573 (1622—1633 гг.) и №№ 776—785 (1625—1633 гг.) по альбому А. А. Гераклитова. Возникновение этой разновидности следует отнести, как видно, к 20-м годам XVII в.

¹⁰ Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 158.

¹¹ Послания Ивана Грозного, стр. 537.

¹² Daniel C. Waugh. *Soviet Watermark Studies — Achievements and Prospects.* — *Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History.* Cambridge, Mass., vol. VI, № 2, 1970, p. 100, 101.

¹³ А. А. Гераклитов. *Филигрании XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения.* М., 1963, стр. 107.

периоду, а лишь к концу второго хронологического периода.

Ту же редакцию, что и Погод., № 1567, представляет список БАН, тек. пост., № 230, передающий лучший и наиболее исправный текст послания Грозного полной редакции. Представляется возможным уточнить датировку рукописи БАН. Ее филигрань тождественна филиграну Потребника (в 1°, Москва, 1635/36 г.) из собр. Шапова, № 56, представленной в Альбоме Т. В. Диановой. Рукопись БАН подтверждает давно доказанную текстологами истину, что поздние списки могут представлять более ранние редакции произведения.

Гипотеза Э. Кинана по поводу трех стадий развития «переписки» в XVII в. не согласуется даже с теми фактами, которыми оперирует автор.

Точная классификация невозможна без всестороннего исследования рукописи, но такого исследования Э. Кинаном не проведено.¹⁴

Чтобы верно классифицировать списки посланий Грозного и Курбского, следует опереться прежде всего на текстологические наблюдения, и в частности на наблюдения относительно двух редакций послания Курбского царю и двух редакций ответа царя. Две редакции послания Курбского представлены: первая — списком Погод., № 1567 и близкими к нему списками и вторая редакция — Архивским и другими списками. Г. Э. Кунцевич опубликовал в качестве основного текста Архивский список, тогда как Я. С. Лурье издал в качестве более близкого к оригиналу Погодинский список.¹⁵ Э. Кинан базируется в текстологическом анализе на редакцию, представленную Погодинским списком. Близкий к этому тексту

¹⁴ Перу Э. Кинана принадлежит около ста страниц основного текста его книги. Вторую часть труда составляют обширные приложения, составленные Даниэлем К. Уоо. С большой тщательностью и старанием Д. Уоо описал *de visu* рукописные сборники, в составе которых сохранились письма Грозного и Курбского. Его сводные данные в настоящее время являются самыми полными, но, к сожалению, в описании Уоо отсутствуют некоторые важнейшие рукописи (например, рукопись БАН, тек. пост., № 230 с лучшим списком первого послания Грозного; рукопись Архива ЛОИИ, собр. Археогр. ком., № 41). Даниэль К. Уоо сделал ряд интересных наблюдений по поводу филиграней и датировки некоторых рукописей.

¹⁵ Сочинения князя Курбского. — РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стлб. 1—6; Послания Ивана Грозного, стр. 534—535.

список он опубликовал в Приложении к своей книге.¹⁶ Но, приняв мнение Я. С. Лурье, Э. Кинан в то же самое время высказывает и противоположные предположения. II редакция, пишет он, может быть, является оригинальной редакцией: имеются веские причины считать этот текст ближе к оригиналу, поскольку в нем имеется фраза («мужеством храбрости их»), отсутствующая в I редакции.

Приведем отрывки, которые имеет в виду Э. Кинан.

Письмо князя А. Курбского

I редакция
(Погод., № 1567)

Не прегордые ли царства разорили и подручны тебе сих во всем сотворили, у них же прежде в работе были праотцы наши?¹⁷

II редакция
(Архивский список)

Не прегордые ли царства разорили и подручных во всем тебе сотворили, мужеством храбрости их, у них же прежде в работе быша праотцы наши.¹⁸

Ответ царя Ивана

А еже писал и то, будто те «предстатели прегордые царства разорили и подручны нам их во всем сотворили, у них же прежде в работе были праотцы наши» ... О бранной же сей храбрости свыше начну ти обличать.¹⁹

Царь Иван, как мы видим, буквально цитирует письмо Курбского, и в его цитате отсутствует оборот «мужеством храбрости их». Разве не является это лучшим доказательством первичности I редакции? Приведенный пример показывает наличие во II редакции вставок. Одной из них, по-видимому, надо признать следующую фразу, отсутствующую в I редакции: «...и от земли божи тобою туне отогнан бых, (аки тобою понужден. Не испросих умиленными глаголы, не умолих тя многослезным рыданием, ни исходатайствовах от тебя никоея же милости архиереискими чинми)».²⁰ Э. Кинан полагает,

¹⁶ Д. С. Лихачев убедительно показал, что изданный Э. Кинаном «критический» текст является в действительности сводным текстом. Он составлен путем выборки из разных списков «лучших» (с точки зрения Э. Кинана) чтений. В советской текстологии сводные тексты не применяются. Этот прим. издания текстов устарел. (См.: Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — Русская литература, 1972, № 4, стр. 205).

¹⁷ Послания Ивана Грозного, стр. 534.

¹⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 2. (Здесь и далее в текстах памятников курсив мой, — Р. С.).

¹⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 46.

²⁰ РИБ, т. XXXI, стлб. 3.

что приведенная вставка со слов «Не испросих...» является цитатой из львовского Апостола, изданного в 1574 г., и что поэтому II редакция, очень может быть, является оригинальной версией письма, т. е. собственной копией Шаховского.²¹ Если бы Э. Кинану удалось доказать, что II редакция первична, то наличие в ней цитаты из издания 1574 г. могло бы послужить аргументом против авторства Курбского. Но сам же Э. Кинан не принимает всерьез гипотезы о первичности II редакции.²²

Исайя и Курбский

Вторая глава книги Э. Кинана посвящена истории текста первого письма Курбского царю. Это безусловно центральная, ключевая глава его исследования. Почему Э. Кинан концентрирует внимание на небольшом по объему послании, послужившем началом длительной и обширной переписки? Почему куда более значительные памятники этой переписки (первое письмо царя и др.) фактически остаются вне поля его зрения, так как они не подвергаются специальному текстологическому анализу? Э. Кинан объясняет это таким образом. Если первое послание Курбского — подлог, то каким же подлогом является и вся последующая переписка: письмо Курбского — не только самое раннее, оно источник главных тем в последующей переписке.²³ С логической точки зрения рассуждение Э. Кинана безупречно.

Основу всего построения Э. Кинана составляет интересное текстологическое наблюдение. Американский исследователь установил совпадение значительного отрывка текста в послании Курбского и в письме некоего монаха Исайи.²⁴

²¹ E. Keenan, стр. 198, прим. 19.

²² «Я склонен предположить, что редакция, опубликованная Я. С. Лурье, является первой редакцией» (E. Keenan, стр. 198, прим. 19).

²³ E. Keenan, стр. 4.

²⁴ Выявление заимствованного отрывка в письме Курбского порождает сомнение в оригинальности этого сочинения, если исходить из современного понимания авторства. Однако в применении к большинству древнерусских произведений, как справедливо замечает Д. С. Лихачев, понятие «автор» оказывается слишком общим и неточным: даже в тех случаях, когда перед нами безусловно произведение одного автора, иногда нелегко отделать его самостоятельную творческую работу от нетворческого включения заимство-

Православный монах Исая, родом из Каменец-Подольска, приехал на Русь из Литвы летом 1561 г. По его собственным словам, цель его поездки сводилась к тому, чтобы заполучить в Москве некоторые переводы церковных книг. Исая приехал на Русь одновременно с греческим митрополитом Иоасафом, посланцем константинопольского патриарха к царю. Грек будто бы и стал виновником злоклучений литовского монаха. По его доносу московские власти арестовали Исая и заточили его в тюрьму сначала в Вологде, а потом в Ростове.

В тюрьме Исая написал несколько посланий. Одно из них — «Плач» — точно датировано 1566 г. Э. Кинан обратил внимание на совпадение одной фразы в «Плаче» Исая и первом послании Курбского царю и сделал вывод о том, что первое из сочинений явно повлияло на второе. Этот чрезвычайно ответственный вывод Э. Кинан не подкрепил специальным текстологическим анализом и ограничился глухой ссылкой на соответствующие тексты в примечании.²⁵ Приведем эти тексты полностью:

«Плач» Исая (1566 г.)

Чаю смерть, безсмертие помышляю. Оузрю ли спекуляторский меч, небо вмению и всим сим мздовоздатель Христос истинный бог наш, и не токмо сим, но и за чашу студеной воды: воспомяни убо всех от века благоугодивших богу, коим образом улучиша спасение..²⁶

Первое послание Курбского царю (1564 г.)

Не хотех рещи вся по ряду ратные мои дела, их же сотворих на похвалу твою, но сего ради не изрекох, зане лутчи един бог вест: он бо, бог, есть всим сим мздовоздатель и не токмо сим, но и за чашу студеныя воды.²⁷

Отмеченное совпадение текстов может быть объяснено тройким образом: 1) Курбский заимствовал фразу из письма Исая; 2) Исая заимствовал две строки из послания Курбского; 3) Исая и Курбский воспользовались одним и тем же словесным оборотом.

Первые два предположения кажутся менее вероятными. Письмо Курбского (115 строк) и послание Исая (64 строки) достаточно велики по объему. Совпадение же исчерпывается одной неполной фразой (2—3 строки). Отваний из других памятников (Д. С. Лихачев. Текстология..., стр. 288—289).

²⁵ Е. Кеenan, стр. 197, прим. 16.

²⁶ ГПБ, О. XVII. 70, л. 178.

²⁷ Послания Ивана Грозного, стр. 535.

Меченные слова о бoге и чаше студеной воды представляются богословским оборотом трафаретного характера.²⁸ Совпадение одного единственного богословского штампа, употребленного в разных контекстах, очевидно, не может служить серьезным доказательством прямого литературного заимствования. Но даже в том случае, если мы признаем взаимосвязь, тексты не дают никаких оснований для суждения о направлении заимствования. Утверждение Э. Кинана, будто Курбский заимствовал текст у Исайи, остается совсем необоснованным.

Значительно более важное значение имеет второе совпадение текстов, отмеченное Э. Кинаном. Приведем полностью соответствующие отрывки из недатированной «Жалобы» Исайи и первого послания Курбского царю.

«Жалоба» Исайи на
Иоасафа

... бездодвно неподобными
словами своими мене
оболгал.

За благая моя воздал
ми злая и за возлюбление
мое непримирительну
ненависть и кров моя
яко вода, пролитая туне,
вопиет к богу моему.

Али бесмертен мниши
себе, аки не хотя уже
предстати доброму пастырю
и истинному учителю и
неумытному судии, надежи
христианской, богона-
чальному Исусу, хотящему
судити вселенней в правду,
и истязати всяко колено до
влас прегрешения их. Днесь
аз в темницы, и слова ради
истинного Христова в юзах
яко злодей зле стражу.

Бог сердца зритель
— в разуме моем прилежно
смышлях, и

Первое послание
Курбского царю
(1564 г.)

... изменами ... и иными
неподобными облыгая
православных...

... Али ты бесмертен,
царю, мнишися и в небыт-
ную ересь прельщен, аки не
хотя уже предстати не-
умытному судье, надеже
христианской, богу на-
чальному Исусу, хо-
тящему судити вселен-
ней в правду, паче же не
обинуяся пред гордым гоните-
лем и хотяще истязати их
до влас прегрешения
их, яко же словеса глаголют?
Он есть — Христос мой, се-
дяще на престоле херувимстем,
одесную величества во пре-
высоких — судитель между то-
бою и мною.

Когого зла и гонения от
тебе не претерпех! ... И
воздал еси мне злая
возблагая и за возлюб-
ление мое — непримири-
тельную ненависть. И

²⁸ Сходное выражение фигурирует в евангельском тексте: «... иже аще напоит единого от малых сих чашею студены воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит мзды своея» (Евангелие от Матфея, X, 42).

совѣсть мою свидѣтеля поставлях, исках и зрех, мысленне обращаяся, и не найдох в чем бых пред ким съгрѣшил или кому чим повинен в чужей и незнаеме земли.²⁹

кровь моя, яко вода пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему. Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смыслях и совесть мою свидѣтеля поставлях и исках, и зрех мысленне и обращаяся, и не вею себе, и не найдох ни в чем пред тобою согрешивша.³⁰

Э. Кинан справедливо пишет, что отмеченная им текстуальная близость может иметь два возможных объяснения.

1) Оба автора могли независимо друг от друга использовать один и тот же текст, заимствовав его из одного или двух сходных источников. Эту возможность Э. Кинан отводит на том основании, что текст или тексты, из которых черпали оба автора, пока не обнаружены. Нам представляется, что первое из возможных объяснений все же не следует полностью отбрасывать. Совпадающие фразы и образы были, по-видимому, популярными в XVI в. Достаточно сказать, что и Исая, и Курбский, и даже царь употребили один и тот же оборот, чтобы обличить людскую неблагодарность. В царском завещании 1565—1572 гг. читаем: «воздаша ми злая возблагая и ненависть за возлюбление мое».³¹

2) Вторая возможность состоит в заимствовании текста Исией у Курбского или Курбским у Исая. Э. Кинан проделал подробный и тщательный текстологический анализ с целью выяснения направления заимствования. Его аргументация носит в этом случае серьезный характер. Э. Кинан устанавливает, что первоначальным текстом был текст Исая, а вторичным, заимствованным, — текст Курбского: Курбский использовал «компактный текст, который составил большую часть послания («Жалобы») Исая».³²

²⁹ ГПБ, О. XVII. 70, л. 179.

³⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 534—535.

³¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950, стр. 426.

³² Е. Кеппан, стр. 23.

Предположения по поводу связей текстов Курбского и Исайи позволяют Э. Кинану сделать следующий исключительно важный вывод. «Жалоба» Исайи, пишет он, послужила источником для первого письма Курбского; более того, оказывается, что письмо Курбского было написано где-то после 1566 г., поскольку недатированная «Жалоба», сама, может быть, написанная в 1566 г., сопровождается в известном сборнике другим текстом — «Плачем» Исайи, который, по мнению Э. Кинана, явно повлиял на письмо Курбского и носит дату 1566 г.³³

Вывод Э. Кинана вполне логичен. Если Исайя написал «Жалобу» в 1566 г., то Курбский, заимствовавший из нее отрывок текста, никак не мог писать двумя годами ранее — в 1564 г. Таким образом традиционная датировка первого послания царю оказывается начисто подорванной. Но в аргументации Э. Кинана есть один существенный пробел. Остается недоказанным вывод о явном влиянии «Плача» (1566 г.) на письмо Курбского. Еще более важным является то, что Э. Кинан без всякого специального анализа датирует «Жалобу» Исайи 1566 г. Правда, мнение по поводу даты «Жалобы» Э. Кинан облекает в форму осторожного предположения. Но поскольку это предположение служит исходным моментом для всего построения в целом, автор не избавляется от необходимости его обоснования.

Обратимся к упомянутому Э. Кинаном рукописному сборнику (ГПБ, 0. XVII. 70). В состав его входят пять текстов Исайи, которые условно можно назвать так: 1) Послание (1567 г.), 2) Плач (1566 г.), 3) Жалоба, 4) Объяснение, 5) Предсказание. По словам Э. Кинана, все пять названных текстов являются отдельными произведениями, написанными в разное время, различными стилями и для различных целей.³⁴

Элементарный текстологический анализ ставит под сомнение вывод Э. Кинана, согласно которому три последних текста Исайи (№№ 3, 4, 5) являются отдельными произведениями, написанными в разное время. Три текста графически не отделены друг от друга так, как разделены между собой разновременные письма Исайи в той же рукописи. Из всех трех текстов (№№ 3, 4, 5) только первый (№ 3) имеет перед собой заголовок, кото-

³³ Там же, стр. 26.

³⁴ Там же, стр. 22.

рый гласит: «Того же мниха каманчанина». По-видимому, не сам Исайя снабдил текст приведенным заголовком, а переписчик. Но пока достаточно констатировать, что переписчик снабдил все три отрывка одним заголовком, а следовательно, он рассматривал эти отрывки как единое целое. Сам по себе этот довод недостаточно убедителен.

Более существенным может служить другое наблюдение. Ни первый (№ 3), ни второй текст (№ 4) не имеет традиционной (особенно для лица духовного) концовки («Аминь»), тогда как третий текст (№ 5) имеет эту концовку. Итак, три отрывка объединены общим заголовком и общей концовкой. Кроме того, они построены по единому, как бы летописному плану. Материал их организован вокруг трех дат:

1) «Жалоба»: «...от рождества Христова 1561 августа 1 в земли Московской помыслил (Иоасаф, — Р. С.) злая мне...»;³⁵

2) «Объяснение»: «Того же року 1561 юлия жада-ние мое и важность мою для книги ... на малый час в не нашу землю Московскую...»;³⁶

3) «Предсказание»: «В ... месте Виленском року 1560 юлия некто Философ ... возревши на лице мое, изрек ми настоящую всю беду мою...».³⁷

Отметим, что автор называет год в «Жалобе», а в «Объяснении» пишет «того же року». Он не мог бы написать так, если бы «Объяснение» не было непосредственным продолжением «Жалобы».

Итак, первый наш вывод сводится к тому, что три текста (№№ 3, 4, 5), в рукописи не разделенные, составляли единое послание Исайи. Попытаемся выяснить, при каких обстоятельствах оно было составлено, но прежде позволим себе сделать одно критическое замечание.

Можно было ожидать, что Э. Кинан рассмотрит в комплексе все документы, составлявшие переписку Исайи и отложившиеся в рукописном сборнике ГПБ, О. XVII. 70. К сожалению, Э. Кинан использовал только опубликованную часть переписки Исайи, упустив тот факт, что в рукописном сборнике (ГПБ, О. XVII. 70) за тремя текстами Исайи помещен «Лист» неизвестного, адресованный Исайе.

³⁵ ГПБ, О. XVII. 70, л. 178 об.

³⁶ Там же, л. 179.

³⁷ Там же, л. 180.

Нѣстество иного по сщдѣннѣ исповнито радѣсего
 ѣдострастнѣнбати скорби благодарствѣннѣ надежи
 ра будицибатто • вѣтора, сщдѣннѣ прѣидѣ
 паи чиникѣ дондѣ до вѣрѣннѣ надежи столпнѣ
 дѣтмѣхѣ не солѣ блѣма вѣтѣрѣннѣ стѣи блѣ
 пѣннѣ нѣтѣрѣмленнѣ зра коблиннѣ и похѣдѣ
 ннѣи доизни • и шѣвѣ прикѣлѣчѣши и писѣи скорбѣ
 благодарствѣи шѣдѣ и нѣдѣ істѣгоду • единѣтѣ вѣ
 стѣдѣи и шѣдѣстѣдѣ, и му побѣдѣ ослѣдѣ слѣдѣ
 чѣстѣи и похѣдѣннѣи шѣдѣтѣтѣдѣи и шѣдѣи до
 вѣстѣи инѣи мѣи, и иннѣи по вѣзѣи очетнѣи пѣи •

2 / дминь •
 Могомнихѣ, и саманучниина •
 Мѣсѣ до снѣдѣннѣи пѣстѣи рѣслѣснѣи шѣдѣ,
 инѣи стѣннѣи бѣитѣи чѣи шѣ дѣлѣи шѣ, прѣи шѣ
 шѣннѣи мѣтѣрѣпѣли и шѣи шѣи и шѣдѣ послѣднѣ
 стѣи шѣдѣ пѣтѣрѣннѣи и шѣтѣннѣи дѣннѣи гѣдѣи мѣдѣ
 рѣи и шѣдѣдѣ • шѣдѣстѣдѣи шѣтѣтѣлѣи нѣшѣ
 ісѣдѣи шѣдѣ: шѣдѣтѣдѣи шѣдѣ: вѣземнѣи мѣ
 шѣдѣснѣи помысли шѣдѣи мнѣи шѣдѣи шѣдѣи прѣ
 стѣи шѣи до шѣдѣи нѣи шѣи шѣдѣи шѣдѣи шѣдѣи шѣдѣи
 рѣшѣи, и шѣдѣи шѣдѣи шѣдѣи шѣдѣи шѣдѣи шѣдѣи шѣдѣи

„Жалоба“ Исая.
 ГПБ, О.ХVII.70, л. 178 об.

Между тем «Лист» неизвестного к Исайе имеет исключительно важное значение с точки зрения датировки Послания Исайи, включающего текст «Жалобы». Обратим внимание на следующее текстуальное совпадение в «Листе» и в Послании:

«Лист» (1562 г.)

Иже словеси ради истинного во юзах страждущему мниху Исаие.³⁸

Послание Исайи
(без даты)

Днесь аз в темницы, и слова ради истинного Христова во юзах яко злодеи зле стражу.³⁹

Приведенные тексты не оставляют сомнений в том, что «Жалоба» явилась непосредственным ответом на «Лист» 1562 г. Исайя прочел обращенные к нему слова и, слегка перефразировав, включил их в ответное послание автору «Листа».

Вкратце содержание «Листа» сводилось к следующему. Неизвестное лицо сообщило Исайе, томившемуся в «узах» в вологодской тюрьме, что его навестит некий «брат»: «Изволися общим советом брату нашему имярек посетит тя в скорбех твоих и ты, бога ради, во всяких словесех во вопросех и во ответех прими его яко мою душу, верен бо есть во истинне, а яж о нас вся ти скажет...».⁴⁰ Автор «Листа» просил Исайю откровенно побеседовать с посланцем и ответить на какие-то его вопросы. Как видно, Исайя не остался глух к этой просьбе.

Весьма интересна была бы атрибуция «Листа» к Исайе. Однако автор «Листа» предпочел остаться неизвестным. Можно полагать, что автор «Листа» знал Исайю и рассчитывал на его доверие. По-видимому, он был иноземцем. «Лист» заканчивается словами: «Писано року 1562 юлия в земли Московской на Вологду».⁴¹ Московский человек едва ли мог сказать «писано в земли Московской», и он иначе датировал бы письмо: на Руси вели счет от сотворения мира, а не от рождества Христова.

Предположение о том, что автор «Листа» был соотечественником Исайи, подкрепляется тем фактом, что в ответе «брату» Исайя выставляет себя литовским патриотом и верным подданным короля. Далекую родину он называет

³⁸ Там же, л. 180 об.

³⁹ Там же, л. 179.

⁴⁰ Там же, л. 180 об.

⁴¹ Там же.

не иначе как «Новым Израилем», «нашим великим государством Литовским», столицу Вильну — «преславным и прекраснейшим местом». Стил ь Исайи становится возвышенным, когда он пишет о короле: «... в наше преславнейшее и превысочайшее государство Литовское в державу нашего преславного и великаго христианского государя милостивого крала Э. А.».⁴² Очевидно, Исайя мог писать так лишь земляку-литовцу.

Ответ Исайи литовскому «брату» подчинен определенной логике. В первой части («Жалобе») он сообщает причины заточения его в московскую тюрьму по доносу грека Иоасафа. Во второй части («Объяснение») он убеждает адресата, что поехал в Москву с благочестивыми целями — за церковными книгами. В третьей части («Предсказание») он вспоминает, что еще в Вильне некий философ предсказал ему беды, которые ждут его в Московской земле.

Определенную логику можно усмотреть и в хронологии, организующей текст трех частей Послания Исайи: 1) «Лист»: «Писано року 1562 юлия...»; 2) «Объяснение»: «... року 1561 юлия жадание мое...»; 3) «Предсказание»: «В ... месте Виленском року 1560 юлия...».

Прочитав «Лист» соотечественника, Исайя меланхолически вспоминает, что произошло с ним год и два года назад.

В сборнике ГПБ, О. XVII. 70 переписка Исайи отложилась в таком виде:

1 (Г). «Символ веры» — послание Исайи из Ростова (май 1567 г.).

2 (В). «Плач» Исайи, написанный в Ростове (март 1566 г.).

3 (Б). Ответ Исайи неизвестному, включающий «Жалобу», «Объяснение» и «Предсказание» (без даты).

4 (А). «Лист» к Исайе неизвестного с датой июль 1562 г.⁴³

Нетрудно заметить, что письма Исайи были скопированы в обратном хронологическом порядке. Ошибка легко объяснима. Первый из переписчиков имел перед собой стопку писем Исайи и начал переписывать их с самого

⁴² Там же, лл. 179—180 об.

⁴³ Там же, лл. 174—180 об.

свежего и самого значительного в богословском отношении письма (Г), а под конец переписал также начало переписки (Б, А), не имевшее никакого богословского содержания.

Изучение переписки Исайи, очевидно, следует вести в естественном, хронологическом порядке, начиная с ранних писем (А, Б) и кончая поздними (В, Г).

Проведенные текстологические наблюдения можно резюмировать следующим образом.

1) Три текста Исайи (Жалоба, Объяснение, Предсказание) не были отдельными произведениями, сочиненными в разное время. Они были частями одного послания.

2) Недатированное послание Исайи служило ответом на «Лист» неизвестного литвина, помеченный июлем 1562 г. Следовательно, само ответное послание Исайи можно датировать второй половиной 1562 г.⁴⁴

Новая датировка первого послания Исайи позволяет рационально объяснить отмеченное Э. Кинаном совпадение текстов у Исайи и Курбского. Поскольку Исайя написал ответ неизвестному соотечественнику во второй половине 1562 г., Курбский вполне имел возможность ознакомиться с его письмом в середине 1564 г. Главное доказательство подложности первого послания Курбского царю (а этот тезис есть основание и фундамент всего построения Э. Кинана) оказывается ошибочным. Э. Кинан не провел специального текстологического исследования переписки Исайи и допустил поразительный промах в датировке его ответа неизвестному, включающего так называемую «Жалобу».

Курбский и Хворостинин

Полагая, что подложность первого послания Курбского доказана, Э. Кинан приступает к поискам подлинного автора этого послания. Он выводит на сцену новое лицо, призванное во второй раз опровергнуть Курбского. Им оказывается известный московский писатель XVII в. князь И. А. Хворостинин.

⁴⁴ На литовско-русской границе шла кровопролитная война. Письмо узнику вологодской тюрьмы передал лазутчик, который не мог долго задерживаться в Вологде. Самый способ переписки заставлял Исайю спешить с ответом.

Э. Кинан обнаруживает сходство нескольких фраз и оборотов в первом послании Курбского царю и тексте «К читателю».⁴⁵ Вот эти тексты.

Послание Курбского
(список 20-х годов XVII в.)

Он есть — Христос мой, сидяше на престоле херувимстем, одесную величества во превысоких, — судитель между тобою и мною.

Коего зла и гонения от тебе не претерпех! И коих бед и напастей на мя не подвигл еси! И коих лжей и измен на мя не възвел еси!... Бог сердцам зритель — во уме моем прилежно смыслях... он бо, бог, есть всим сим мьздовоздатель, и не токмо сим, но и за чашу студеные воды.⁴⁶

«К читателю»
(текст, приписываемый князю
И. А. Хворостинину)
(список 90-х годов XVII в.)

Бог убо сердца моего зритель и всякому благодеянию податель. Он бо есть Христос господь мой всем владыка и бог, иже сидя на престоле величества своего в превысоких, всем богатный дарователь, и всем сим, не токмо сим, но и за чашу студеные воды.

Той бо весть, коего злаго гонения не претерпех, коих напастей не претерпех, коего зла не возведоша на мя, коего лжеретичества и лжеизменных малодушеств не приложиша ми.⁴⁷

В этом случае можно предположить определенную взаимосвязь текстов. Наибольшую схожесть обнаружи-

⁴⁵ Вопрос об атрибуции анонимного текста «К читателю» вызвал полемику между Е. В. Петуховым и С. Ф. Платоновым (Е. В. Петухов. Из истории русской литературы XVII века. Сочинение о царстве небесном и воспитании чад. — ПДП, ХСIII. СПб., 1893, стр. 15—22; С. Ф. Платонов. К вопросу о сочинениях кн. И. А. Хворостинина. — В кн.: Статьи по русской истории. Изд. 2-е. СПб., 1912, стр. 155, 156). Открытие Е. В. Саввой бесспорных сочинений Хворостинина послужило веским доводом в пользу догадки Е. В. Петухова о том, что автором текста «К читателю» был Хворостинин (Е. В. Савва. Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков. — ЛЗАК за 1905 г., вып. XVIII. СПб., 1907, стр. 13—15). Известны два списка текста «К читателю», оба позднего происхождения. Опубликованный Е. В. Саввой список относится к последнему десятилетию XVII в. Передаваемый им текст сочинений Хворостинина не отличается исправностью. По словам Е. В. Саввы, в некоторых местах текст остался ему неясен (там же, стр. 32).

⁴⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 535.

⁴⁷ Сочинения князя И. А. Хворостинина. — ЛЗАК за 1905 г., вып. XVIII, стр. 38—39.

вают фразы «Он есть — Христос...», «бог сердцу зритель» и «за чашу студеныя воды». Намеком на прямое заимствование может служить фраза «Коего зла и гонения... не претерпех». Но это короткое восклицание перефразировано одним из авторов.

Как объяснить сходство двух исследуемых текстов? Э. Кинан утверждает, что текст Курбского заимствован из текста «К читателю». Однако такое предположение остается невероятным до тех пор, пока датировка послания Курбского не опровергнута серьезными аргументами.

Второе предположение — относительно влияния письма Курбского на текст «К читателю» — хорошо согласуется со всеми показаниями источников. Текст «К читателю» известен в двух списках и относится к числу редких текстов. Напротив, письма Курбского приобрели после Смуты большую популярность у русских читателей и обращались в большом количестве списков. Текстуальная близость указывает на то, что письма Курбского Ивану Грозному были известны первому российскому западнику Хворостинину.⁴⁸ Хворостинин был дальним родственником Курбского и мечтал, следуя его примеру, уехать из Москвы в Литву.

Э. Кинан учитывает возможность влияния письма Курбского на Хворостинина, но он отводит ее с помощью такого рассуждения. Используемые Хворостининым слова Курбского лежат внутри длинного отрывка из «Жалобы» Исайи. Заимствуя эти слова, Хворостинин должен был обращаться к тексту «Жалобы». Но то, что у него был текст Исайи, маловероятно, потому что текст этот был очень редким.⁴⁹

Рассуждение Э. Кинана основано на произвольном допущении, будто Хворостинин, делая заимствование из текста Курбского, должен был непременно иметь под

⁴⁸ В семье Хворостининых знали переписку Курбского и Грозного. «В Степенной книге особого состава — „Летописце князя Ивана Федоровича Хворостинина“, — пишет С. О. Шмидт, — встречаем очень любопытную отсылку к первому посланию Ивана Грозного Курбскому. После изложения событий 1547 г. там написано: „А пространнее о сем пишет о пожарех и о смятении боярском в государеве царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии грамоте, что писал в Литву ко князю Ондрею Курбскому против его отписки“» (см.: С. О. Шмидт. Становление российского самодержавства. М., 1973, стр. 35—36).

⁴⁹ Е. Кеенап, стр. 27.

руками тексты Исайи. Так ли это? Присмотримся ближе к соотношению текстов Исайи, Курбского и Хворостинина.

Исайя (1562 г.): 1) «За благая моя воздал ми злая...»; 2) «Али бесмертен мниш себе...»; 3) «Бог сердца зритель...».

Исайя (1566 г.): 4) «...всим сим..., но и за чашу студенной воды».

Курбский использовал три первые фразы, но переменил их порядок: 1) «Али ты бесмертен... мнишия...»; 2) «И воздал еси мне злая возблагая...»; 3) «Бог сердцам зритель...». Курбский употребил также фразу «...всим сим..., но и за чашу студенные воды».

Из четырех отмеченных фраз Хворостинин не использовал двух первых фраз, а переписал только две последние фразы: «Бог сердца зритель...» и «всем сим... за чашу студенные воды...». Вместе с тем в текстах Курбского и Хворостинина надо отметить две сходные фразы, отсутствующие в текстах Исайи:

Курбский (1564 г.): 1) «Он есть — Христос мой...»; 2) «Коего зла и гонения от тебе не претерпех!»;

Хворостинин (не ранее 1620 г.): 1) «Он бо есть Христос господь мой...»; 2) «...коего злаго гонения не претерпех...».

Итак, мы видим, что все отмеченные обороты, фигурирующие в тексте Хворостинина, имеются у Курбского, а следовательно, для сочинения текста «К читателю» Хворостинину вовсе не обязательно было обращаться к тексту Исайи.

Э. Кинан воссоздает «творческий процесс», в ходе которого неизвестный автор (С. И. Шаховской) искусно компоновал «послание Курбского» из фраз и оборотов, заимствованных у Исайи и Хворостинина.⁵⁰ Но схема Э. Кинана лишена реального исторического смысла.

Нельзя не заметить следующего: если использование эмигрантом Курбским письма Исайи, посланного в Литву, вполне естественно, то использование этого личного письма через столетия находившимся в России Шаховским заставляет предполагать удивительное стечение обстоятельств. Автор чувствует шаткость своих доводов и говорит поэтому, что его отдельные доказательства нельзя считать решающими, но «текстовой треуголь-

⁵⁰ Там же.

ник» (т. е. отношение и текста Исайи, и текста Хворостинина внутри текста Курбского), некоторые общие редакторские особенности и хронологическая дата (текст Хворостинина 1625 г.; самая ранняя копия письма Курбского 1630 г.) — все это, вместе взятое, делает наиболее вероятной гипотезу автора.⁵¹

Как мы отметили выше, «текстовой треугольник» Э. Кинана лишен основания, поскольку соотношение текстов Исайи — Курбского вовсе не доказывает подложности послания Курбского, а следовательно, мы имеем дело не с «треугольником», а с двумя независимыми линиями связи: Исайя (1562 г.) — Курбский (1564 г.) и Курбский (1564 г.) — текст «К читателю» (не ранее 1620-х годов XVII в.).

Письма Курбского к Васьяну

Продолжая поиски текстологических связей, Э. Кинан обращается к переписке Курбского со старцем Васьяном из Псково-Печорского монастыря. В литературе давно подмечена текстуальная близость первого послания Курбского царю и его же третьего послания Васьяну.⁵²

Третье послание Васьяну

И аще ко вратом смерт-
ным приближуся, и сие пи-
санеицо велю в руку себе
вложити.⁵³

Колико трудихся, вхождах
и исхождах пред полки гос-
подскими... паче одоления
пресветла Христовою благода-
тию и силою поставлях...⁵⁵

Первое послание царю

А писаньеце сие, слезами
измоченное, во гроб со собою
поселю вложити...⁵⁴

Пред войском твоим хожак
и схожах... но развее победы
пресветлы, помощию ангела
господня во славу твою по-
ставлях...⁵⁶

⁵¹ Там же, стр. 28.

⁵² См.: Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 473; Р. Г. Скрябинников. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 112—113.

⁵³ ГПБ, Погод., № 1567, л. 4 об.

⁵⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 536.

⁵⁵ ГПБ, Погод., № 1567, л. 4 об.

⁵⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 535.

Многие места этих посланий производят впечатление перефразировки одного и того же текста.

Э. Кинан дает новое толкование установленной взаимосвязи текстов. По его мнению, третье послание Васьяну, сопутствующее первому посланию царю в самом раннем списке конца 20-х годов XVII в., кажется, на самом деле было написано автором «письма Курбского», каковым являлся князь Шаховской.⁵⁷

Переписка Курбского с Васьяном включает в себя несколько писем. Третье письмо завершает ее. Необходимость анализа документов в их комплексе является элементарным требованием источниковедческой работы. К сожалению, Э. Кинан уделяет некоторое внимание третьему посланию, о первых же двух посланиях Васьяну говорит лишь мимоходом. Три письма Курбского вошли в состав древнего рукописного сборника Соловецкого монастыря (№ 962/852): первое из писем адресовано Ивану Многоученому, два других — старцу Васьяну. Сопоставление первых двух писем Васьяну из состава Соловецкого сборника с третьим письмом Васьяну, написанным Курбским после бегства из Вольмара, приводит Э. Кинана к заключению, что все три письма Васьяну написаны на обычном позднем московском славянском языке, у них имеется общая особенность с первым письмом Курбского царю и еще с одним текстом (Ивану Многоученому), приписываемым Курбскому.⁵⁸ По поводу второго послания Васьяну Э. Кинан добавляет, что в нем нет никакой информации, которая бы основательно связала это письмо с Курбским или Шаховским. Отсутствующую информацию Э. Кинан заменяет гипотезами.

В приписке ко второму посланию Васьяну Курбский упоминает о книгах Скорины, «преведеные не в давних летех, аки лет 50 или мало к сим...».⁵⁹ В свое время Е. В. Петухов пытался датировать второе послание на основании приведенных слов Курбского, в результате чего дата этого послания была отодвинута к 70-м годам XVI в.⁶⁰ Но предположение Е. В. Петухова не принял

⁵⁷ Е. Ке е п а н, стр. 29.

⁵⁸ Там же, стр. 41.

⁵⁹ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 253.

⁶⁰ Е. В. Петухов. 1) О некоторых литературных фактах, связанных с именем Успенского Псково-Печерского монастыря

ни один из последующих авторов: ни Я. С. Лурье, ни Н. Е. Андреев, ни Р. Г. Скрынников.⁶¹ В самом деле, можно ли принять за основной датирующий признак очень примерную хронологическую ссылку автора, который приводит круглую цифру (50 лет назад) и сам же говорит о ее приблизительности. Э. Кинан дает вовсе превратное толкование словам автора второго послания Васьяну. Он полагает, что автором этим был Шаховской, писавший в 20-х годах XVII в., а почти точно за 50 лет до того, в 1575 г., в Вильне вышло второе издание книги Скорины.⁶² Э. Кинана можно упрекнуть за невнимательное чтение текста. Книги Скорины были переизданы в 70-х годах, а не переведены, между тем автор второго письма определенно говорит о переводе Скорины, а этот перевод был осуществлен в первой четверти XVI в.

Суммируя наблюдения, Э. Кинан пишет, что в первых письмах Васьяну нет определенных за или против его гипотезы об авторстве Шаховского, но в них все же есть кое-какие свидетельства, что эти письма тоже могли бы быть написаны Шаховским.⁶³

Анализ первых посланий Курбского Васьяну исчерпывается двумя-тремя поверхностными замечаниями. Итогом же их оказываются далеко идущие выводы, сформулированные к тому же в категорической форме. Письма Васьяну, утверждает Э. Кинан, почти наверняка не написаны Курбским.⁶⁴

Отрицание Э. Кинана приобретает по существу тотальный характер. Э. Кинан призывает пересмотреть всю литературную традицию, приписываемую Курбскому, а заодно и царю Ивану, ввиду полного отсутствия их сочинений в списках XVI в.⁶⁵ Э. Кинан ищет в литературе

в XVI и XVII вв. — Труды X Археологического съезда, ч. I. Рига, 1899, стр. 261; 2) Русская литература. Изд. 3-е. Пгр., 1916, стр. 183.

⁶¹ Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV, стр. 472—473; N. Andreyev. Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev. — The Slavonic and East European Review, vol. XXXIII, № 81, London, 1955, p. 415; Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь, стр. 101.

⁶² E. Keenan, стр. 44.

⁶³ Там же, стр. 45.

⁶⁴ Там же, стр. 65.

⁶⁵ Там же, стр. 98.

и не находит указания хотя бы на один единственный список оригинальной работы, приписываемый Курбскому, который был бы сделан при жизни его поколения.⁶⁶

В статье, опубликованной в 1962 г., мы установили, что самые ранние списки сочинений Курбского (его первых писем Васьяну) относятся как раз к концу XVI в.⁶⁷ Сейчас мы можем привести новые данные в пользу высказанной ранее точки зрения.

Г. Э. Кунцевич опубликовал два первых послания Васьяну по рукописи ГБЛ, собр. И. Д. Беляева, № 55/1549 (скоропись XVII в.). В свое время мы отметили, что Беляевский список является сокращенной редакцией посланий Курбского.⁶⁸ Более древний и исправный текст передает рукопись ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 962/852. Принято датировать названный сборник началом XVII в.⁶⁹ Но более тщательное палеографическое исследование сборника и изучение его состава позволяют уточнить эту дату. Сборник писан на бумаге с филигранью типа кувшинчик, сходной с № 12794 по альбому С. Брике (датируется началом 90-х годов XVI в.). У Н. П. Лихачева водяной знак того же типа обозначен под №№ 1948 и 1952.⁷⁰ Имеются рукописи с таким же водяным знаком, написанные в Соловецком и Кирилло-Белозерском монастырях и точно датированные 1594 г.

В составе Соловецкого сборника имеются многие важнейшие документы, вышедшие из канцелярии патриарха Иова. Это четыре документа об учреждении патриаршества в Москве и поставлении Иова в патриархи (1588—1589 гг.), послание патриарха Иова к царице Ирине (1594 г.), два его послания к филадельфийскому митрополиту (1594 и 1596 гг.), два послания патриарха к царю Борису и ответные послания Бориса (1598 г.), утвержденная грамота об избрании Бориса на царство (1598 г.). Наконец, на самых последних страни-

⁶⁶ Там же, стр. 61.

⁶⁷ Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь, стр. 100.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ [И. Я. Порфирьев.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. 2. Казань, 1885, стр. 553.

⁷⁰ Лихачев, Вод. зн., ч. II, стр. 259.

цах рукописи — заздравная за царя Бориса («подаючи государеву чашу говорить»).

Указанные наблюдения позволяют заключить, что Соловецкий сборник был составлен в самом конце XVI в., но никак не позже начала XVII в.

Итак, ранние списки посланий Курбского к Васьяну восходят к концу XVI в. Этот вывод исключительно важен в двух отношениях. Во-первых, он показывает полную беспредметность рассуждений, будто второе послание к Васьяну мог написать Шаховской в 20-х годах XVII в. Во-вторых, наличие Соловецкого списка конца XVI в. подрывает один из главных тезисов Кинана, тотально опровергающего традиционную атрибуцию Курбского и Грозного на том основании, что их сочинения не сохранились в списках XVI в.⁷¹

Стилистическая близость трех посланий Курбского из Соловецкого сборника, с одной стороны, его первого послания к царю и третьего послания к старцу Васьяну, с другой, не вызывает сомнений. Текстологический анализ обнаруживает прямую связь между названными письмами.

Второе послание Васьяну

Державные ... неслы-
ханые смерти и муки
на доброхотных своих
умыслиша.

...не глаголют пред
цари, не стыдяся о сви-
дении господни...

Первое послание царю

Почто, царю, ... на доб-
рохотных твоих и душу
за ты полагающих неслы-
ханы от века муки и
смерти и гоненья умыслил...

Третье послание Васьяну

...не надобет ... гла-
голати пред цари, не
стыдяс о свидениях
господних, ниже обличати

⁷¹ Утверждение Э. Кинана не согласуется с фактами. Известно, что ряд сочинений Грозного сохранился в списках XVI в. Так, письмо Ивана IV думному дворянину Василию Грязному, хорошо передающее его своеобразный стиль, сохранилось в составе Крымской посольской книги XVI в. (ЦГАДА, ф. 123, кн. 14, лл. 214 об. — 217). Послание царя Баторию вошло в состав книги Посольского приказа и в книгу Литовской метрики (ЦГАДА, ф. 79, книги Польского двора, № 13 (1581—1582), лл. 43—65 об.; Метрика литовская, 1581, № 3, лл. 130—144 об.).

Где лики пророк...
...нестыдно обличающих
неправедных царей и
властелей в различных
законопреступных делах,
исполняющие и блюдуще
слово Спасителя Христа,
глаголющие: «Аще кто по-
стыдится мене и моих
словес в роде сем...».⁷²

о различных законо-
преступленных делах
их...

Где лики пророк...
И како разумеее всю
евангельскую проповедь, от
них же едино воспоминаю, спа-
сителем реченное: «Аще
кто постыдится мене
и моих словес и про-
чя»...⁷³

Во втором и третьем посланиях Курбского Васьяну можно отметить еще и другие сходные выражения и обороты: «потаковники», «запрети благовременно и безвременно», «понужением благовременным и безвременным», «язычником бе обычай» («обычные язычником») и пр.⁷⁴ Особенно важно, что подобные обороты употребляются в сходных контекстах и логических ситуациях.

Значительные текстуальные совпадения второго послания Васьяну, с одной стороны, третьего послания Васьяну и первого послания царю, с другой, логично объяснить тем, что все эти письма составлены были одним и тем же лицом при одних и тех же обстоятельствах. Наличие второго послания в списке конца XVI в. свидетельствует о том, что переписка Курбского возникла не во второй четверти XVII, а в XVI в.

Однако не следует принимать традиционную атрибуцию писем Васьяну без специального рассмотрения. В ходе рассмотрения исключительное значение приобретает текстологически доказанная связь трех посланий Курбского Васьяну.

В ряде сборников (например, ГБЛ, собр. И. Д. Беляева, № 55/1549) два первых письма Васьяну снабжены заголовками: «Послание князя Андрея Курбского... в Печерской монастырь некоему старцу» (первое послание) и «Послание к старцу Васьяну» (второе послание).⁷⁵ Приведенные заголовки явно имеют позднее происхождение и восходят к XVII в. В древнейшем Соловецком

⁷² ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 250—250 об.

⁷³ Послание Ивана Грозного, стр. 534; ГПБ, Погод., № 1567, лл. 3 об., 4.

⁷⁴ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, лл. 250, 251; РИБ, т. XXXI, столб. 406, 408—410.

⁷⁵ РИБ, т. XXXI, столб. 377, 383.

сборнике конца XVI в. они отсутствуют. Следует ли отсюда, что мы должны отвергнуть атрибуцию поздних сборников? На этот вопрос можно было бы дать утвердительный ответ, если бы в тексте Соловецкого сборника не было данных, подтверждающих атрибуцию XVII в.

Как мы отметили выше, в Соловецком сборнике помещены одно за другим три письма. Стилистически они очень близки между собой. Текстовые сопоставления не оставляют сомнения в том, что все три письма были написаны одним и тем же автором.

Первое послание

... а уклоняющихся в раз-
вращенная поведет господь со
творящими беззаконие.⁷⁶

... себе ангелом, человеки,
уподоби и землю небеси об-
разну сотвориша, и того ради
в конца вселенныя трисияннаго
божества разум вкорениша.⁷⁸

... на него зряще херувими
трепещутгаху и от лица славы
его серафими крылы лица за-
крывают.⁸⁰

... изветы лукавыя себе по-
лагати умышляюще...⁸²

... от врагов мысленных и
чувственных правверныя не
одолеваемы бывають...⁸⁴

Второе послание

А уклоняющихся в[р]оз-
вращенная поведет господь
с творящими беззаконие.⁷⁷

... трисияннаго божества
разум в конца вселенныя вод-
рузися, человеки ангелом по-
добни быс, небеси земля об-
разна явися.⁷⁹

Третье послание

... пред ним же стояще
херувими трепещут, от лица
славы его серафими ужаса-
ются.⁸¹

... изветы иныя лукавыя
умышляем...⁸³

... и церковь свою ... не-
приступну светлости ради вра-
гом мысленным и чувственным
содела...⁸⁵

... противу мысленных и
чувственных враговъ ополчи-
шесь.⁸⁶

Первое из трех анализируемых писем начинается словами: «Андрей Ивану многоученному ответ о правой верии предлагает».⁸⁷ Адресат Андрея, по-видимому,

⁷⁶ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 232.

⁷⁷ Там же, л. 241 об.

⁷⁸ Там же, л. 237 об.

⁷⁹ Там же, л. 240 об.

⁸⁰ Там же, л. 229 об.

⁸¹ Там же, лл. 242 об. — 243.

⁸² Там же, л. 234.

⁸³ Там же, л. 246.

⁸⁴ Там же, л. 235 об.

⁸⁵ Там же, л. 245 об.

⁸⁶ Там же, л. 248 об.

⁸⁷ Там же, л. 228.

житель Ливонии, неправославного вероисповедания. Обращение к Ивану пестрит такими фразами: «от немец ваших», «от пап ваших», «вашего прелестника новоявленного Лютора», «претвердые грады ваша разбиенны бысть».⁸⁸ Андрей лично вел спор как с «немцем» Иваном («так бо еси слышел от твоея премудрости»), так и с другими «немцами» («а днесь слышал есми от немец ваших»). Отмеченные моменты хорошо согласуются с биографией Курбского того периода, когда он находился в Юрьеве среди «немцев». Адресатом Андрея Курбского предположительно был известный в Юрьеве протестантский проповедник Иван Веттерман. Наместник Юрьева не мог не знать его. Слава Веттермана как ученого-богослова была столь велика, что царь Иван велел дать ему для просмотра некоторые древние книги из семейной библиотеки. Понятно, почему Курбский называл своего адресата «многоученым». Веттерман учился в знаменитом немецком Виттенбергском университете в бытность там Лютера и Меланхтона.⁸⁹

Вслед за письмом Андрея к Ивану Многоученому в соловецкой рукописи помещены два послания того же лица к некоему монаху — соотечественнику Андрея.

Первое послание
монаху

[Ч]ину подобия безтелесных, во сверстницах искуснейшему радоваться; ... от вашей святости...⁹⁰

Второе послание
монаху

[П]исанием сказателю и во мнихех честному моему господину радоваться; ... исцеляюще мя ваших рук духовным врачеством...⁹¹

Итак, первые точные данные для атрибуции писем из Соловецкого сборника получены. Автор писем — Андрей, его адресаты Иван и некий монах. Установленные данные исключительно важны, поскольку атрибуция писем по Соловецкому сборнику восходит, по-видимому, к печорской традиции. В тексте Соловецкого сборника три послания размещены на лл. 225—254, а за ними на л. 254 об.

⁸⁸ Там же, лл. 233, 238 об., 239 об.

⁸⁹ Летопись Ф. Ниештедта. — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. IV. Рига, 1883, стр. 37—38; С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. 260, прим. 2.

⁹⁰ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 240.

⁹¹ Там же, лл. 242, 253.

непосредственно следует отрывок, озаглавленный «Во общем Печерском монастыре в ... книге в трефолой... написано». Эти слова соловецкий переписчик списал по инерции, возможно, из того самого печерского сборника, в котором он нашел письма Курбского.

Второе послание монаху (по Соловецкому сборнику), как мы установили выше, тесно связано с третьим посланием, которое начинается словами: «В пречестную обитель... Печерскаго монастыря господину Васьяну Ондри Курпской радоватися...».⁹²

Данные писем Соловецкого сборника и третьего послания Васьяну можно представить следующим образом.

	Письма из Соловецкого сборника	Третье послание Васьяну
Автор	Андрей монах	Андрей Курбский монах Васьян
Адресат		

Теперь мы можем констатировать полное совпадение древнейшей атрибуции писем Курбского по Соловецкому списку конца XVI в. и поздней атрибуции по спискам XVII в.

Факт переписки между Курбским и Васьяном подтверждается многими данными источников о тесных контактах названных лиц. Одним из таких источников является письмо гетмана А. Полубенского из Вольмара в Юрьев. Гетман предложил юрьевскому дворянину попытаться «книг княж Андреевых Курбского». «А будет... тут не допытаешься в Юрьеве Августинова жития, — писал гетман тому же лицу, — и ты бы велел списать у старца у Васьяна у Муромца в Печерском монастыре, да и явление чудес Августиновых, а писаны при конце».⁹³ Письмо Полубенскому продиктовал, вероятно, сам Курбский, который таким образом проявил удивительную осведомленность по поводу книг Васьяна.⁹⁴ Письмо Полубенского, кстати, являлось единственным документом, в котором имя адресата Курбского называлось полностью: старец Васьян Муромец, т. е. уроженец Мурома.

⁹² Там же, Погод., № 1567, л. 2.

⁹³ РИБ, т. XXXI, стлб. 405.

⁹⁴ Там же, стлб. 496.

Контакты Курбского с Васьяном имели место в 60-х годах XVI в. В последний раз их судьбы скрестились в феврале 1570 г. Новгородский погром оставил след в царском синодике опальных в виде такой записи: «Изо Пскова: Печерского монастыря игумена архимандрита Корниля, ... Печерского ж монастыря старца Васьян иннок Муромцев». Корнилия и Васьяна казнили в феврале 1570 г., и вскоре же царь велел объявить в Литве о новых преступлениях Курбского: «...а ныне его многая измена, тайно лазучьством со государьскими изменники ссылаетца...».⁹⁵

Соловецкий сборник конца XVI в. воспроизводит наиболее древний и наиболее полный текст первых двух посланий Курбского. В нем содержится ряд сведений, отсутствующих во всех других списках. Так, например, в различных списках первое послание Курбского Васьяну начинается словами: «Книга глаголемая Раиская, иже суть в божиих церквах, некая уже от словес в ней смотрел есми».⁹⁶ По Соловецкому списку эта испорченная переписчиком фраза читается иначе: «Книга, глаголемая Раиская от вашей святости к рукам моим пришла и некая уже от словес в ней смотрел есми».⁹⁷ В списке поздней редакции второе послание Васьяну начинается фразой: «Писанеице твое, любовию помазанное, дошло до меня и много челом бью на благих твоих».⁹⁸ По Соловецкому списку эта фраза читается так: «Писанеице твое, любовию помазанное, дошло до меня, а книгу и Герасимово житие и счет летом привезли ж ко мне и много челом бью на благи твоих».⁹⁹

Сведения о присылке книг и в особенности денежных счетов Курбского представлялись не только малоинтересными, но и неуместными в глазах позднейших переписчиков XVII в., поэтому они последовательно исключили эти сведения. С точки зрения датировки посланий Васьяну подробности, сохраненные Соловецким списком, имеют первостепенное значение. Их следует увязать с известными фактами биографии Курбского.

⁹⁵ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Опричный террор. Изд. ЛГУ, 1969, стр. 39, 281.

⁹⁶ РИБ, т. XXXI, стлб. 377.

⁹⁷ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 240.

⁹⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 383.

⁹⁹ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 242.

Во время смотра армии в Великих Луках 7 марта 1563 г. царь объявил о назначении Курбского на воеводство в Юрьев. В начале апреля воевода прибыл к месту назначения. На пути в Юрьев Курбский не мог миновать остановки во Пскове и Печорах. Из русских населенных пунктов Печоры располагались на самом близком расстоянии от Юрьева. Становится понятным, почему в первые же месяцы пребывания Курбского в Ливонии между ним и старцами Печорского монастыря возникла оживленная переписка. Курбский получил от Васьяна книги, написал ему первое послание, к лету (!) имел от него ответ, новые книги и счет, а после лета написал второе послание.

Начавшуюся переписку стимулировали три обстоятельства. Во-первых, между адресатами завязались денежные отношения. Во-вторых, воевода стал получать книги из монастырской библиотеки. В-третьих, между старцем Васьяном и Курбским произошел богословский диспут.¹⁰⁰

В первом послании Курбский писал, что прочел повесть, «глаголемую Никодимову». Апокрифическое (так

¹⁰⁰ Письма Васьяна к Курбскому не сохранились или, во всяком случае, они еще не разысканы. Можно предположительно указать на «Послание некоего старца Печерского монастыря», адресованное князю (может быть, Курбскому). Автор послания говорит, что написал для князя «Повесть о начале сего святого места Печернаго» и, хотя князь не просил его об этом, посылает ему, «да в своем домоу имаши написано моею рукою грешною, яже суть истинна о сем святем месте». За первой частью «Послания» («Повесть о начале...») следует вторая часть, в которой старец пишет князю, что слава и богатства здешней жизни переходящи, вечна лишь будущая жизнь. Очевидно, князь нуждался в утешении, и старец по-своему утешал его, советуя готовиться к будущей жизни («к тамошней жизни вся готови... купи временным вечная»). Пусть князь посмотрит на нищих, которые пребывают в крайней нужде («не имеют никого же служащаго, гноем и червми снедаемы, к тому же и вошь и клоп и черви в постелях от мочения, а некому их от такыя нужда опрятати»). В конце письма старец советует князю «посещать» милостынею нищих, «да и от бога сам милость получиши молитвами пречистыя богородица, ныне и в будущий век» (ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, № 1054, лл. 524 об.—528; опубликовано в отрывках: В. Ф. Ржигга. Стих о нищей братии.—ИОРЯС, т. XXXI. Л., 1926, стр. 186—188). Вспомним, что в конце первого послания Васьяну князь Курбский просил «помолитесь обо мне, окаянном!». Монах в конце своего письма обещал князю молитвы «пречистыя богородица», т. е. молитвы Печорского монастыря.

называемое пятое) Никодимово евангелие и стало предметом диспута. Курбский оспаривал его подлинность. Но он боялся обвинений в ереси и потому просил старца: «Аще и бритостны ти строки сия явятся, и ты раздери и огню предаи их».¹⁰¹

Тревоги Курбского оказались ненапрасны. Во втором послании воевода уведомил Васьяна о получении от него грамотки и к этому добавил: «Да паметца обрелася в твоей грамотки запечатана, а написано в ней яко Григорей рече Богослов называет таинным учеником Христовым Никодима. Ино аз вем то, что истинна».¹⁰² Итак, просвещенные печорские старцы не согласились с сомнениями ученика Максима Грека — князя Курбского по поводу Никодима и его Евангелия. Поэтому Курбский должен был оправдываться, чтобы снять с себя подозрения в ереси: «И аз не тем противяс чюдным мужем (Григорию Богослову и др., — Р. С.) первое посланиеицо послах к тебе... но противлюс лжесловником...»¹⁰³

По-видимому, спор захватил Курбского. Во втором послании Васьяну он подвергает критике не одно только Никодимово евангелие, но и некоторые другие богослужебные книги (книги Еремея Болгарского, ложно приписанные И. Златоусту, и др.).¹⁰⁴ Однако богословский диспут приобрел слишком опасный оборот, и Курбский счел благоразумным на время прекратить его. Второе послание Курбского в Печоры не было отослано адресату до самого момента бегства его в Литву.¹⁰⁵

Можно указать на недостающее звено между вторым и третьим посланиями Курбского Васьяну. В ряде рукописных сборников третьему посланию Курбского предпослана его же краткая записка в Юрьев. В ней Курбский просил достать из тайника на его дворе в Юрьеве «писание», адресованное в Печоры.

«Вымите, бога ради, положено писание под печью, страха ради смертного. А писано в Печоры, одно в столбцах, а другое в тетратях; а положено под печью в ыз-

¹⁰¹ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 241 об.

¹⁰² Там же, л. 242—242 об.

¹⁰³ Там же, л. 243.

¹⁰⁴ Там же, лл. 243—244.

¹⁰⁵ РИБ, т. XXXI, стлб. 410. Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь, стр. 100—103.

бушке в моей малои; писано дело государское. И вы то отошлите любо к государю, любо ко Пречистой в Печеры». ¹⁰⁶

Очевидно, в тайнике в Юрьеве хранилось неотправленное второе послание Курбского к Васьяну, о котором в записке прямо сказано «писано в Печоры». Поручение Курбского (отослать писание «ко Пречистой в Печоры») было, по-видимому, исполнено. Гонец Курбского виделся с печорскими монахами, которые, между прочим, отказали ему в новом денежном займе. В третьем послании Курбский мимоходом сообщил Васьяну о посылке ему второго послания «против вашего пятого евангелия». ¹⁰⁷

Почему в одном случае Курбский называет свое писание в Печоры вторым посланием «против пятого евангелия», а в другом случае говорит, что в этом писании в Печоры писано «дело государское», и просит отослать его к государю?

Дело в том, что текст второго послания резко разграничивается на две части неодинакового характера. Первая часть посвящена была исключительно богословским вопросам и написана была, очевидно, в связи с возникшим диспутом между Курбским и Васьяном. ¹⁰⁸ Политическая критика облечена здесь в форму очень осторожных намеков.

Совершенно иной характер носит вторая часть послания. ¹⁰⁹ В ней богословие внезапно уступает место резкой критике действий державного царя и всех политических порядков. Имея в виду эту половину послания, Курбский описал его так: «...писание... а писано в Печоры (см. заголовок, — Р. С.) ...писано дело государское...». ¹¹⁰

Судя по краткой записке, писание «в Печоры» не было перебелено до побега его автора и существовало в виде двух частей: «...одно в столбцах, а другое в тетрациях». ¹¹¹ Возможно, что первая, богословская часть писания, перебеленная в тетрадь, написана была Курбским вскоре после того, как он получил летом 1563 г. грамоту и книги Васьяна. Относительно второй части послания

¹⁰⁶ РИБ, т. XXXI, стлб. 359—360.

¹⁰⁷ ГПБ, Погод., № 1567, л. 5.

¹⁰⁸ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, лл. 242—250.

¹⁰⁹ Там же, лл. 250—253.

¹¹⁰ РИБ, т. XXXI, стлб. 359—360.

¹¹¹ Там же, стр. 359.

можно утверждать, что ее автор написал позже, когда он готовился бежать из России. Описав бедствия сословий, Курбский делает следующий намек, оправдывающий задуманную измену: «Таковых ради нестерпимых мукъ овым без вести бегуном ото отечества быти...».¹¹²

После бегства из России Курбский укрылся в Вольмаре. Там он и составил письмо царю, а также третье послание Васьяну.

Вольмарский «конвой»

В первой главе Э. Кинан уделяет значительное внимание вопросу о документах, составляющих непосредственное окружение посланий Курбского в рукописных сборниках XVII в. По утверждению Э. Кинана, переписка Курбского—Грозного будто бы тесно связана с «документальной беллетристикой» XVII в. типа Переписки с султаном, рассказа о двух посольствах и отрывка из кизилбашских книг. Эти сочинения XVII в. анонимны, но некоторые из них, по мнению Э. Кинана, можно ассоциировать с Шаховским.¹¹³ Замечания по поводу подложности произведений «конвоя» призваны подкрепить основной тезис Э. Кинана о подложности послания Курбского. Посмотрим, однако, согласуются ли эти замечания с фактами?

Под «конвоем» принято понимать такое окружение изучаемого текста, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях.¹¹⁴ Изучение «конвоя» особенно важно в тех случаях, когда имеется внутренняя связь между исследуемым произведением и сопровождающими его памятниками. Первые три послания Курбского, написанные им в Юрьеве до побега за рубеж, не имеют четко выраженного «конвоя». Напротив, его письма из Вольмара окружены рядом документов, расположенных обычно компактной группой. Наиболее полно «конвой» вольмарских посланий Курбского представлен в рукописном сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 1584. В нем находим: 1) краткую записку Курбского

¹¹² ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 251 об.

¹¹³ Е. Ке е п а н, стр. 12.

¹¹⁴ Д. С. Л и х а ч е в. Текстология..., стр. 236.

в Юрьев по поводу «писания» в Печоры (л. 1); 2) его же послание (третье) в Печоры (лл. 1—4); 3) его же послание царю из Вольмара (лл. 5—9); 4) послание эмигрантов Тетерина и Сарыхозина юрьевскому наместнику М. Я. Морозову (лл. 9 об. — 11); 5) грамота литовского наместника Ливонии А. Полубенского в Юрьев по поводу имущества Курбского (с л. 11).

Те же самые документы, расположенные в том же порядке, входят в состав другого рукописного сборника — ГБЛ, ф. 178, Муз. собр., № 4469.

Перечисленные документы можно назвать вольмарским «конвоем» первого послания Курбского. Письма, входящие в «конвой», составляют единый комплекс: они написаны в одном месте, в одно время и по одному и тому же поводу. Таким поводом было бегство Курбского. Кому принадлежит подборка вольмарских писем, сказать трудно. Во всяком случае, ее составили не московские официальные лица. Иначе как объяснить тот факт, что в подборку не попало письмо юрьевского наместника М. Я. Морозова в Вольмар, зато был включен ответ эмигрантов Тетерина и Сарыхозина на письмо Морозова. Это обстоятельство наводит на мысль, что авторами вольмарской подборки писем были эмигранты, близкие к Курбскому.

Примечательно, что вольмарский «конвой» наиболее полно представлен в сборниках, отражающих первую фазу переписки Курбского и Грозного. В них есть послание Курбского, но нет ответа Грозного.

Когда к подборке было присоединено царское послание Курбскому, представлявшее собой обширный трактат, сборник получил новое идейное звучание. Время возникновения этого нового сборника неизвестно.¹¹⁵ Однако ясно, что в глазах составителей и переписчиков нового сборника вольмарские письма, сопутствовавшие первому письму Курбского, отчасти утратили значение. Вследствие этой причины вольмарский «конвой» стал

¹¹⁵ Я. С. Лурье полагал, что Погодинский сборник с подборкой писем Курбского, Тетерина, Полубенского и Грозного, возможно, составлен был в Печорском монастыре (Послания Ивана Грозного, стр. 540). А. А. Зимин высказал гипотезу, что послание Грозного было включено в «Печорский сборник» не в Печорах, а в Москве, в царской канцелярии (А. А. Зимин. Археографический обзор сочинений И. С. Пересветова. — В кн.: Сочинения И. Пересветова. М.—Л., 1956, стр. 83).

разрушаться. Один из самых ранних и лучших сборников XVII в. (ГПБ, Погод., № 1567) включает почти всю вольмарскую подборку, кроме краткой записи Курбского в Печоры. В нем находятся: 1) Третье послание Курбского Васьяну (лл. 2—5); 2) его же послание царю (лл. 5—9); 3) письмо Тетерина и Сарыхозина (лл. 9—10); 4) грамота А. Полубенского (лл. 10 об. — 12); 5) первое послание Грозного (лл. 12—55). В аналогичном сборнике XVII в. (БАН, тек. пост., № 230) отсутствуют не только краткая записка Курбского, но и третье послание Курбского старцу Васьяну. Два названных сборника передают текст полной редакции царского послания Курбскому, наиболее близкий к оригиналу.

Вольмарский «конвой» можно признать традиционным. Его присутствие обнаруживается не только в ранних, но и в поздних рукописных сборниках, например в сборниках, сохранивших краткую (позднюю) редакцию первого послания царя Курбскому. Правда, в этих сборниках мы наблюдаем дальнейшее разрушение «конвоя». Так, в сборник ГИМ, Муз., № 1551 не включены краткая записка Курбского в Печоры и грамота Полубенского в Юрьев. В сборниках ГИМ, Муз., № 2524 и ГПБ, Погод., № 1573 отсутствуют грамота Полубенского и письмо Тетерина и Сарыхозина.¹¹⁶

Можно заметить, что письма, составляющие вольмарский «конвой», органически связаны между собой. Гетман А. Полубенский составил грамоту, по-видимому, по просьбе Курбского тотчас после его бегства в Вольмар. Литовский наместник Лифляндии обратился к одному новгородскому помещику, ранее служившему в Юрьеве под начальством Курбского, с просьбой попытаться «книг князь Андреевых Курбского, которые остались в Юрьеве».¹¹⁷ В свою очередь юрьевский воевода М. Я. Морозов направил в Вольмар письмо с обличением всех изменников: как Курбского, так и бежавших ранее в Литву М. Сарыхозина и Т. Тетерина.

¹¹⁶ В сборнике ГПБ, Погод., № 1573 изменен порядок писем, входящих в вольмарскую подборку: сначала следует письмо Курбского (лл. 49 об.—53 об.) и ответ Грозного (лл. 53 об.—75 об.), а затем краткая записка Курбского и его письмо к Васьяну (лл. 75 об.—79 об.).

¹¹⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 495.

Изменники не остались в долгу и написали язвительное послание Морозову.

Можно обнаружить определенную связь между посланиями Курбского и вольмарским листом М. Сарыхозина и Т. Тетерина:

Послания Курбского
Васьяну царю

Письмо
М. Сарыхозина
и Т. Тетерина

Второе послание

Таковых ради нестерпимых мук овым без вести бегуном ото отечества быть...¹¹⁸

Третье послание

Каких напасти и бед и наругания и гонении не претерпех еси!¹¹⁹

Не мни, царю, не помышляй нас... аки уже погибших, и избьенных от тебе неповинно и заточенных и прогнанных без правды... Бог сердцам зритель...

...Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод... различными смертми рас-торгл еси...

...прогнанные от тебя без правды от земля ко богу вопием день и ночь на тя!¹²⁰

...побежали уже по многих нестерпимых муках и по наругани ангельского образа...

И ты, господине... не зови православных кристьян, без правды мучимых и прогнанных, изменниками.

Да саблю, государю, хочешь на нас доводить и в том, государь, сердцам зритель, волен, бог.

...каково тем жонам и детем, у которых отцов различными смертми побил без правды?¹²¹

Поскольку анализируемые послания написаны были одновременно (а вольмарские послания, кроме того, составлялись в одном месте) и поскольку эти письма (кроме второго послания Васьяну) отложились в одном рукописном сборнике, возникает возможность истолковать отмеченные близкие образы и обороты в посланиях Курбского и Сарыхозина как признак определенной взаимоза-

¹¹⁸ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 251 об.

¹¹⁹ ГПБ, Погод., № 1567, л. 4.

¹²⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 534—535.

¹²¹ Там же, стр. 536—537.

висимости названных источников. Можно предположить, что Сарыхозин и Тетерин читали письма Курбского царю и Васьяну, либо Курбский обсуждал с ними их послание Морозову. Среди эмигрантов Сарыхозин был Курбскому ближе других. Учителя Сарыхозина, старца Артемия, Курбский почитал и называл «своим отцом и господином». Артемий и Курбский одинаково считали себя учениками Максима Грека.

Итак, вопреки мнению Э. Кинана подлинным «конвоем» послания Курбского следует считать вольмарские письма, органически связанные с названным посланием. В некоторых случаях удастся проследить прямую текстологическую связь названных произведений. Сделанное наблюдение подтверждает традиционную атрибуцию и подлинность переписки Курбского.

Переписка Курбского с Васьяном и царем и сопутствующие им документы имеют чрезвычайно важное значение для атрибуции первого послания царю.

Курбский или Шаховской?

Раздел «Автор первого письма Курбского» Э. Кинан мог бы с полным основанием озаглавить «В поисках вымышленного автора». Прежде всего Э. Кинан намечает круг авторов, которые были связаны с текстом письма и с его рукописной традицией. Таковыми, помимо Курбского, оказываются Исайя, возможно Хворостинин и Шаховской.¹²²

Затем Э. Кинан указывает на семь особенностей «письма Курбского», которые, по его мнению, дают биографическую информацию относительно автора: (1) автор письма был образованным человеком, (2) он обладал особым литературным вкусом, (3) он претерпел длительные гонения, (4) преследованиям подвергся весь его род, (5) автора занимает мысль о смерти, (6) он военный человек, не знавший поражений, и (7) автор редко виделся с женой из-за службы в городах. Сопоставив выделенные пункты с биографиями названных выше четырех лиц, Э. Кинан резюмировал итоги своих наблюдений

¹²² Е. Кеелан, стр. 31.

в виде следующей таблицы, в которой соответствие биографических сведений с данными письма отмечено знаком плюс, а несоответствие — знаком минус:¹²³

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Исайя	+	?	+	?	?	—	—
Курбский	?	?	—	—	?	—	?
Хворостинин	+	+	+	—	+	?	?
Шаховской	+	+	+	+	+	+	+

В приведенной таблице особенно сказывается неудовлетворительность метода формальной текстологии. Формализованная биографическая информация заслоняет реальное историческое содержание памятника.

На первый план Э. Кинан выдвигает признак, характеризующий стиль послания Курбского. Литургическая форма стиха, многочисленные религиозные ссылки и аналогии, отмечает Э. Кинан, указывают на то, что автор послания не был мирянином или по крайней мере он был человеком тщательно образованным и знавшим правильный славянский язык. Стилистический признак, по мнению Э. Кинана, сразу исключает Курбского из числа возможных авторов: «Нет ничего, исключая сочинения, неосторожно приписываемые Курбскому, что доказывало бы, что Курбский был религиозным или образованным человеком...».¹²⁴

Мнение Э. Кинана плохо согласуется с фактами. Если Курбский не был образованным человеком, то невозможно будет объяснить, как он мог вести богословские споры с учеными печорскими монахами и с лютеранским проповедником в Юрьеве. Ведь именно в ходе богословской дискуссии он написал три письма, сохранившиеся в составе Соловецкого сборника конца XVI в. В последнем из этих писем Курбский настойчиво советует печорским старцам искать переводы, сделанные знаменитым на Руси богословом Максимом Греком. У Курбского были основания называть себя учеником Грека. Имеется письмо литовского гетмана Полубенского в Юрьев по поводу книг Курбского. Из этого письма определенно следует, что в библиотеке Курбского хранилось много сочине-

¹²³ Там же, стр. 39.

¹²⁴ Там же.

ний Максима Грека и других богословских книг.¹²⁵ Можно указать еще и на то, что в литовский период жизни Курбский участвовал в переводе церковных книг на славянский язык. Одну из таких книг «Новый Маргарит» он снабдил обширным предисловием.

В Литве Курбский поддерживал дружбу с братьями Мамоничами, печатавшими православные церковные книги в Вильне. Курбский переписывался с Кузьмой Мамоничем и, по-видимому, имел дело с его типографией. Сохранилась переводная книга с заглавием «Другие диалектики Иона Спанинбергера о силогизме вытолковано». На последнем листе перевода названо имя переводчика или инициатора этого издания: «Сказъ Андрея, чего ради сии написаны». Еще К. Харлампович отметил, что подобное обозначение авторства является характерным для Курбского. Во-первых, он и другие свои сочинения подписывал только именем («Андрей Ивану Многоученному», «Предисловие Андрея, грехми исполненнаго, на книгу св. И. Дамаскина»), и, во-вторых, он именовал иногда свои произведения «сказами» («Андрея Курпскаго сказ о лоике»)¹²⁶ Предположение К. Харламповича о том, что автором «Сказа Андрея» был князь Курбский, получило дополнительное обоснование в исследовании А. С. Зерновой.¹²⁷ Лингвистический анализ, проведенный М. В. Ляпон, подтвердил эту атрибуцию (о работе М. В. Ляпон см. ниже, стр. 42). К. Харламповичу удалось датировать «Сказ» Курбского. В обнаруженном им экземпляре книги к «Диалектике» приплетена «Грамматика славянского языка», отпечатанная в типографии Мамоничей в Вильне 8 октября 1586 г. Отметив, что «Диалектика» и «Грамматика» отпечатаны на бумаге одинакового качества и формата без водяных знаков (кроме

¹²⁵ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, лл. 250—253; РИБ, т. XXXI, стлб. 495.

¹²⁶ РИБ, т. XXXI, стлб. 361; М. Оболенский. Библиографические записки. М., 1858, № 12; А. Н. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872. Экземпляр «Диалектики» со «Сказом» Курбского хранится в ЦГАДА, Синод. типография, № 4217.

¹²⁷ К. Харлампович. Новая библиографическая находка. — В кн.: Киевская старина, 1900, VII—VIII, стр. 211—214; А. С. Зернова. Типография Мамоничей в Вильне (XVII век). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 1. М., 1959, стр. 186.

линий) с помощью шрифтов, полностью совпадающих, К. Харлампович заключил, что издание «Диалектики» с послесловием Курбского было осуществлено в той же типографии и примерно в то же время, что и издание «Грамматики». Видимо, «Сказ» Курбского был напечатан Мамоничами в 80-х годах XVI в. Подлинность издания Мамоничей трудно оспорить. Перед нами дополнительное доказательство образованности Курбского. Но Э. Кинан игнорирует и это доказательство.

По справедливому замечанию Д. С. Лихачева, любое образование на Руси XVI столетия было церковным. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Курбский был церковно образованным человеком. Но письмо к царю Курбский написал не как церковный писатель, а как светский публицист.

В тексте первого послания Курбского царю местами можно обнаружить рифмованную прозу. Э. Кинан объявляет ее литургическим стихом. Такое утверждение обнаруживает весьма слабое знакомство автора с древнерусскими литературными жанрами. Проза Курбского носит в большей мере светский, нежели церковный характер. Стиль его приближается к живой разговорной речи. Его язык во всяком случае далек от книжного церковнославянского языка с литургическим стихом. Интересно, что сам Курбский не считал себя знатоком книжного славянского языка. Взявшись за перевод «Нового Маргарита», он стал искать людей, «словенским языком книжным добре умеющих», поскольку сам он, по собственному его признанию, «от младости не до конца навыкох книжного словенского языка». Курбского особенно смущало то обстоятельство, что его язык изобиловал просторечиями и «простыми пословицами», вполне уместными в письмах светского содержания, но вовсе не подходившими к жанру переводной церковнославянской литературы. В Предисловии к «Новому Маргариту» Курбский просил читателей простить его, если он погрешил, «не памятаючи книжных пословыц словенских, лепотами украшенных, и вместо того где буде простую пословицу введох».¹²⁸

Мимоходом Э. Кинан выдвигает еще два аргумента против авторства Курбского: 1) многие из сочинений, приписываемых Курбскому, написаны на западнославян-

¹²⁸ Архив ЛОИИ, ф. 279, оп. 1, д. 30, стр. 14, 16.

ском, что в первом послании не прослеживается; 2) для Курбского не характерен изысканный славянский, на котором написано первое послание царю.¹²⁹ Мы видим, что Э. Кинан смешивает факты из разных периодов жизни Курбского. Уроженец Великодержавии, Курбский никуда не выезжал до своего отъезда в Литву. Письмо царю он написал на другой день после побега, когда его языковой строй не претерпел и не мог претерпеть никаких изменений. Долгая жизнь в Литве отразилась на слоге Курбского, но факты этого рода относятся к позднему времени.

Второй пункт таблицы Э. Кинана посвящен дальнейшему анализу стилистических особенностей послания Курбского. Найденная в послании тенденция к рифмованной прозе, пишет Э. Кинан, свидетельствует об особом литературном вкусе автора и о его претензиях, типичных для 30-х годов XVII в., но не характерных для XVI в. Этот стиль, продолжает Э. Кинан, был совершенно неуместен в 60-х годах XVI в., и он не характерен для известных сочинений Курбского. Подобное утверждение обнаруживает плохое знание сочинений Курбского. Дело в том, что Предисловие к «Новому Маргариту» Курбский заканчивает стихом, в котором первая, третья, четвертая и шестая строфы завершаются словами «не может», а пятая, седьмая и восьмая — словами «совершен», «совершен есть» и «искушен».¹³⁰ Рифмованная проза в Предисловии столь же неискусна, как и в послании царю. Строфы имеют неодинаковую длину, внутренний ритм почти вовсе отсутствует.

Наблюдение по поводу литургического стиха позволило Э. Кинану сделать вывод о том, что не Курбский, а князь Семен Шаховской является наиболее вероятным автором первого послания царю. Шаховской, по словам Э. Кинана, написал много богослужебных виршей, и некоторые из них удивительно похожи на стихи из «письма Курбского».¹³¹ Читатель ждет серьезных текстологических доказательств, но их нет. К несчастью, пишет Э. Кинан, невозможно сравнить стиль первого «письма Курбского» с подходящим экземпляром стиля Шаховского;¹³²

¹²⁹ Е. Ке е п а н, стр. 35.

¹³⁰ Архив ЛОИИ, ф. 279, оп. 1, д. 30, стр. 17.

¹³¹ Е. Ке е п а н, стр. 35—36.

¹³² Там же, стр. 40.

немногие произведения Шаховского опубликованы, и без тщательного изучения рукописей трудно установить, какие из приписанных ему трудов действительно его.¹³³ Единственный текст Шаховского, приведенный Э. Кинаном, очень мало напоминает стиль Курбского, хотя автор и находит в нем «ряд интригующих сходств с первым посланием Курбского» как по стилю, так и по содержанию.¹³⁴ Процитируем текст, отмеченный Э. Кинаном.

Сочинение
Шаховского

И работах им государем на ратях вседушно, не щадя головы своей, даже и до крови подвизахся. ...гоним и прегоним, и всячески озлобен и расхищен...¹³⁵

Первое послание
Курбского

Коего зла и гонения от тебе не претерпех! ... Пред войском твоим хожах и схожах... И сие ... в довольных летех потрудихся, многими поты и терпением...¹³⁶

Трудно усмотреть стилистическое сходство в приведенных текстах. Э. Кинан между тем обнаруживает еще одну связь письма Курбского с прозой Шаховского. Курбский употребил несколько необычные обороты: 1) «Неумытный судья» и 2) «бог сердцу зритель». Первый оборот Э. Кинан обнаружил в письме Шаховского к Васильеву, а второй — в его же письме к Пожарскому. Совпадение кратких богословских штампов едва ли является достаточным доказательством связи между посланием Курбского и прозой Шаховского. Еще менее они доказывают, что «послание Курбского» написал Шаховской.

Итак, первые два пункта таблицы Э. Кинана не выдерживают критики. Вместо серьезного исследования жанра и стилистических особенностей послания Курбского Э. Кинан ограничился несколькими поверхностными замечаниями, вступающими в противоречие с фактами.

Помимо стилистических особенностей Э. Кинан выделяет признаки №№ 3 и 4, которые, по его мнению, важны для установления автора «послания Курбского»: 3) кажется, что автор претерпел неоднократные несправедливости и длительные гонения от руки того, кому он адре-

¹³³ Там же, стр. 201—202, прим. 60.

¹³⁴ Там же, стр. 40.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 535.

сует письмо, что он был выслан и лишен своей собственности («всего лишен бых и отогнан бых»), 4) автор обвиняет адресата в притеснениях других, особенно же семьи или рода писателя («всеродно погубляешь нас»).¹³⁷ По мнению Э. Кинана, Курбский не мог произнести таких жалоб, ибо его явно не притесняли, а, напротив, держали в чести до самого побега, и у него не было родни, подвергавшейся преследованиям.¹³⁸ Руководствуясь такого рода рассуждениями, Э. Кинан вносит в свою таблицу еще два минуса, свидетельствующих против авторства Курбского.

Интерпретация Э. Кинана вызывает серьезные возражения. Во-первых, он слишком буквально, а потому и неверно переводит фразу Курбского «всего лишен бых», как указание на конфискацию его земель (см. ниже). Во-вторых, Э. Кинан исходит из ошибочной психологической посылки и ищет точности и объективности в остро полемическом самооправдательном письме.

Курбский красноречиво защищает побитых царем и заточенных воевод, но, как только он начинает говорить о причиненных ему лично несправедливостях, его жалобы вдруг теряют конкретность и приобретают несколько риторический характер. «Коего зла и гонения от тебе не претерпех! — пишет Курбский царю. — И коих бед и напастей на мя не подвигл еси! и коих лжей и измен на мя не възвел еси!» По сути дела, Курбский отказывается назвать свои беды под предлогом того, что их слишком много: «А вся приключившая ми ся от тебе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи...».¹³⁹ Как видно, Курбскому попросту нечего было сказать о причиненных ему видимых несправедливостях.¹⁴⁰ Правда, Курбский пишет, что царь всеродно губит их. Как же понять эту жалобу? Э. Кинан понимает ее так, что пре-

¹³⁷ Е. Ке е п а н, стр. 31.

¹³⁸ Там же, стр. 31, 35, 36.

¹³⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 535.

¹⁴⁰ Пройдут годы опричнины, и беглый боярин напишет в 1572 г. следующие строки о жестокости царя: «... братию мою, единоколенных княжат ярославских, различными смертми поморил ... имения мои и их разграбил» (Предисловие к «Новому Маргариту». — Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 7). Описанные конфискации и казни действительно произошли в годы опричнины. До отъезда Курбского о подобных гонениях на ярославских княжат ничего не было слышно.

следованиям подвергались семья и род автора письма. Но так ли это? В авторском контексте жалоба на «всеродное погубление» имела совсем иной смысл. Вот авторский текст:

«Почто, царю, сильных во Израили побил еси, и воевод... различными смертьми расторгл еси, и победоносную святую кровь их во церквах божиих пролиал еси, и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси, и на доброхотных твоих... муки и смерти и гоненья умыслил еси... Не прегордые ли царства разорили и подручны тебе сих во всем сотворили... Не претвердые ли грады ерманские тщанием разума их от бога тебе данны быста?

Сия ли нам бедным воздал еси, всеродно погубляя нас?».¹⁴¹

Ход мысли Курбского таков: бояре и воеводы («сильные во Израиле») покорили царю татарские ханства и германские грады, а царь губит этих воевод («нас») всеродно, т. е. со всей родней.¹⁴²

Слова Курбского имели вполне реальную историческую основу. Накануне его побега царские опалы утратили обычный персональный характер и стали затрагивать целые семьи. После смерти А. Адашева царь велел убить его брата Данилу с сыном и их родню: П. Турова, И. Шишкина, Сатиных и пр. Точно так же он заточил в монастырь знаменитого боярина князя Д. И. Курлятова, его жену, сына и дочерей.

Чтобы верно интерпретировать фразу Курбского о всеродном погублении, надо учесть прежде всего тот факт, что в письме к царю беглый боярин берет на себя роль заступника всех пострадавших на Руси¹⁴³ (подробнее см. ниже, стр. 62).

¹⁴¹ Послания Ивана Грозного, стр. 534.

¹⁴² Э. Кинан отвергает нашу интерпретацию текста Курбского, как надуманную, и утверждает, что фразу Курбского о всеродном погублении не следует относить к боярству как своего рода братству (E. Keenan, стр. 200, прим. 49). Однако, если фразу Курбского проанализировать в контексте, возможность двух толкований исчезнет.

¹⁴³ «Не мни, царю, — писал Курбский, — ни помышляй нас (!) ... аки уже погибших и изъенных от тебе неповинно и заточенных и прогнанных без правды, не радуйся о сем» (Послания Ивана Грозного, стр. 535—536).

Обратимся к трем последним признакам (№№ 5—7), выделенным Э. Кинаном для определения автора «Письма Курбского»: 5) автора занимает мысль о смерти; 6) автор — военный человек, несколько раз раненный, но никогда не побежденный; 7) автор редко виделся с женой из-за службы.¹⁴⁴ Оставим в стороне пятый и седьмой признаки, как слишком общие и неопределенные, и обратимся к шестому признаку. Военные подвиги автора, утверждает Э. Кинан, являются центральными с точки зрения атрибуции. Они исключают монаха Исаяю, далее — Хворостинина (он не был ранен) и Курбского (который не мог утверждать, что никогда не отступал перед врагом). Зато Шаховской никогда не был побежден в бою.¹⁴⁵

Приведенное рассуждение имеет в основе отмеченную выше психологическую ошибку. Почему беглый воевода в самооправдательном и очень полемическом письме должен был непременно указать не только на свои боевые заслуги, но и на единственное полупроигранное сражение под Невелем, которое в его глазах, кажется, вовсе не было поражением?

Э. Кинан завершает анализ биографических намеков, содержащихся в первом послании Курбского царю, таким замечанием: автор письма был и человеком религиозного воспитания, и воином — это необыкновенная комбинация в Московии до середины XVII в.; нет доказательств того, будто Курбский был религиозным или образованным человеком и у него не было причин негодовать по поводу упадка монашества, особенно учитывая, что он никогда не считался с законом божиим.¹⁴⁶

Э. Кинан явно не учитывает трех писем Курбского из Соловецкого сборника, которые обличают в авторе искусного богослова и человека бесспорно образованного. Выше мы писали о том, что во втором послании Васьяну Курбский довольно удачно развивает нестяжательские идеи своего учителя Максима Грека. Целые страницы этого послания посвящены разоблачению жизни монахов-стяжателей, забывших о своем иноческом призвании.

Забвение этих показаний необъяснимо.

Первое послание Курбского царю текстуально связано

¹⁴⁴ Е. Кеenan, стр. 31.

¹⁴⁵ Там же, стр. 37.

¹⁴⁶ Там же, стр. 39.

с его третьим посланием Васьяну. Э. Кинан объясняет эту близость тем, что третье письмо было также сочинено не Курбским, а Шаховским. К такому выводу приводит Э. Кинана «критическая проверка» информации, содержащейся в третьем письме. Э. Кинан пересматривает традиционную атрибуцию третьего послания с помощью следующих рассуждений:

1) трудно вообразить время, когда Курбский мог бы послать в монастырь за запасами («потребными животу») перед своим побегом. Курбский был в таком положении, что не нуждался ни в чем от монастыря; и потом, едва ли он обратился бы в Псковский монастырь. (Шаховской нуждался и мог бы обратиться);

2) нет никаких записей относительно финансовых сделок Курбского ранее 1564 г., но это слабое доказательство. Более важно, что Курбский не имел причин до или после побега сказать: «... но сейчас я не хочу быть в долгу у вашего преподобия». (Такие слова мог произнести Шаховской).¹⁴⁷

Сомнения Э. Кинана порождены незнанием переписки Курбского с Васьяном. В самом деле, уже в самом начале переписки Курбский уведомил Васьяна о получении летом книг и счета («... а книгу и Герасимово житие и счет летом привезли ж ко мне»).¹⁴⁸ Получив счет летом 1563 г., Курбский вскоре же его оплатил. В третьем послании монахам воевода упомянул об этом факте: «... имал был есми денги у вас и яз и заплатил». ¹⁴⁹ В том же письме Курбский писал: «Посылал есми к игумену и к вам человека своего бити челом о потребных животу и ... от вас презрен бых». ¹⁵⁰ Можно ли интерпретировать приведенный текст так, будто Курбский просил у старцев припасы, продовольствие? По-видимому, нет. На самом деле Курбский ругает старцев за отказ исполнить его просьбу в следующих выражениях: «... а утробу свою затворили, еще и в заем прошинно и паки возвращенно быти хотящися»; «... имал был есми денги у вас, и яз и заплатил, а ныне не хотел же должен есми быти вашему преподобию». ¹⁵¹

¹⁴⁷ Там же, стр. 42.

¹⁴⁸ Эта деталь сохранена лишь Соловецким списком Посланий Курбского (ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 242).

¹⁴⁹ ГПБ, Погод., № 1567, л. 2.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же, лл. 5, 2.

«Критическая проверка» информации третьего послания выглядит сущим произволом. Вот один из примеров вольной интерпретации текста Э. Кинаном. Приведем обращение Курбского к печорским монахам: «А коли есми шли первое в немцы и яз видел игумена и вас всех, монастырь оставя, внутрь града крыющихся; а егда ж ... любо-трудне на ермани ... воинствовали есмя аки сем лет безпрестани ... и ныне есть не в трепете, ни во ужасе, но в тишине и в мире глубоце».¹⁵² По мнению Э. Кинана, слова о семилетней войне могли относиться и к Шаховскому (война 1611—1618 гг.), и к Курбскому (походы 1558—1564 гг.), но весьма невероятно, чтобы Курбский мог говорить о глубоком мире, в котором Печорский монастырь оказался в 1565 г., в середине Ливонской войны. (Шаховской мог говорить так в 1620/21 г., после заключения мира).¹⁵³

Э. Кинан неверно перевел выражение Курбского «в тишине и в мире глубоце». Самый эпитет «глубокий» показывает, что имеется в виду не заключение мирного договора, а попросту прекращение военных действий в окрестностях Печор. Имеются точные записи Разрядного приказа о походе Курбского со сторожевым полком из Пскова мимо Печор «в немцы». Глазами очевидца Курбский описывает, как старцы в страхе укрылись в псковской крепости. Страх был вполне понятен. Монастырь, стоявший на самой границе, не имел укреплений в начале Ливонской войны.¹⁵⁴ Только ко времени, когда Курбский писал письмо в Печоры, монастырь огорождался прочными и высокими крепостными стенами, способными выдержать любую осаду. Русские утвердились в Юрьеве и полностью разгромили рыцарский орден. Теперь Псковщине не угрожали больше нападения немцев, и вместо ужаса монахи могли вкусить мир и тишину. Именно об этом и писал Курбский Васьяну.

Э. Кинан не приводит никаких данных ни о походе русских войск через Псков и Печоры «в немцы» в 1611 г., ни об участии в этом походе Шаховского.

¹⁵² Там же, л. 2—2 об.

¹⁵³ Е. Кеенап, стр. 40.

¹⁵⁴ См.: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 340.

Не имеет смысла приводить другие примеры произвольного обращения Э. Кинана с источниками. Свойственные формальной текстологии недостатки приобретают в его книге карикатурные формы. За произвольно истолкованными текстами Э. Кинан теряет реальное историческое содержание исследуемых памятников.

Бегство Курбского

Текстология, справедливо замечает Д. С. Лихачев, становится наукой по мере того, как преодолевает элементы механистического отношения к текстологическим вопросам. История текстов рассматривается в известной мере как история их создателей. «На первое место в текстологии выступили человек и общество в том их новом понимании, которое дает исторический материализм».¹⁵⁵

История Курбского удивительно полно раскрывается в его письмах. Они пропитаны духом той политической борьбы, которая достигла полного накала в преддверии опричнины. От взора внимательного читателя не могут ускользнуть многочисленные намеки и иносказания, которыми заполнен текст писем. Расшифровка их имеет первостепенное значение с точки зрения верной атрибуции и датировки памятника.

Дж. Феннел обратил внимание на то, что в первых письмах царю Курбский ни разу не упомянул имени Сильвестра и Адашева. На это можно заметить, что в первом послании беглый боярин не назвал вообще ни одного имени. Его письмо — некий обобщенный протест. Но в нем присутствуют многие незримые фигуры — современники Курбского. Попробуем воскресить их к жизни.

1. «...на доброхотных твоих и душу за тя полагающих ... смерти и гонения умыслил еси...». Современникам не надо было разьяснять смысл упрека Курбского. Многие годы ментором и наставником царя был Алексей Адашев. Его учителем жизни выступил Сильвестр. Но воспитанник проявил вопиющую неблагодарность по отношению

¹⁵⁵ Д. С. Лихачев. Текстология..., стр. 24—25.

к учителям, душу за него полагающим: Адашев умер в тюрьме, Сильвестр попал в монастырскую узницу. В ответе Курбскому царь старается всеми силами оправдать свою неблагодарность: «...еже от тебе нарицаемая доброты, — пишет он, — восташа, яко пьяни с попом Селивестром и с начальником вашим с Олексеем...».¹⁵⁶ Стрелы Курбского, как видно, попали не в бровь, а в глаз.

2. «... победоносную святую кровь их (воевод, — Р. С.) во церквах божиих пролиал еси и мученическими кровями праги церковные обагрил еси...». В феврале 1563 г. царская армия заняла крупнейшую литовскую крепость Полоцк. Одним из героев похода был боярин князь М. П. Репнин. Подчиненная ему артиллерия губительным огнем принудила литовский гарнизон к капитуляции. Отличился в том же походе и боярин князь Кашин. Не прошло и года, как «победоносная кровь» названных воевод пролилась. Факт засвидетельствован двумя бесспорными источниками: синодиком опальных царя Ивана Грозного, где воеводы записаны отдельным списком, и надписью на надгробии Репнина, на котором высечена дата 31 января 1564 г. По словам Курбского, заподозренных в измене бояр схватили на утренней молитве: одного убили прямо в церкви, другого выволокли на порог.¹⁵⁷

Казнь прославленных воевод символизировала конец целого периода, целой полосы в политическом развитии страны. При «либеральном» режиме Адашева смертная казнь ни разу не применялась по отношению к боярам, членам знатных фамилий, даже в тех случаях, когда они совершали самое тяжкое государственное преступление. Первые казни бояр в 1564 г. предвещали наступление опричного террора против боярства. Отвечая на упреки Курбского, царь сформулировал новую политическую доктрину, воплотившуюся вскоре в жизнь: «...а з божиею помощию, — писал царь, — имеем у себя воевод множество, и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же».¹⁵⁸

Курбский хорошо понимал смысл происходивших на его глазах событий. По-видимому, под непосредственным

¹⁵⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 39.

¹⁵⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Изд. ЛГУ, 1966, стр. 170—179, 199, 200.

¹⁵⁸ Послания Ивана Грозного, стр. 30.

впечатлением кровавых московских казней он дописал второе письмо Васьяну из Юрьева (февраль — апрель 1564 г.). Тут он впервые бросил дерзкий упрек царю, сравнив его со свирепым и кровожадным зверем.¹⁵⁹

Весь пафос писем Курбского, написанных в первой половине 1564 г., сосредоточен в требовании прекратить кровавые политические преследования и удалить их вдохновителей.

3. Постскриптум письма Курбского царю: «...и видех ныне сигклита... иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую яко воду, и выгубил уже сильных во Израили...».¹⁶⁰ Э. Кинан предположил, что приведенный постскриптум (который имеет чрезвычайно важное значение для установления авторства Курбского) был составлен не одновременно с письмом, а много позже. Предположение Э. Кинана основано на явном недоразумении. Сопоставим два отрывка из письма Курбского.

В основном тексте

...согласным твоим бояром, губителем души твоей и телу, иже и детьми своими, паче Кроновых жерцов деиствуют.¹⁶¹

После «Аминь»,
в постскриптуме

...и видех ныне сигклита, всем ведома, яко от преблужения рожден есть, иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили...¹⁶²

Э. Кинан не замечает того, что Курбский дважды (и в тексте, и в постскриптуме) говорит об одном и том же лице. Боярин, воздействовавший на царя «детьми своими», это, конечно же, А. Д. Басманов. Его сын юный фаворит Федор Басманов сделал головокружительную карьеру за год-полтора до бегства Курбского.¹⁶³ Буквально в те же

¹⁵⁹ Державные «вместо кротости свирепее зверей кровоядцов обретаются» (ГПБ, Собр. Солов. мон., № 962/852, л. 250).

¹⁶⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 536.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Ф. А. Басманов служил поддатнем у рынды с третьим саадаком, т. е. занимал одну из низших должностей в 1562 г., а уже в следующем году «ездил за государем» в ближней свите вместе с сыновьями знатнейших бояр (Горбатого, Шуйского) и ближним дворянином Зайцевым (см.: Разрядная книга 1375—1605 гг. — ГПБ, Эрм., № 390 (далее — Разряды), лл. 268 об., 288 об., 291 об.; ПСРА, т. XIII. М., 1965, стр. 362).

месяцы, когда Курбский писал письмо Грозному, один придворный, будучи в Кремле, стал опрометчиво бранить Федора Басманова за «нечестивое деяние» с царем.¹⁶⁴

Посмотрим теперь, о ком писал Курбский в постскрип-туме. Здесь речь идет также о близком к царю боярине (сигклите), будто бы незаконнорожденном. Отец А. Д. Басманова Данила попал в плен к литовцам в 1514 г., будучи совсем молодым, и в плену умер.¹⁶⁵ Может быть, это и послужило почвой для инсинуаций по поводу рождения его единственного сына? Отметим еще, что А. Д. Басманов получил первое воеводское назначение в 1544 г., т. е. через тридцать лет после смерти отца.¹⁶⁶

Курбский возлагал на Басманова ответственность за кровавые казни, и он, конечно же, знал, о чем писал. Прошло полгода, и Басманов возглавил опричнину, репрессии которой затмили все, что произошло до побега Курбского.

Басманов обладал выдающимися военными способностями. Он отличился при штурме Казани. Располагая незначительными силами, он без длительной осады занял неприступную ливонскую крепость Нарву.¹⁶⁷ Невысокое местническое положение мешало успехам воеводы. Но А. Д. Басманов пользовался покровительством царя и шел к власти напролом. После Полоцкого похода А. Д. Басманов бил челом на «великого боярина» И. В. Большого Шереметева и выиграл дело. Несмотря на явное преимущество Шереметева, его учинили «двema месты» ниже Басманова.¹⁶⁸ Прошло несколько месяцев, и Иван Шереметев был брошен в тюрьму, а его брат боярин Никита обезглавлен. Судя по описи царского архива, Басманов местничал с князем Иваном Кашиным.¹⁶⁹ Этого Кашина убили в самые первые дни опричнины (февраль

¹⁶⁴ А. Шлихтинг. Новое известие о России времен Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 17; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, стр. 96.

¹⁶⁵ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 258.

¹⁶⁶ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, стр. 107.

¹⁶⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 200—202.

¹⁶⁸ Там же, стр. 199.

¹⁶⁹ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1914 г. М., 1960, стр. 43.

1565 г.), а его родной брат боярин Юрий был казнен годом ранее.

Любопытно, что царь постарался ответить на каждое слово послания Курбского и только по поводу Басмановых не пожелал вступать в объяснения. Тема была для него слишком щекотливой, и он сделал вид, что не понял намека Курбского. Губителей «души нашей и телу несть у нас», — писал он.¹⁷⁰

Иносказания Курбского понятны в контексте конкретных событий, которые потрясли Россию накануне опричнины. Попытка Э. Кинана отнести памятник ко времени первых Романовых лишает эти иносказания всякого смысла. Э. Кинан не в состоянии объяснить, на каком основании Шаховской мог писать о влиянии на Михаила Романова «ласкателя», сын которого был интимным фаворитом царя. При первом Романове Шаховской мог бы жаловаться на преследование его родственников, но не имел поводов писать о всеобщем гонении на «сильных во Израиле» (бояр и воевод), о пролитии боярской крови в церквях, о погублении царских доброхотов и т. п. Произвольная гипотеза Э. Кинана по поводу авторства Шаховского нарушает естественное соотношение текста исследуемых памятников и с биографией автора, и с историческими фактами в целом.

Известных объяснений требуют настойчивые жалобы Курбского на несправедливости и преследования. Можно утверждать, что они не были вовсе беспочвенными. В свое время мы высказали предположение, что посылка Курбского в Юрьев явилась формой царской опалы. Э. Кинан отвергает такое предположение.

Попробуем представить обстоятельства, при которых Курбский попал на воеводство в Юрьев. Только что закончился победоносный Полоцкий поход, в котором Курбский выполнял почетное и опасное поручение. Он командовал авангардом (сторожевым полком). Обычно на этот пост назначали лучших боевых командиров. В дни осады Полоцка Курбский находился на самых опасных участках осадных работ: он устанавливал туры против неприятельского острога. После завоевания Полоцка победоносная армия вернулась в столицу, ее ждал триумф. Высшие офицеры могли рассчитывать на награды и отдых. Но

¹⁷⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 61.

Курбский лишен был всего этого. Царь приказал ему ехать в Юрьев и дал на сборы менее месяца. Всем памятно было, что Юрьев послужил местом ссылки «правителя» Алексея Адашева. Не прошло и трех лет с того дня, как Адашев после победоносного похода в Ливонию отбыл к месту службы в Юрьев, где он был заключен в тюрьму и умер в опале.

То, что наши соображения не являются домыслом, подтверждается также и письмами Курбского. Через несколько месяцев после прибытия в Юрьев он обратился к печорским монахам с такими словами: «И многожды много вам челом бью, помолитесь обо мне окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают».¹⁷¹ За аллегорическим образом Вавилона скрывалась царская власть. От нее ждал Курбский напасти и беды.

Грозный подтвердил основательность тревог Курбского. Через полтора года он приказал своим послам в Литве объявить следующее: «...учал государю нашему Курбский делати изменные дела, и государь был хотел его наказати, и он, узнав свои изменные дела, и государю нашему изменил».¹⁷² Позже Грозный, беседуя с польским послом, клялся царским словом, что он вовсе не думал казнить Курбского, а лишь намерен был убавить ему почестей и отобрать у него «места», т. е. земельные владения.¹⁷³

Каковы бы ни были намерения царя, Курбский вплоть до своего бегства не подвергался прямым преследованиям или конфискации имущества. В ответном письме Грозный отверг адресованные ему упреки, заметив, что Курбский, если бы он подвергся опале, «во граде нашем (Юрьеве, — Р. С.) не был бы еси и утекания было тебе сотворити невозможно, коли бы в том тебе не верили: и мы, тебе веря, в ту свою отчину послали...».¹⁷⁴

¹⁷¹ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 242.

¹⁷² Наказ составлен около ноября 1565 г. (Сб. РИО, т. 71. СПб., 1892, стр. 321).

¹⁷³ М. Петровский. Рецензия на «Сказания кн. А. Курбского» (изд. 3-е, издал Н. Устрялов, СПб., 1568). — Известия Казанского университета, 1873, кн. 4, стр. 7—28. Текст беседы царя с послом Ф. Воропаем опубликован также в кн.: ЧОИДР, кн. 9, 1848, отд. IV, стр. 300.

¹⁷⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 49.

Курбский, конечно, не мог оказаться в Юрьеве, если бы царь окончательно перестал ему доверять. И даже бегство бывшего друга не открыло глаза Грозному. Он продолжал заблуждаться на его счет, утверждая, будто Курбский изменил «единого ради малого слова гневна». ¹⁷⁵ В действительности отъезд Курбского не был результатом мгновенного решения. Отъезду предшествовали изменнические переговоры боярина с литовцами. Имеются достоверные сведения о том, что Курбский получил сначала два закрытых листа: один от Н. Радзивилла, гетмана литовского, и пана Е. Воловича, а другой — от короля Сигизмунда Августа. Литовская рада и король предлагали Курбскому отъехать из Московского государства в Литву. На первом этапе секретных переговоров достигнуто было соглашение, после чего Радзивилл послал Курбскому открытый лист с обещанием приличного содержания в Литве. Тогда же Курбский получил вторую грамоту от короля. ¹⁷⁶

Когда Курбский вступил в изменнические сношения с литовцами, в точности неизвестно. Совершенно очевидно, что переговоры заняли несколько месяцев, никак не менее того. Вспомним, сколь медленными были способы передвижения в то время, а также и то, что литовско-русская граница была закрыта и шла кровопролитная война. Помимо этих общих рассуждений, можно привести некоторые новые факты относительно первых контактов Курбского с литовцами. Имеется письмо Сигизмунда II раде великого княжества Литовского от 13 января 1563 г. Король благодарил князя воеводу витебского за старание его в том, что касается воеводы московского князя Курбского, и позволял переслать его (князя?) письмо тому же Курбскому и Мстиславскому. «... иное дело, — продолжал король, — что из всего этого еще выйдет, и дай бог, чтобы из этого могло что-то доброе начаться, хотя ранее от украинских воевод подобные известия не доходили, в частности о таком начинании Курбского». ¹⁷⁷

¹⁷⁵ Там же, стр. 13.

¹⁷⁶ Названные грамоты были представлены наследниками Курбского королевскому суду Литвы в 1584 г. (Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, стр. 193).

¹⁷⁷ Письмо Сигизмунда II Августа от 13 января 1563 г. — Познань. Архив Курник. Коп., № 1536. Этот источник любезно указал нам Б. Н. Флоря.

Текст письма Сигизмунда не совсем ясен, но в нем можно обнаружить несколько любопытных моментов. Нетрудно установить, что в конце 1562 г. литовская рада обратилась к виднейшим членам Боярской думы И. Д. Бельскому, Д. Р. Юрьеву, И. П. Федорову. Письма к ним носили официальный характер: гонец был принят Боярской думой. Посольский приказ составил ответные послания, подписанные названными боярами и отправленные в Литву.¹⁷⁸ Обращение же литовцев к Курбскому и Мстиславскому, о котором упомянул в своем письме король, не получило отражения в документации Посольского приказа. Очевидно, это обращение имело секретный характер. Король упоминает о том, что письмо к Курбскому послал «князь воевода витебский». Его имя нетрудно установить. Это Н. Ю. Радзивилл. Вот первое совпадение. Выше мы упомянули, что в архиве Курбского до его смерти хранился закрытый лист Радзивилла, которым, видимо, и начались его тайные переговоры с неприятелем. Второй момент: король пишет о «начинании» Курбского, которое, очевидно, обнадежило литовскую раду. Из этих слов можно заключить, что Курбский не только получил секретные письма из Литвы, но что его реакция была благоприятной для литовцев.

Новые архивные данные позволяют предположить, что любимец Грозного поддерживал изменнические отношения с литовцами на протяжении полутора лет, в то самое время, когда война с Литвой приобрела неблагоприятный оборот.

Приведенные факты заставляют заново пересмотреть известия ливонских хроник, повествующие о действиях Курбского на посту наместника русской Ливонии. Известный хронист Ф. Ниештедт рассказывает, что наместник шведского герцога Юхана в Ливонии некий граф Арц после ареста герцога королем Эриком XIV искал помощи у поляков, а затем обратился к Курбскому и тайно предложил сдать ему замок Гельмет. Договор был подписан и скреплен печатями. Однако заговор не удался, граф Арц был увезен в Ригу и там казнен в конце 1563 г. Слуга Арца поступил на службу к Курбскому, и от него хронист Ф. Ниештедт слышал, что Курбский не раз со вздохами

¹⁷⁸ Сб. РИО, т. 71, стр. 98 и сл.

сокрушался о кончине Арца.¹⁷⁹ Хронист освещает гельметские переговоры в благоприятном для Курбского свете, но он добросовестно записал также и слухи, компрометиовавшие боярина. «Князь Андрей Курбский, — пишет он, — также впал в подозрение у великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышлял с королем польским против великого князя». Данные о тайных сношениях Курбского с литовцами показывают, что подозрения царя, кажется, не были беспочвенными. Вероятно, Курбский сам предал Арца, о смерти которого потом лицемерно сожалел. Будучи царским наместником Ливонии, Курбский, по-видимому, мог оказывать важные услуги литовцам. Примечательно, что изменнические переговоры воеводы с литовцами вступили в решающую фазу в то самое время, когда военная обстановка приобрела кризисный характер. Сильная московская армия вторглась в пределы Литвы, но гетман Н. Радзивилл, располагавший точной информацией о ее движении, устроил засаду и наголову разгромил царских воевод. Произошло это 26 января 1564 г. Через три месяца Курбский бежал в Литву.

История измены Курбского, быть может, дает ключ к объяснению его финансовых дел. Э. Кинан обратил внимание на один странный парадокс. По письмам, Курбский занимал деньги у печорских монахов. Но за границу он явился с мешком золота. Кинан разрешил несоответствие с помощью простого, но неверного предположения. Он счел недостоверными данные о займах Курбского. Однако бесспорность этих сведений установлена выше. Итак, возникает вопрос, почему весной 1563 г. Курбский должен был обращаться к печорским монахам за займами, а через год увез в Литву огромную по тому времени сумму денег?

Возможно несколько объяснений. Готовясь к бегству, Курбский мог продать принадлежавшие ему земельные владения. Но сам же Курбский свидетельствует, что его земли были конфискованы царем после его бегства. Следовательно, мысль о продаже вотчин оказывается несостоятельной.

Уместно и другое предположение. Поскольку Курбский поддерживал изменнические сношения с литовцами

¹⁷⁹ Летопись Ф. Ниештедта, стр. 36.

и оказывал им услуги, он мог получить от них и деньги. Приведем некоторые факты, свидетельствующие в пользу такого предположения. Когда беглый боярин явился за рубеж, в его кошельке нашли 300 золотых, 30 дукатов, 500 немецких талеров, 44 московских рубля. Золотые монеты не обращались в России, а дукаты заменяли ордена: получив за службу «угорский» (дукат), служилый человек носил его на шапке или на рукаве. Курбский обладал громадной по тем временам суммой в иностранной золотой монете, и в то же время он увез из России всего 44 московских рубля.¹⁸⁰ Быть может, Курбский оказал важные услуги врагам, которые были щедро оплачены польским золотом.

Итак, Курбский явился за рубеж богатым человеком. Чем же объяснить тогда его обращение в Печоры за новым займом, о котором упоминается в третьем послании Васьяну? Тут все объясняется очень просто. Сохранилась поданная в литовский суд жалоба Курбского, в которой боярин подробно излагает историю своего побега из Юрьева. Жалоба включена в книгу актов Литовской метрики, и ее подлинность не вызывает сомнений.

Когда Курбский пересек границу и заехал в ближайший к Юрьеву замок Гельмет, чтобы взять проводника до Вольмара, где его ждали королевские чиновники, гельметские «немцы» схватили перебежчика и отобрали у него золото. Из Гельмета его как пленника повезли в замок Армус. Тамошние дворяне довершили дело: они содрали с воеводы лисью шапку, отняли лошадей и т. п.¹⁸¹ Когда ограбленный до нитки боярин явился в Вольмар, то там он имел возможность поразмыслить над превратностями судьбы. Послание царю, написанное на другой день после гельметского грабежа, очень точно воспроизводит душевное состояние беглеца.

В послании Курбского, отмечает Э. Кинан, исключительно важны слова: «... всего лишен бых, и от земли божия тобою (царем, — Р. С.) туне отогнан бых».¹⁸²

¹⁸⁰ Акт Литовской метрики о бегстве князя А. М. Курбского. Изд. Г. Э. Кунцевич. — ИОРЯС, 1914, ч. XIX, кн. 2, стр. 284.

¹⁸¹ Там же. — Жалоба Курбского датирована 23 февраля 1567 г. Курбский судился с ливонскими дворянами несколько лет, но смог вернуть себе только часть отображенного имущества.

¹⁸² По словам Э. Кинана, то, что Курбский оставил в Юрьеве семью, не было делом вынужденным. Он бежал, имея по крайней мере трех лошадей, и успел захватить двенадцать сумок, набитых

Курбский, утверждает Э. Кинан, не мог законно жаловаться на это, так как он едва ли знал о конфискации его поместья, последовавшей в наказание за его побег.

Э. Кинан удачно разоблачает миф о преследуемом и гонимом страдальце Курбском,¹⁸³ и все же его слова служат удивительным образцом формальной интерпретации источника. Если Курбский не мог законно жаловаться на преследования, пишет Э. Кинан, значит он не мог быть автором приведенных строк. Э. Кинан исключает возможность того, что жалобам Курбского не доставало объективности. Курбский писал, что «отгнан» был из отечества царем и им же лишен всего. На самом деле он покинул родину совсем по другим причинам. Наместник Ливонии был подкуплен литовцами, и его гнал из отечества страх разоблачения. На родине Курбский не подвергался прямым преследованиям. До последнего дня он пользовался властью и почетом. Когда же он явился на чужбину, ему не помогли ни охранная королевская грамота, ни присяга литовских панов-сенаторов. Он не только не получил обещанных выгод, но, напротив, под-

добром. Ясно, делает вывод Э. Кинан, Курбский взял то и тех, кого он считал для себя нужными для дальнейшей жизни за границей; жену он оставил с легким сердцем (Е. Кеенап, стр. 200, прим. 46, стр. 37). В записках современников побег Курбского освещен несколько иначе. По словам Г. Штадена, Курбский отъехал к королю, пристоив жену и детей (Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, стр. 87). Ливонский хронист Ф. Ниештедт, писавший со слов слуги Курбского, утверждал, что жена боярина ждала ребенка в тот момент, когда он бежал за рубеж (см.: Летопись Ф. Ниештедта, стр. 36). Побег из Юрьева был делом исключительно трудным, и Курбский утверждал, что его самого «от гонения на своей вые» вынесли верные слуги (Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 312). Кажется, что утверждение Э. Кинана насчет равнодушия Курбского к семье не вполне основательно. Впрочем, известны многие факты, характеризующие Курбского как человека черствого и жестокого. Блудчи в Литве, Курбский убил слугу, помогшего ему бежать из Юрьева. Боярин не раз грабил соседей по имению. В своих владениях он сажал местных еврейских торговцев в водяные ямы, кишевшие пиявками, и вымогал у них деньги (там же, стр. 6).

¹⁸³ Замечание польского хрониста Бельского, что Курбский убежал, убоявшись гнева царя после безуспешной кампании, пишет Э. Кинан, всего лишь предположение: точные документы указывают, что Курбский предал своего государя и свое отечество после продолжительных переговоров с королем Сигизмундом по очень прозаической причине собственной выгоды (Е. Кеенап, стр. 36).

вергся прямому насилию и был ограблен до нитки. Он разом лишился высокого положения, власти и золота. Жизненная катастрофа исторгла у Курбского невольные слова сожаления о земле божьей — покинутом отечестве.

Изменник не мог сказать ничего конкретного по поводу несправедливостей, причиненных ему на родине. Но он должен был как-то объяснить свое предательство. Именно поэтому он встал в позу защитника всех обиженных и угнетенных на Руси, в позу критика и обличителя общественных пороков. Во втором послании Васьяну Курбский с желчью писал о «нерадении державы», «кривине суда» и «о несытстве граблении чюжих имении».¹⁸⁴ Боярин проливает слезы по поводу бедственного положения дворян, которые не имеют «не токмо коней, къ бранем уготовленных», но и «дневныя пищи», и недостатки, убожества и беды которых превосходят всякое описание.¹⁸⁵

Наконец, Курбский проявляет совершенно необычное для него сочувствие к бедам купцов и крестьян, задавленных податями: «... земледелецъ все днесь узрим, како стражут, безмерными данми продаваеми и от немилостивых приставов влачими и без милосердия биени. ... Бедно видение и умилен позорь!».¹⁸⁶

Курбский считал себя учеником известного гуманиста Максима Грека и бережно хранил у себя его сочинения — «Слова». Максим Грек с большим красноречием писал о бедных крестьянах, разоренных непосильными поборами.¹⁸⁷ Курбский повторил идеи учителя, но в его устах слова сочувствия земледельцам звучали необычно. Ни в одном из своих многочисленных сочинений Курбский никогда больше ни единым словом не вспомнил о крестьянах.

Курбский ничего не мог сказать о преследованиях на родине, лично против него направленных. Поэтому он прибегнул к обширным цитатам богословского характера, чтобы обличить царя в несправедливости.

¹⁸⁴ ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 250.

¹⁸⁵ Там же, л. 251 об.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Сочинения Максима Грека, изд. Казанской духовной академии, ч. 2. Казань, 1860, стр. 130—132.

«И воздал еси мне злая возблагая и за возлюбление мое — непримирительную ненависть», — с такими евангельскими словами обратился беглый боярин к Грозному. Ближайшее рассмотрение обнаруживает, что за «возлюблением» Курбского крылось предательство.

Курбский не искал обличительные цитаты в «священном писании». Он заимствовал целый отрывок из послания литовского монаха Исаяи, написанного полтора годами ранее.

Миссия Исаяи

Чтобы объяснить обстоятельства знакомства Курбского с упомянутым посланием, приведем некоторые данные о миссии Исаяи в России. Цели миссии известны только со слов самого Исаяи. Литовский православный монах снаряжен был в Москву за церковными книгами. Но миссия его имела не только религиозные цели. Исаяя прибыл в Москву «со всякими многими купеческими товарами, и с конми, и с людьми моими с двема человеками».¹⁸⁸

Все писавшие об Исаяе обращали внимание на культурный характер его миссии. Но никто не исследовал обстоятельств, сопутствовавших этой миссии. В июле 1561 г. армия Радзивилла вторглась в пределы русской Ливонии и осадила замок Тарваст.¹⁸⁹ В это самое время Исаяя направлялся из Литвы к русской границе. Первого сентября русский гарнизон Тарваста после пятинедельной обороны сдался литовцам. И тут Исаяя явился в Смоленск.¹⁹⁰ Трудно представить менее подходящий момент для посылки культурной литовской миссии в Россию. Литовцы затевали большую войну из-за Ливонии. С точки зрения официальных целей поезда Исаяи была с самого начала обречена на провал.

¹⁸⁸ Список с листа Исаяина. — ЧОИДР, 1883, кн. 1, отд. V, стр. 2.

¹⁸⁹ Сб. РИО, т. 71, стр. 236; ПСРЛ, т. XIII, стр. 339; Псковские летописи, вып. II. М., 1955, стр. 240.

¹⁹⁰ Отписка смоленского епископа Симеона (сентябрь 1561 г.). — РИБ, т. XXII, кн. II. СПб., 1908, стлб. 67.

Миссия Исаяи не была частным предприятием. По утверждению монаха, его снарядил в путь литовский подканцлер О. Волович.¹⁹¹ И с этой стороны миссия Исаяи выглядела странно. Прошло несколько лет, как Волович отрекся от православной веры и примкнул сначала к лютеранам, а потом к арианам. На средства Воловича в 1562 г. были изданы в Несвиже труды известного арианина Ш. Будного.¹⁹² Не совсем понятно, зачем в том же году Воловичу понадобилось посылать Исаяю в Москву за православными сочинениями? Как видно, церковные книги были только предлогом. Подлинные же цели миссии Исаяи носили иной характер.

Исаяя смог перейти границу, присоединившись к свите греческого митрополита Иоасафа, направлявшегося через Литву на Русь с посланием константинопольского патриарха. Едва добравшись до Смоленска, Исаяя тотчас же подал донос на Иоасафа, заявив, что митрополит, будучи в Литве, «целовал крест королю и королевской раде».¹⁹³ Митрополит вынужден был давать письменные объяснения, но ему не поверили и задержали в Москве на долгие четыре года.¹⁹⁴ Что касается Исаяи, то его попытка завоевать доверие московских властей не удалась. Не прошло и года, как доносчик попал в вологодскую тюрьму. Вина Исаяи оказалась столь значительной в глазах русских, что те продержали его в заточении до окончания Ливонской войны, в течение двадцати лет. Видимо, Исаяя был наказан в Москве как литовский шпион.

Исаяю послал в Москву тот самый Волович, который вскоре обратился с тайными грамотами к Курбскому. Начиная борьбу с царем из-за Ливонии, литовская рада надеялась добиться успеха с помощью не только военных сил, но и средств секретной дипломатии. За месяц до приезда Исаяи в Москве был арестован по подозрению в измене двоюродный дядя царя князь В. М. Глинский.

¹⁹¹ Подканцлер Волович испросил у короля опасные грамоты на проезд Исаяи за московскую границу. Вероятно, он же снабдил Исаяю «почтенными дарами» — золотом, бисером, драгоценными камнями, предназначенными в подарок царю. (См.: Список с листа Исаяна, стр. 2, 3).

¹⁹² T. Wasilewski. Testament Ostafiego Wollowicza. — *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, VII, 1962, p. 166.

¹⁹³ РИБ, т. XXII, кн. II, стлб. 67.

¹⁹⁴ См.: А. Н. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церкви, ч. I. М., 1858, стр. 112—118.

Боярин признался в том, что «преступил» перед царем и клятвенно обязался выдать правительству тех людей, которые «учнут» с ним «думати о литовской посылке и отъезде», а равно и литовских лазутчиков, которые придут к нему «с грамотами или с речами».¹⁹⁵

Несмотря на принятие строжайших мер против литовских шпионов, московским властям не удалось полностью пресечь тайные сношения бояр с литовской радой. Через несколько месяцев после приезда Исайи в Москве был арестован глава Боярской думы князь И. Д. Бельский. При обыске у боярина нашли проезжую грамоту от короля Сигизмунда Августа и подорожную роспись до литовской границы.¹⁹⁶ Изобличенный в измене Бельский признался, что с «королем есми ссылался и грамоту есми от него себе опасную взял, что мне к нему ехати, и хотел есми бежати».¹⁹⁷ Через несколько месяцев бежал в Литву знатный царский вассал князь Д. И. Вишневецкий. Немногом позже аналогичную попытку предпринял князь Д. И. Курлятев. Тогда же царь объявил опалу удельным князьям Воротынским, заподозренным в изменнических сношениях с литовцами.¹⁹⁸

Считают, что в Москве Исайю обвинили в ереси.¹⁹⁹ Сам Исайя назвал виновником своих бед митрополита Иоасафа, который «слово законопреступно возложил» на него.²⁰⁰ В чем состояло «законопреступление» монаха, трудно сказать. Но речь шла, по-видимому, не о богословских диспутах «литвина» и грека. Диспут неизбежно предполагает диалог, между тем Исайя более всего негодовал на своего недруга за то, что тот обвинил его «не с очей на очи», а, так сказать, заочно.²⁰¹

¹⁹⁵ СГГД, ч. I. М., 1813, стр. 470—472.

¹⁹⁶ Стрелецкий голова Н. Елсуфьев, владевший помещьем в Белой, неподалеку от литовской границы, князю Бельскому «дорогу на Белую выписал» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 340).

¹⁹⁷ Поручная грамота И. Д. Бельского. — СГГД, ч. I, № 177, стр. 484—485.

¹⁹⁸ См.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 161—171.

¹⁹⁹ См.: Д. И. Абрамович. К литературной деятельности мниха камянчанина Исайи. — ПДПИ, т. CLXXXI. СПб., 1913, стр. V; П. А. Сырку. Из истории сношений русских с румынами. — ИОРЯС, т. I, кн. 3. СПб., 1896, стр. 539—540; К. В. Харламович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I. Казань, 1914, стр. 10.

²⁰⁰ ГПБ, О. XVII. 70, л. 178 об.

²⁰¹ Там же, лл. 178 об. — 179.

Обличения Исайи в адрес грека носят несколько риторический характер. Исаяя начал с известной богословской цитаты: «За благая моя воздал ми злая...» и пр. Сама по себе эта цитата очень мало подходила к ситуации. Исаяя не только не сделал блага Иоасафу, а напротив причинил ему зло, подав на него политический донос. Прибегнув к богословию, Исаяя, таким образом, избавился от необходимости дальнейших объяснений по поводу обстоятельств его заточения в московскую тюрьму. Курбский, как мы увидим ниже, лишь повторил прием Исайи.

Письмо с обличением Иоасафа вологодский узник адресовал некоему православному «брату» в Литве. К середине 60-х годов в Литве образовалась довольно значительная православная эмиграция. К ее составу принадлежали бывший игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий, его ученик Марк Сарыхозин, монах-расстрига Тимофей Тетерин и другие лица. Эмигранты поддерживали тайные связи с недовольными лицами в Москве. И едва ли случаен тот факт, что ряд эмигрантов (Тетерин и Сарыхозин) оказались в Вольмаре в тот самый момент, когда туда прибыл Курбский. От них или же от литовских ревнителей православия, к каковым принадлежал гетман А. Полубенский, Курбский, возможно, и получил письмо московского тюремного сидельца Исайи.

Займствование литературных текстов не считалось делом предосудительным в глазах писателей XVI столетия. Нет ничего удивительного в том, что Курбский займствовал цитаты из послания Исайи.

Сопоставление послания Исайи и двух вольмарских посланий Курбского обнаруживает направление «творческого процесса» Курбского.

«Жалоба»
Исайи

Али бесмертен
мниш себе, аки не
хотя уже предстати
доброму пастырю
и истинному учи-
телю и неумытному
судии, надежи хри-
стианской, богона-
чальному Исусу,

Первое послание
Курбского царю

Али ты безмертен,
царю, мнишися, и в не-
бытную ересь прельщен,
аки не хотя уже пред-
стати неумытному судье,
надеже христианской,
богу начальному Исусу,
хотящему судити вседен-
ней в правду, паче же

Третье
послание
Курбского
Васьяну

...и сие писа-
неицо велю в ру-
ку себе вложить,
идуши с ним к не-
умытному судие к
надежи христиан-
ской к богоначал-
ному моему Исусу,
заступающаго мя

хотящему судити
вселенней в прав-
ду...²⁰²

не обинуяся пред гордым
гонителем...²⁰³

и покрывающа во
всех прелютых и
нестерпимых гоне-
нии.²⁰⁵

А писаньеце сие,
слезами измоченное, во
гроб со собою повелю
вложить, грядуще с то-
бою на суд бога моего
Иисуса.²⁰⁴

По понятным причинам Курбский написал прежде письмо царю: многие годы их связывала личная дружба, и теперь надо было объяснить государю причины предательства. Курбский включил в письмо царю целый отрывок из послания Исайи. Но слова обличения против митрополита Иоасафа Курбский переадресовал царю, лишь слегка перефразировав текст Исайи.

Взявшись затем за письмо к Васьяну, Курбский повторил только одну фразу Исайи, уже использованную им в послании к царю («...к неумытному судие...»). Кроме того, он в сокращенном виде повторил в письме к Васьяну некоторые фразы из только что написанного письма царю. Так, царю Курбский грозил тем, что возьмет с собой в гроб «писаньеце сие, слезами измоченное». Образ был бесспорно удачный, и Курбский воспользовался им в письме Васьяну, но, не желая повторяться, опустил самую впечатляющую деталь («слезами измоченное» письмо).

На этом можно закончить историю написания первого послания Курбского царю.

Адресат Курбского

Д. С. Лихачев отметил чрезвычайно важный недостаток в рассуждениях Э. Кинана. Под пером Э. Кинана меняется не только автор первого послания (Шаховской занимает место Курбского), но и его адресат (царь Михаил Федорович вместо царя Ивана Васильевича). Д. С. Лихачев доказывает полную неосновательность подобного рода переадресовки. Об адресате автор письма говорит гораздо подробнее, чем о себе, и говорит вполне

²⁰² Там же, л. 179.

²⁰³ Послания Ивана Грозного, стр. 534—535.

²⁰⁴ Там же, стр. 536.

²⁰⁵ ГПБ, Погод., № 1567, л. 4 об.

ясно.²⁰⁶ Против адресата выдвинуты многочисленные и очень конкретные обвинения: в истреблении знатных родов, в пытках и мучительстве, святотатстве (убийствах в церкви и издевательствах над монахами) и пр. Отнести все эти обвинения на счет царя Михаила не представляется возможным.²⁰⁷

Э. Кинан меняет также автора и адресата первого послания царя Курбскому. Согласно его схеме, в конце 1620-х или начале 1630-х годов (возможно, до смерти патриарха Филарета в 1633 г.) Шаховской или кто-то из его приближенных составил первую версию письма Ивана Грозного, представлявшего собой ответ на письмо Шаховского, которое стали приписывать Курбскому. Этот текст, говорит Э. Кинан, стал как бы частью новой концепции истории, писавшейся в период Смуты, и одновременно скрытым откликом на политическую ситуацию царствования Михаила Федоровича, особенно на роль Филарета. Вскоре вторая версия того же письма, расширенная с помощью интерполяций пространных исторических и теоретических отступлений, была создана кем-то, имевшим взгляды, близкие Шаховскому, — возможно, самим Шаховским.²⁰⁸

Вопрос о соотношении краткой и пространной редакций первого послания Грозного мы подробно разберем ниже. Пока же отметим полную неосновательность попытки рассматривать царское послание как выражение исторических и прочих концепций Шаховского или его единомышленников.

В словах Грозного «не подобает священником царския творити» Э. Кинан усматривает прямой намек на Филарета, вмешивавшегося в царские дела. Но такое толкование является слишком искусственным. Главное возражение состоит в том, что полемика Грозного обращена острием не против духовенства, а против боярской аристократии и ее политических притязаний. Царь страстно обличал измену Курбского и его предков из рода ярославских князей. Шаховской происходил из того же рода, и едва ли имел основание оправдывать царские гонения, от которых пострадали

²⁰⁶ См.: Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? стр. 206—207.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Е. Кеenan, стр. 6.

и некоторые члены семьи Шаховских. Гонения Грозного подорвали влияние ярославских княжат, и попытки оправдать эти гонения кажутся вовсе неестественными в устах родни Курбского. Такие попытки тем более непонятны, что Шаховские подвергались преследованиям также и при первых Романовых. Какие мотивы могли побудить Шаховского превозносить в качестве высшей мудрости принцип неограниченного царского произвола? Зачем понадобилось ему отрицать право его же братии бояр и княжат на участие в управлении? Мог ли он написать, например, такие слова: «А Российское самодержжество изначяла сами владеют своими государьствами, а не бояре и не вельможи».²⁰⁹

В устах Грозного вполне уместной была фраза: «До селе русские обладатели ... вольны были подовластных жаловати и казнити...»²¹⁰ Какие же основательные доводы могут заставить нас поверить тому, что подобные декларации мог сочинить Шаховской, семья которого многократно страдала от царского произвола?

Первая эпистолия Грозного

Э. Кинан не подвергает специальному текстологическому анализу первое послание царя Курбскому. Тем не менее он делает ответственные выводы по поводу истории его текста.

Я. С. Лурье в итоге тщательного исследования установил наличие двух ранних редакций послания Грозного (полной и краткой) и поздней редакции (представленной так называемыми «сборниками Курбского» и хронографом в списках конца XVII в.). Полная редакция стоит наиболее близко к оригиналу, тогда как краткая является вторичной по отношению к ней. Последний вывод Я. С. Лурье доказывает двумя моментами: 1) второе послание Курбского имеет в виду полную (широковещательную) редакцию письма Грозного; 2) краткая редакция, представляя собой набор библейских цитат, имеющих в полной редакции, несравненно уступает ей в по-

²⁰⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 14—15.

²¹⁰ Там же, стр. 44.

следовательности и логической стройности: библейские цитаты, лишенные своего светского обоснования, нередко теряют смысл.²¹¹

Приведем некоторые дополнительные данные, проливающие свет на взаимоотношение краткой и пространной редакций первого послания Грозного. В краткой редакции можно обнаружить многочисленные сокращения, касавшиеся не только целых отрывков, но и отдельных предложений:

Полная редакция

Се убо злоба собака [злоба обычен, — *Пог.*] сама себе хапати! Сам не разумея, что слатко и свет и что горко и тма, а иных поугляет (поучает, — *Пог.*).²¹²

[не, — *Пог.*] туне мечь носит, в месть убо злодеем, в похвалу же доброем.²¹⁴

Станем же убо о сем разсуждения имети, кто прегорд: аз ли, еже от бога повинными рабом вам повелею хотению своему сотворяти или вы, еже по божиею велению моего владычества и своего ига работнаго отменяется...; се ли гордос, яко владыце раба учти...; како же собака и того не разсудишь, како три патриарха» и пр.²¹⁶

Краткая редакция

Се убо злоба обыче сама себе хапати, сам не разумея, что сладко и свет.²¹³

... не туне мечь носит, в месть злодеем.²¹⁵

Како же, собака, и того не разсудиши?

Станем же о сем разсужение имети: се ли гордое ко господину раба учти, але се не гордость — моего владычества и своего ига работнаго отменяется...²¹⁷

Приведенные текстовые сопоставления дают довольно точное представление о направлении процесса работы над текстом. Редактор сократил текст, не слишком заботясь о сохранении авторской мысли, образных сравнений и пр. Так, в первом тексте смысл реплики состоял в словах: «Сам не разумея, иных поучает!». Редактор сокращает

²¹¹ Там же, стр. 557.

²¹² БАН, тек. пост., № 230, л. 181.

²¹³ Послания Ивана Грозного, стр. 128.

²¹⁴ БАН, тек. пост., № 230, л. 151 об. В Погодинском списке: «... не туне бо мечь носит» (Послания Ивана Грозного, стр. 20).

²¹⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 133.

²¹⁶ БАН, тек. пост., № 230, л. 190—190 об.; ср.: Послания Ивана Грозного, стр. 51—52.

²¹⁷ Послания Ивана Грозного, стр. 133.

вторую половину предложения, а первую присоединяет к предыдущему предложению, в результате чего теряется всякий смысл: «...злоба... сама себе хапати, сам не разумея...».

Иногда редактор, обнаружив в тексте афоризм («в месть злодеем, в похвалу добродеем»), рассекает его и отбрасывает конец. В другом месте редактор вырывает фразу («Како же собака...») из связного повествования о Феофиле и использует как вводное предложение к рассуждению о гордости. От логической конструкции автора не остается и следа. Постановка вопроса в начало фразы (Како того не рассудишь? Станем о сем рассуждение иметь...) оказывается совершенно неоправданной. По-видимому, редактор старается придать более общий характер рассуждениям Грозного. В авторском тексте рассуждение ведется от первого лица. Царь ставит вопрос: «Я ли горд или вы?». Под пером редактора этот вопрос превращается в общее рассуждение о гордости: «Это ли гордое, или это не гордость?».

Основной характер работы редактора прослеживается достаточно явственно: он произвольно и большей частью механически сокращал текст послания, проявляя при этом крайнюю небрежность и часто не вникая в смысл сокращаемого текста.

Сопоставляя тексты полной и краткой редакций, Я. С. Лурье отметил пять случаев большей полноты краткой редакции по сравнению с полной.²¹⁸ Один из пяти случаев объясняется сравнительно просто. Фраза из текста краткой редакции («Апостолу Павлу глаголющу»), отмеченная Я. С. Лурье как отсутствующая в тексте полной редакции, на самом деле имеется в полной редакции, но отстоит на большое расстояние от текста, к которому в краткой редакции ее присоединил составитель. Авторский текст имел следующую конструкцию:

- 1) «Апостолу Павлу глаголющу:» (цитата 1),
- 2) «И хто тя (Курбского, — Р. С.) рукополагателя учинил, яко учительский сан восхищаеши?»,
- 3) «Апостолу Иякову сию отрицающе...» (цитата 2 из Якова),
- 4) «...апостол пишет к Тимофею, глаголя: „Чадо

²¹⁸ Там же, стр. 556.

Тимофее...“ „...имуще образ благочестия, силы же его отвергошася“».²¹⁹

Составитель краткой редакции произвел основательное сокращение текста, но проявил при этом обычное пренебрежение к оригиналу. Конец второй фразы, относящейся к Курбскому, он присоединил к третьей фразе, отчего получилась полная бессмыслица: «...яко учительский сан восхищаеши, апостолу Иякову сие отрицающе».²²⁰ Затем редактор выписал первую фразу («Апостолу Павлу...») и присоединил к ней несколько строк, выхваченных из фразы четвертой («имуще образ благочестия...»)²²¹

Три случая, отмеченные Я. С. Лурье, свидетельствуют, по-видимому, о том, что составитель краткой редакции имел под руками список, сходный с сохранившимися списками полной редакции (Пог., № 1567; БАН, № 230, и др.), но не совпадающий с ними, а отличающийся в некоторых случаях большей полнотой. В двух из этих случаев в тексте краткой редакции приведены начальные слова фразы («Отвещай ми», «Аз же») и в одном случае половина фразы («А еже писал еси, яко бессмертен мною, и яз...»), отсутствующие в сохранившихся дефектных списках полной редакции XVII в.²²²

Последний случай, выделенный Я. С. Лурье, внешне ничем не отличается от первого. Фраза краткой редакции («В послании божественнаго Дионисия о Поликарпе Измирьскаго...»), отмеченная Я. С. Лурье как отсутствующая в полной редакции, в действительности есть в этой последней.

²¹⁹ Там же, стр. 20—22; ср.: БАН, тек. пост., № 230, лл. 152 об.—154.

²²⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 132.

²²¹ Там же.

²²² Ср.: там же, стр. 130, 135, 132; БАН, тек. пост., № 230, лл. 144, 201—201 об., 188. В своем послании царь многократно цитирует письмо Курбского. (Для эпистолярного жанра времени Грозного такую манеру можно рассматривать как типичную). Царское письмо в полной редакции буквально пестрит фразами: «А еже писал еси...» (употреблена два раза), «А еже писал и то...», «Что же убо писал...», «...к нам писал еси», «...писал еси...» (Послания Ивана Грозного, стр. 29—30, 46, 50, 62, 62—63). Сопоставление полной и краткой редакций как будто говорит о том, что в сохранившихся списках полной редакции часть подобного рода цитат была опущена переписчиками. В глазах писцов, копировавших сначала письмо Курбского, а затем ответ царя, наличие подробных цитат в царском ответе казалось излишеством.

Полная редакция: 1) «... речи на то в послании божественного Дионисия о Поликарпе епискупе» (далее следует первая, подробная притча о Поликарпе); 2) «Великого священномученика Поликарпа видение, еже молящяся на еретиков» (вторая, краткая притча о Поликарпе).²²³

Составитель краткой редакции, по-видимому, списал вводные слова первой (подробной) притчи и присоединил к ним вторую (краткую) притчу, в результате чего получился текст: «В послании божественного Дионисия о Поликарпе Измирьскаго видение еже молящяся на еретиков...».²²⁴

Все, что мы знаем о приемах работы составителя краткой редакции, подкрепляет предложенное здесь истолкование пятого случая (притча о Поликарпе). Однако этот случай вызвал споры в литературе, и он заслуживает более пристального рассмотрения.

Курбский пригрозил царю, что будет «проповедать» на него богу и святым. Царь Иван постарался отвести угрозу с помощью ссылки на притчу о Карпе (Поликарпе). В сохранившихся списках полной редакции притча претерпела метаморфозу. Она как бы удвоилась: рядом с подробной притчей появилась сходная краткая притча о том же Поликарпе. Обе притчи завершаются дословно совпадающими тирадами царя по адресу «пса» Курбского. Еще Н. Устрялов высказал мнение о том, что в двух притчах фигурировали разные Поликарпы: в первой — древний епископ, во второй — печорский архимандрит XII в.²²⁵ С этой гипотезой согласился Г. Штелин, который в то же время высказал мнение, что две притчи о Поликарпе являются вариантами одного и того же рассказа, заимствованного из византийского сочинения.²²⁶ Я. С. Лурье отметил, что притча о печорском архимандрите XII в. никак не могла быть почерпнута из византийского сочинения V—VI вв., и в то же время поддержал другое предположение Г. Штелина. Учитывая явное сходство между двумя притчами

²²³ БАН, тек. пост., № 230, лл. 197—197 об., 199 об. Имя Дионисия пропущено в дефектном списке Археографической комиссии, текст которого опубликован в кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 57.

²²⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 133—134.

²²⁵ Сказания князя Курбского. Изд. 3-е. Издал Н. Устрялов. СПб., 1868, прим. 293.

²²⁶ Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurb-skij. Herausgegeben von Stählin. Leipzig, 1921, S. 95.

и совпадение имен героев, пишет Я. С. Лурье, можно предположить, что перед нами два варианта одной притчи; следует думать, что такое удвоение имеет раннее происхождение и могло быть сделано самим Грозным или кем-либо из лиц, помогавших ему в составлении послания. Вряд ли, продолжает Я. С. Лурье, можно считать такую композиционную запутанность делом рук переписчика: соединение двух сходных рассказов и повторение одинакового заключения могло иметь место и в оригинале послания Грозного.²²⁷

Попытаемся выяснить соотношение двух версий притчи (подробной и краткой) путем сопоставления текстов. Подробную версию называют обычно притчей о Карпе, а вторую — притчей о Поликарпе. Такое различие в названиях связано с тем, что в списке Археографической комиссии можно прочесть, как некто Карп муж принял на Крите епископа Поликарпа и рассказал ему видение.²²⁸ В списке БАН, тек. пост., № 230, имя мужа, рассказавшего епископу о видении, исправлено с Карпа на Поликарпа.²²⁹ Таким образом, в списке БАН обе притчи — и краткая, и подробная — повествуют о Поликарпе.

Детальное сопоставление текстов подробной и краткой версий притчи о Поликарпе показывает, что и краткий и подробный рассказы о Поликарпе были различными версиями одной и той же притчи.

Сличение текстов не оставляет сомнения в том, что краткая версия является как бы сжатым конспектом подробной. В подробной версии многословно описаны страдания Поликарпа, оскорбления «от неверных» и т. д. В краткой версии все эти описания заменены одним словом «священномученик Поликарп». В подробной версии сказано, что Поликарп лег спать, но не заснул, а бодрство-

²²⁷ Я. С. Лурье. Археографический обзор Посланий Ивана Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 608, 543. Болгарский ученый И. Дуйчев рассматривает удвоение притчи о Карпе и Поликарпе как ошибку и решительно возражает против того, чтобы приписать эту ошибку автору послания — Ивану Грозному (см.: И. Дуйчев. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 175, 176).

²²⁸ Грозному были известны «Великие Миней Четии» митрополита Макария с текстом Дионисия Ареопагита, и из этой книги он черпал цитаты. «Четии» упоминают о видении критянина Карпа (см.: Великие Миней Четии (октября 1—3). Изд. Археограф. комиссии. СПб., 1870, табл. 764).

²²⁹ БАН, тек. пост., № 230, л. 197 об.

вал «божественным пением» и молился о лишении живота «безбожных мужей». В кратком варианте весь рассказ передан в нескольких словах: Поликарп молился «на еретиков... божественную литоргию о погибели их».

Подробная версия

... видения святого некоего мужа воспомянем ... Бывшу мне когда в Крите, священный странно прият мя Поликарп муж... яко оскорблиша его некогда не от верных ... пострадав ... узление некоторое и горсть показав, возлеже спати ... сам в себе к божественным пениям бодрствовать...

...неблагочестивне скорбяще и тужаще: не быти праведно, глаголя, аще живете будут мужие безбожни ... Глаголя молящися богу: позженнем некоим... лишити живота.

... в земли самую зелную некую пропасть ... от пропасти змеям от воспользовати...

... и рещи Карпу Исусови руже простерты «Бий мене...».²³⁰

Далее в двух версиях одинаково сказано, что земля разверзлась пропастью, из пропасти вылезла змея и т. д.²³² Под конец Христос обращается к Поликарпу с речью, которая начинается одними и теми же словами: «Бий мене...» («Бий мя...»)²³³

Но краткая версия не была простым сокращением подробной. В ней иначе переданы речь Иисуса к Поликарпу и некоторые другие места.

Подробная версия

И рещи Карпу Исусови руже простерты: «Бий мене прочее, готов есмь и паки за человеки спасаеми пострадати...».²³⁴

Краткая версия

... священномученика Поликарпа видение, еже молящися на еретиков иже мятущих, божественную литоргию о погибели их ... земли убо зинувши пропастью великою, змию оттуда страшно дышащую ...

... рече...: «Поликарпе, бий мя...».²³¹

Краткая версия

... ангельский владыка... плещи же свои представи Поликарпу и рече: «Аще слатко ти есть, Поликарпе, бий мя понеже и преже сих ради плещи свои дах на раны...».²³⁵

²³⁰ БАН, тек. пост., № 230, лл. 197 об.—199 об.

²³¹ Там же, лл. 199 об.—200.

²³² Там же, лл. 197 об.—199 об.

²³³ Там же, лл. 199 об.—200.

²³⁴ Там же, л. 199.

²³⁵ Там же, л. 199 об.

Я. С. Лурье рассматривает вторую (краткую) версию притчи о Поликарпе как авторскую, имевшуюся уже в оригинале наряду с подробной версией. Такое мнение вызывает серьезные возражения. Две версии притчи о Поликарпе имеют в виде заключения дословно совпадающие тирады Грозного против изменника Курбского.

Подробная версия

И аще у такова праведна и свята мужа и праведний молящяся на погибель, не послушал ангельския владыко, колми же паче тебе, пса смердяща, злобеснаго изменника неправедна, на злую волю молящяся, не послушает. Яко же рече божественный апостол Павел: «И яко воспросите и не примете, зане зле».²³⁶

Краткая версия

И аще убо такова праведна и свята мужа и праведна молящяся на погибель не послуша ангельской владыко, колми же паче тебе, пса смердяща и злобеснаго изменника неправедна, на злую волю молящяся, не послушает ти, яко же рече божественный апостол Ияков: «Просите и не приемлете зане зле просите да во сластех ваших изживете».²³⁷

Если признать за царем Иваном некоторый здравый смысл, то невозможно будет объяснить, зачем понадобилось ему в одном и том же послании дважды повторять одну и ту же тираду против «пса» Курбского. Такой «прием» не мог вызвать у адресата ничего, кроме насмешки.

Остается предположить, что «удвоение» текста возникло в результате позднейшей обработки текста царского послания книжниками и переписчиками. Можно полагать, что подробная версия притчи о Поликарпе является первичной и передает оригинал, тогда как краткая версия является вторичной.

Подробная версия

Яко же рече божественный апостол Павел: «И яко воспросите и не примете...».

Краткая версия

... Яко же рече божественный апостол Ияков: «Просите и не приемлете...».

Переписчик пропустил имя Павла, а следующую за ним строку («ияковспросите») прочел с ошибкой («Ияков просите»). Такая ошибка могла возникнуть только при переработке подробной редакции в краткую, но ни в коем случае не наоборот.

²³⁶ Там же, л. 199.

²³⁷ Там же, л. 200.

В какой-то момент переписчики объединили подробную и краткую версии притчи о Поликарпе. Так возник протограф списков БАН, тек. пост., № 230, Археографической комиссии и сходных списков.

На еще более позднем этапе текст попал в руки составителя краткой редакции послания Грозного и подвергся дальнейшей порче. Не освоившись как следует с героями притчи о Поликарпе, составитель краткой редакции списал начальную фразу подробной версии притчи о Поликарпе и присоединил к ней краткую версию, в результате чего возникла следующая фраза: «В послании божественного Дионисия о Поликарпе Измирского видение, еже молясь на еретиков...». В первоначальной, подробной версии, заимствованной царем из русского перевода послания Дионисия Ареопагита об измирском епископе Поликарпе, описано видение критянина Карпа (Поликарпа). Составитель краткой редакции послания приписал видение самому измирскому епископу Поликарпу. Царь Иван, прекрасно знавший и несколько раз цитировавший послание Ареопагита, едва ли мог допустить такую грубую ошибку.

Автор краткой версии притчи о Поликарпе и составитель краткой редакции послания Грозного были, вероятно, разными людьми. Их приемы работы представляются не только различными, но и противоположными. Книжник, сокративший притчу о Поликарпе, был образованным богословом: он умело «законспектировал» начало притчи и существенно дополнил ее, создав новую версию притчи.

Совсем иначе работал составитель краткой редакции. Он сокращал текст не творчески, а механически и слабо вникал в смысловое содержание текста, вследствие чего под его пером рвалась логическая связь изложения или возникал бессмысленный набор слов.

Проделанный выше анализ позволяет сделать некоторые общие замечания по вопросу о происхождении краткой редакции послания Грозного в целом.

Я. С. Лурье высказал мнение, что сокращение первоначальной (полной) редакции было произведено при Грозном, а может быть, и им самим под влиянием той едкой критики, которой подверг Курбский это «широковещательное и многорешительное» царское послание. Царь, можно думать, не был нечувствителен к такого рода критике, и полное послание подверглось официальной переделке. Вероят-

но, эта критика явилась поводом к исключению из послания «постелей» и «телогреев».²³⁸

Справедливо ли приведенное мнение? Посмотрим, что вызвало наибольшую критику адресата Грозного. «...наипаче, — пишет Курбский, — так ото многих священных словес хватано... а ни стихами, яко обычеи искусным и ученым», которые «в кратких словесех мног разум замыкающе».²³⁹

Составитель краткой редакции явно не учел этого критического замечания Курбского. При сокращении полного текста он старался сохранить именно цитаты, «хватанные» (по словам его критика) «ото многих священных словес». Десять строк «о постелях и телогреях» редактор выбросил вместе со значительно большими кусками и отрывками, о которых Курбский не упоминал.

В работе по сокращению полного текста можно отметить два характерных момента. Редактор оставил в почти неизменном виде обширную вводную часть послания и концовку послания и в то же время на три четверти сократил среднюю часть послания.²⁴⁰ В результате царское послание сохранило привычный для читателя вид. Что же подверглось сокращению? Прежде всего, составитель краткой редакции исключил почти все отрывки послания, содержавшие автобиографические сведения, включая воспоминания царя о его детстве, о боярском правлении, о Сильвестре и Адашеве, Казанской и Ливонской войнах.²⁴¹ Из оставленного текста редактор тщательно удалил политические намеки, интересные современникам Грозного, но мало понятные в более позднее время.²⁴²

Примечательно также и то, что вычеркнутыми оказались все горделивые фразы о российском «самодержестве», звучавшие в устах царя подлинным политическим манифестом.

²³⁸ Послания Ивана Грозного, стр. 558.

²³⁹ РИБ, т. XXXI, стлб. 113.

²⁴⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 124—127, ср. стр. 10—13; стр. 135—137, 138, ср. стр. 60—62, 70—71.

²⁴¹ Там же, стр. 30—45, 45—49.

²⁴² Редактор вычеркивает слова царя к боярам: «понеже и доныне не престае, умышляюще советы злыя» (Послания Ивана Грозного, стр. 23, 129). Выброшены также слова царя о «синглите превеликом», «не в давних летех» постриженном и вернувшем себе прежнюю честь (там же, стр. 17). При Грозном упомянутого боярина-монаха знали достаточно хорошо, позже его, конечно, забыли.

Итак, составитель краткой редакции проявил полное равнодушие к личности царя и его политическим взглядам. По-видимому, несколько иным было его отношение к царю Ивану как к богослову. Свидетельством тому служило стремление сохранить в первую очередь богословские сюжеты.

Составитель краткой редакции был небрежен в работе: когда ему требовалось соединить два выхваченных из текста отрывка, он отыскивал в авторском тексте примерно подходящие слова и подгонял кусок к куску, не обращая внимания на вопиющее искажение оригинала. Поиски и подгонка авторских кусков — это очень трудоемкая операция. Если бы за сокращение взялся автор, ему значительно легче было бы сочинить связующие куски, нежели листать текст в поисках подходящей фразы. Таким образом, характер творческого процесса свидетельствует против гипотезы об авторском происхождении краткой редакции. Вероятно, краткая редакция возникла уже после смерти Грозного.

Я. С. Лурье убедительно доказал первичность полной редакции послания Грозного. Правда, некоторые из его аргументов кажутся спорными. Так, Я. С. Лурье считает признаком раннего происхождения полной редакции его заголовок, сочиненный то ли автором, то ли кем-то из его подчиненных. Заголовок, по мнению Я. С. Лурье, восходит к архетипу Послания, характеризуя его как «послание во все Российское царство на изменников».²⁴³ Такое понимание заголовка определяет общий взгляд на характер царского послания как произведения агитационного, рассылавшегося «во все Российское царство», особенно же в районы, нуждавшиеся в агитационной литературе.²⁴⁴ Представляется, что приведенная точка зрения несколько модернизирует историю переписки Грозного и Курбского.

Слова «Послание во все Российское царство» не могли принадлежать царю Ивану. Внимательное чтение начальных строк послания Грозного обнаруживает, что в них-то и заключен подлинный авторский заголовок послания. В полном соответствии с традицией заголовков этот много-

²⁴³ Я. С. Лурье. Новые списки «Царева государева послания во все его Российское царство». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 309; Послания Ивана Грозного, стр. 557.

²⁴⁴ Я. С. Лурье. Новые списки... , стр. 309; Послания Ивана Грозного, стр. 540.

словен и содержит традиционную дипломатическую формулу «Бог наш Троица...» и обозначение, от кого и кому писано послание. Сопоставим заголовки посланий царя Ивана IV князю Курбскому и королям Стефану Баторию и Иоганну III:

Письмо
Курбскому

Бог наш Троица... нас, смиренных скипетродержания Российского царствия. Наш... ответ ... князю Андрею Михайловичу Курбскому...²⁴⁵

Письмо
Баторию

Всемогущая святыя ... Троицы ... смиренный Иван Васильевич ... Российского царствия... скипетродержатель... Стефану божьей милостию королю...²⁴⁶

Письмо
Иоганну III

Божественного и пречестного, троичного ... существа... скипетродержателя Российскаго царствия великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича... слово наше то Ягану, королю Свейскому...²⁴⁷

Сочинив торжественный и многословный заголовок к посланию Курбского, царь едва ли имел нужду в том, чтобы предпослать тексту еще один заголовок, короткий и вполне прозаичный. По существу краткий заголовок является переложением и сокращением подробного.

Авторский заголовок

... наш же кристьянский смиренный ответ ... крестопреступнику ... князю Андрею Михайловичу Курбскому, восхотевшему своим изменным обычаем...²⁴⁸

Краткий заголовок

Царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене.²⁴⁹

Сказанное позволяет предположить, что краткий заголовок имел литературное происхождение и принадлежал позднейшим переписчикам послания.

В самом ли деле Грозный написал свое послание в агитационных целях? Такое предположение вызывает сомнения. За кого могли агитировать такие интимные строки, адресованные бывшему другу: «Не мни мя неразумна суща ниже разумом младенчествующа».²⁵⁰ Самооправдание

²⁴⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 9—10.

²⁴⁶ Там же, стр. 213.

²⁴⁷ Там же, стр. 148.

²⁴⁸ Там же, стр. 10.

²⁴⁹ Там же, стр. 9.

²⁵⁰ Там же, стр. 56—57.

царя по поводу оскорбительных сомнений в его умственных способностях были совершенно неуместны в агитационной литературе. Даже Курбский не осмелился писать самодержцу что-нибудь подобное. Послание Грозного выглядит как политический манифест, насыщенный интимными мотивами и жалобами. Желал ли царь сделать подданных судьями в споре с человеком, долгие годы пользовавшимся его дружбой и доверием? Не противоречило ли такое желание глубоко аристократическим представлениям Ивана IV о взаимоотношениях самодержца и его подданных, самых знатных из которых он рассматривал как своих холопов?

Э. Киан принял предположение о двух авторских редакциях послания Грозного, но, исходя из общего представления о подложности переписки Грозного с Курбским, выдвинул гипотезу о первичности краткой редакции. Выражением общей концепции автора служат многочисленные стеммы, помещенные в приложениях к книге. Фактически Э. Киан не меняет ту группировку текстов, которая была выработана Я. С. Лурье на основании тщательного текстологического анализа.²⁵¹ Однако он перестраивает эти группы списков в обратном порядке. В его стеммах краткая редакция послания Грозного рассматривается как первичная, а пространная — как вторичная. Обосновать такую генеалогическую связь текстологически невозможно, но Э. Киан и не ставил перед собой задачу произвести необходимое обоснование.

Письмо Грозного и летописи

Вопрос о политических преследованиях стал стержневой темой переписки Курбского и Грозного. Курбский жаловался на несправедливость репрессий против бояр. Грозный пространно доказывал, что он казнит не доброхотов, а изменников и что бояре пострадали от него куда меньше, чем он от бояр. На многих десятках страниц он описывал свое сиротское детство, обиды от Сильвестра и Адашева и пр. Осведомленность царя по поводу значительных и совсем маловажных событий большой давности вызывает удивление. Но она имеет объяснение. Отставка Адашева сделала необходимым пересмотр летописных ма-

²⁵¹ Там же, стр. 558.

териалов, составленных в канцелярии опального правителя. Дело не обошлось без личного участия царя. Едва Адашев сгинул в юрьевской тюрьме, в Юрьев поскакал доверенный дворянин А. П. Телятевский, который должен был изъять из бумаг Адашева летописные материалы. В царском архиве в отдельном ящике хранились такие документы: «... обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексееву смерть Адашева и списки черные, писал память, что писати в летописец лет новых, которые у Олексея взяты».²⁵²

В поле зрения Грозного оказались не только летописи «новых лет», но и летописи «начала царства», в частности Синодальный список и его беловик Царственная книга. В литературе давно высказано мнение, что царь участвовал в правке двух названных летописных списков. Вопрос о времени редакторской деятельности Грозного является спорным.

Самая значительная приписка к тексту Царственной книги — рассказ о заговоре бояр и князя Старицкого во время болезни царя в марте 1553 г. А. А. Зимин полагал, что названный рассказ был внесен в Царственную книгу после казни князей Старицких в 1569 г., но ранее казни дьяка Висковатого в июле 1570 г. В самом деле, в приписке Висковатый изображен противником Старицких, а в 1570 г. его казнили как их приверженца.²⁵³ Д. Н. Альшиц датирует приписку более ранним периодом — 1567/68 г.²⁵⁴

Оба автора не учитывают одного важного факта: в приписке к Царственной книге сказано, что царю донесли на заговорщиков конюший И. П. Федоров и оружничий боярин Л. А. Салтыков. Первый рассказ никак не мог быть составлен в 1567/68 г. или в последующие годы, так как именно в 1567/68 г. Федорова осудили и предали казни как государственного преступника, а позже его участь разделил Л. А. Салтыков.²⁵⁵ Пользовавшийся доверием царя оружничий Л. А. Салтыков попал в немилость накануне опричнины, когда царь не принял его в опричнину,

²⁵² Описи царского архива XVI в. . . . стр. 43.

²⁵³ А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 72.

²⁵⁴ Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. — ИЗ, т. 25, 1948, стр. 266.

²⁵⁵ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 353—411.

лишил чина оружничего и подверг кратковременному аресту (1564/65 г.).²⁵⁶

Итак, Грозный работал или участвовал в работе над Царственной книгой скорее всего до 1564/65 г. Новая датировка объясняет факт родственности текста летописной приписки и первого послания Грозного Курбскому. Д. Н. Альшиц, указавший на этот факт, считал, что царь редактировал сначала черновик Царственной книги (Синодальный список летописи) и что тогда он еще не получил письмо Курбского. Напротив, исправления в Царственную книгу он внес уже после обмена письмами с Курбским в 1564 г. Poleмика с Курбским объясняет, по мнению Д. Н. Альшица, то, что одни и те же факты получили неодинаковое освещение в приписках к Синодальному списку и Царственной книге.

Таким образом, Д. Н. Альшиц строит систему доказательств на противоречиях и расхождениях приписок к двум спискам летописей. На наш взгляд, расхождения приписок носят по большей части мнимый характер. Летописные приписки имеют один общий сюжет — заговор, организованный боярами во время болезни царя в марте 1553 г.

Сведения, касающиеся этого сюжета, не противоречат друг другу, а, напротив, почти полностью совпадают. В Царственной книге названы следующие руководители заговора: князя П. М. Щенятев, И. И. Пронский, Д. И. Немова, С. В. Ростовский.²⁵⁷ В Синодальном списке названы те же имена и примерно в том же порядке, но там рассказ о заговоре отличается большей полнотой, и потому в числе заговорщиков названы еще несколько лиц: князя С. Микулинский, Куракины и П. С. Серебряный.²⁵⁸

В совершенно одинаковых выражениях летописные приписки передают речи крамольных бояр-заговорщиков.

Синодальный список

... толко нам служити царевичю Дмитрею, ино нами владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служити князю Володимеру Одреевичю.²⁵⁹

²⁵⁶ Там же, стр. 247.

²⁵⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 525.

²⁵⁸ Там же, стр. 238.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Там же, стр. 525.

Царственная книга

...ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому князю Володимеру Одреевичю.²⁶⁰

Сходны между собой и общие «выводы», заключающие оба рассказа:

Синодальный список

...и от того времени быс
вражда промеж государя и лю-
дей.²⁶¹

Царственная книга

...и оттоле бысть вражда
межи бояр и Селиверстом...;
...и оттоле быть вражда
веляя государю с князем Во-
лодимером Ондреевичем...²⁶²

Наряду с общими моментами приписки к летописным сводам имеют различия, но эти различия связаны не с освещением одних и тех же событий, а с тем, что в приписке к Царственной книге появляется новый сюжет, полностью отсутствующий в приписке к Синодальному списку. Это подробный рассказ об открытом мятеже бояр во время присяги в Боярской думе в марте 1553 г. В целом он носит легендарный характер. Ко времени составления приписок в 60-х годах никаких документов относительно «прений» в Боярской думе не сохранилось. Поэтому авторам приписок пришлось воспроизвести эти прения по памяти, сочинив задним числом то, что было забыто. Наиболее недостоверными представляются речи умирающего царя к думе, которые должны были доказать, что боярский мятеж был прекращен исключительно благодаря вмешательству монарха.

Летописные приписки очень близки между собой по содержанию и стилю в той части, в которой речь идет об одном и том же сюжете — тайном заговоре 1553 г. Можно полагать, что в этом случае в основу их был положен один и тот же источник. Достоверность материала и подробности, сообщаемые в приписках, наводят на мысль, что при составлении их могли быть использованы подлинные документы следствия о боярском заговоре.

В описи царского архива читаем: «Ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княже Семенове деле Ростовского». (Вверху написано: «Взят ко государю во княже Володимерове деле Ондреевича 7071 июля в 20 день...»)²⁶³

Приведенная документальная запись дает ключ к решению вопроса о времени работы царя над летописями. Как раз в конце июля 1563 г. начался процесс по делу

²⁶¹ Там же, стр. 238.

²⁶² Там же, стр. 524, 526.

²⁶³ Описи царского архива XVI в. ..., стр. 35.

князя Владимира Андреевича и его матери. По-видимому, царь не располагал достаточным количеством улик и поэтому вынужден был обратиться к архивным делам десятилетней давности. Князь Семен Ростовский был одним из активных участников тайного заговора, организованного Старицкими во время болезни царя Ивана в 1553 г. Ростовский пытался бежать в Литву в 1554 г., но был схвачен и на суде сделал признания, компрометировавшие Старицких.²⁶⁴

Суд над Старицкими завершился их осуждением. Тетку царя, женщину сравнительно молодую, насильственно заточили в глухой монастырь. Расправа над членом царской семьи произвела большое впечатление при дворе, и ее надо было как-то оправдать. В этих целях царь и решил включить в текст официальных летописей исключительно актуальный в тех условиях рассказ о прежних изменах Старицких. Дело не ограничилось описанием боярского мятежа 1553 г. Царь Иван, по-видимому, стал просматривать и править всю летопись, посвященную началу его царствования (1533—1553 гг.). Свидетельством тому служат многочисленные поправки и приписки в Синодальном списке и Царственной книге за упомянутые годы. Сказанное объясняет, почему через год после осуждения Старицких царь мог включить в текст письма Курбскому подробный обзор событий начала царствования. Проиллюстрируем нашу мысль таким примером.

Опись
царского
архива
70-х годов
XVI в.

... отъезд и
пытка во князе
Семенове деле Рос-
товского.²⁶⁵

Синодальная
летопись
(дело С. Ростов-
ского)

Приписка: ... а то
все говорил, хотя госу-
дарю изменят, а государь
его посылал все по его
достоинству...

*Основной текст ле-
тописи:* ... с послы ли-
товскими ссылался з До-
войном... и думу царя
и великого князя послом

Первое
послание
царя Курб-
скому (1564 г.)

Та же собака,
изменник князь
Семен Ростовский
иже по нашей ми-
лости, а не по
своему достоинству,
сподоблен быти от
нас синклитства,
... литовским пос-
лом, пану Стани-

²⁶⁴ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 182—185.

²⁶⁵ Описи царского архива XVI в. ..., стр. 35.

приказывал, ... и многи поносительные слова про царя... им приказывал.

Приписка: ...и тем нас истеснил ся, что женился у боярина у своего дочер взял, понял робу свою и нам как служити своей сестре и иные поносительные слова говорил и приказывал.²⁶⁶

Давойну с товарищи, нашу думу изнесе, нас укоряя и нашу царя и наших детей...²⁶⁷

Как видим, в письме Курбскому царь конспективно излагает факты, описанные в недавно правленной летописи. Притом он сохраняет и структуру изложения, и отдельные слова.

Можно указать на несомненное сходство ряда мест в приписке к Царственной книге и в царском послании Курбскому. Вот характерный пример:

Приписка
к Царственной
книге

Речь царя к боярам: ... а целовали есте мне крест и не одинава, чтобы есте мимо нас иных государей не искали, ... а вы свои души забыли...²⁶⁸

Послание Курбскому

Царь пишет о боярах: ... забывше благодеяния наших и своих душ, яже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати...²⁶⁹

Сопоставляя историю о боярском мятеже в приписке к Царственной книге и в послании Курбскому, нетрудно заметить помимо сходства также и большие различия. По летописному рассказу, ни Сильвестр, ни Адашев в тайном боярском заговоре не участвовали. Адашев и другие верноподданные члены думы принесли присягу наследнику в первый же день «мятежа». Сильвестр только однажды вмешался в борьбу, посоветовав боярам допустить Старицкого к постели умирающего царя. Но и он не был причастен к тайному заговору.²⁷⁰

В послании Курбскому царь одним росчерком пера присоединил Адашева и Сильвестра к компании заговор-

²⁶⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 237.

²⁶⁷ Послания Ивана Грозного, стр. 40.

²⁶⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 525.

²⁶⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 39—40.

²⁷⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 524—525.

щиков: «...еже от тебе нарицаемая доброхоты, — писал царь, — восташа, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим с Олексеем...».²⁷¹ Перемена в освещении деятельности Сильвестра и Адашева объясняется, по-видимому, внезапным и резким изменением политической атмосферы, происшедшим в преддверии опричнины.

Суд над Старицкими и исправление летописей совершались в сравнительно спокойной обстановке. Князь Владимир Андреевич заслужил прощение. Никто из его приверженцев и вассалов не был казнен. Но в ближайшие полгода-год после того обстановка стала накаляться. Пролитась кровь знатнейших бояр князей Репнина, Кашина, Хилкова, боярина Н. И. Шереметева и др. Лишились головы брат опального правителя А. Ф. Адашева Данила, его племянник и многие родственники. Надо было оправдать избиение Адашевых, и царь ничтоже сумняшеся присоединил Адашева к участникам боярского заговора 1553 г.

Работа над летописями дала царю материал и подготовила его к тому, что вскоре он смог в очень короткий срок (не более одного-полутора месяцев) написать целую книгу в форме послания к изменнику Курбскому. Получив письмо Курбского, царь покинул Москву и уехал в Переяславль, где посетил монахов Никитского монастыря, а затем пробыл несколько недель в дворцовых селах под Можайском и Вязьмой. В тексте царского послания помечено, что «крепкая заповедь» изменнику была дана в Москве 5 июля 1564 г. На самом же деле в этот день царь еще находился в Вышгороде и в столицу вернулся лишь через три дня.²⁷²

Царь Иван, естественно, не мог один составить целую книгу в течение четырех-пяти недель. Вероятно, ему помог целый штат помощников. Понятие «авторство» применительно к древнерусской литературе значительно отличалось от современного понятия. «Что такое автор посланий Ивана Грозного? — пишет Д. С. Лихачев. — Это один Грозный или Грозный с помощниками, которые записывали то, что Грозный диктовал, наводили для него справки, вставляли цитаты, дообрабатывали текст?».²⁷³ Имена некоторых лиц, помогавших царю в написании послания

²⁷¹ Послания Ивана Грозного, стр. 39.

²⁷² ПСРЛ, т. XIII, стр. 383—384.

²⁷³ Д. С. Лихачев. Текстология..., стр. 489.

Курбскому, можно предположительно установить. В числе других царя сопровождал в Можайск боярин Басманов, пользовавшийся в то время особым доверием царя.²⁷⁴ Возможно, что этот проклятый Курбским «моавитянин» был причастен к составлению царского манифеста.

Опись царского архива

Первое письмо Курбского царю положило начало длительной переписке, которая продолжалась до последних лет их жизни. Постепенно вокруг корреспонденции Курбского образовался целый комплекс сопутствующих документов, связь которых можно представить в виде схемы.

Названные в схеме письма составляют единое целое. Это живой диалог, в котором действующие лица подают реплики и отвечают на обращенные к ним слова в строго определенной последовательности. Порвать ткань переписки могут лишь веские аргументы. Но в книге Э. Кинана такие отсутствуют.

Переписка Грозного и Курбского, пишет Э. Кинан, если бы она существовала, должна была бы непременно оставить след в документах московского происхождения. На самом же деле, утверждает Э. Кинан, не сохранилось никаких доказательств, основанных на рукописях, относительно существования переписки в период до 1620 г. В частности, ее не упоминают даже подробные описи государственного архива XVI и начала XVII вв.²⁷⁵

К сожалению, Э. Кинан очень невнимательно прочел названный им источник. В действительности в описи царского архива имеется прямое указание на переписку царя с Курбским. Прочитируем эту опись: «...отпуск в Озерища Григорья Плещеева о Курбьского грамоте, а грамота у государя».²⁷⁶

Подлинность приведенного документа не вызывает сомнения. Как установил С. О. Шмидт, этот источник возник в 60-х годах XVI в. и отразил состояние царского

²⁷⁴ Разряд 7072 (1564) г. — РИБ, т. XXII, стлб. 384.

²⁷⁵ Е. Кеenan, стр. 49.

²⁷⁶ Описи царского архива XVI в. . . . , стр. 37—38.

архива в указанное десятилетие.²⁷⁷ Уже после составления основного текста описи в нее были вписаны сведения о новых поступлениях документов в конце 60-х и начале 70-х годов XVI в. Последний из вновь поступивших (и занесенных в опись) документов мы можем точно датировать январем 1572 г.²⁷⁸ В тексте описи имеются пометы о посылке архивных материалов к царю в период с 26 мая 1564 г. до августа 1571 г.²⁷⁹ Только одна помета относится к более позднему времени — к 1575/76 (7083) г.²⁸⁰ Сказанное позволяет заключить, что опись царского архива была составлена в 60-х годах и оставалась действующим документом в основном до 1571/72 г.

Обратимся к тому разделу описи, который содержит указание на переписку Курбского и Грозного: «Ящик 191. А в нем указ, как государь приехал из Слободы, о опришнине; и список судов серебряных, которые отданы в земское; ... и списки государеву сиденью о всяком земском указе в сафьяном меху, 76 лета генваря месяца; ... челобитная безъимьянная (между строками написано: «78 ноября взял к государю дьяк Василий Щелкалов»), подали ее в Челобитную избу на Петрово имя Волынского, что будто Петр слышал у Федора у Новосильского про государя непригожие речи: ... отпуск в Озерища Григорья Плещеева о Курбьского грамоте...; речи старца от Спаса из Ярославля, попа черного, отца духовного Курбского; ... да сказка литовского гонца Улана Букрябы про государева изменника про князя Ондreja Курбского...».²⁸¹

Обращает на себя внимание прежде всего состав документов, подобранных в упомянутом отделе (ящике) архива. В нем сложены были доносы по поводу «непригожих речей» на государя (четыре дела), указ об опричнине, созданной для борьбы с изменой, документы о Курбском (три дела) и пр. Очевидно, ящик был укомплектован после учреждения опричнины: первые описанные в нем документы — это указ об опричнине (февраль 1565 г.) и царские приговоры по земщине (январь 1568 г.). Пред-

²⁷⁷ Там же, стр. 7.

²⁷⁸ Грамота посла П. Абосского, писанная в Новгороде у государя в 7080 г. — В кн.: Описи царского архива XVI в. ..., стр. 28.

²⁷⁹ Описи царского архива XVI в. ..., стр. 33, 35, 32, 26, 33 и др.

²⁸⁰ Там же, стр. 33.

²⁸¹ Там же, стр. 37—38.

последний документ (сказка Букрябы) точно датирован ноябрем 1569 г.²⁸² К тому же времени (ноябрь 1569 г.) ведет нас помета о посылке к царю одного из документов ящика 191 (анонимного доноса на Ф. Новосильского).

Анализ состава документов показывает, что ящик 191 царского архива был укомплектован в период 1565—1569 гг. и описан никак не позже ноября 1569 г. Отсюда можно сделать вывод, что упомянутую в описи «грамоту Курбского» надо датировать временем не позднее 1565—1569 гг.

Следует рассмотреть и другую возможность, что упомянутую в описи грамоту Курбский написал до своего побега из России, и, следовательно, речь может идти об обычной служебной переписке между царем и его боярином. Такое предположение кажется маловероятным. В самом деле, зачем понадобилось царю посылать «о Курбьского грамоте» очень видного и знатного воеводу? Зачем понадобилось хранить в архиве «отпуск», т. е. указы, подорожные и прочие документы, связанные с поездкой Плещеева за грамотой Курбского? В русской дипломатической практике шестнадцатого столетия термин «отпуск» имел вполне определенное значение: царь «отпускал» за рубеж. Крепость Озерища издавна принадлежала Литве, и, очевидно, ездивший туда Плещеев был «отпущен» за литовский кордон. Значит, речь шла все-таки о «грамоте», написанной Курбским после бегства в Литву.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в действительности переписка Курбского и Грозного оставила след в подлинных документах московского происхождения, составленных при жизни названных лиц. С точки зрения атрибуции писем Курбского и Грозного этот вывод имеет существенное значение.

Можно попытаться уточнить дату составления «грамоты» Курбского, упомянутой в архивной описи, хотя из-за недостатка данных мы вынуждены будем ограничиться лишь некоторыми предположениями. Следует прежде всего выяснить биографические сведения о царском посланце, ездившем за письмом Курбского, и рассмотреть обстоятельства передачи этого письма посланцу.

²⁸² Букряба находился в Москве с 9 по 18 ноября 1569 г. (Сб. РИО, т. 71, стр. 578—580).

Григорий Плещеев был знатным дворянином и известным воеводой. Он вернулся из победоносного похода в Кабарду осенью 1563 г. и был казнен по царскому приказу не позднее января 1569 г.²⁸³ Очевидно, в этот промежуток времени он и ездил в Озерища. К тому же периоду относится стремительное и кратковременное возвышение всего рода Плещеевых. Царь осыпал их милостями после того, как приблизил к себе А. Д. Басманова-Плещеева и его сына Федора. Басманов стал главным инициатором и вдохновителем опричнины, организованной для борьбы с боярской изменой. Но уже до опричнины царь стал пользоваться услугами Плещеевых для борьбы с недовольными. Там, где пахло изменой, на сцене неизменно появлялись Плещеевы. Когда в марте 1564 г. царю подали весть об измене воевод в крепости Стародубе, он тотчас послал туда Д. Г. Плещеева.²⁸⁴ К заподозренному в измене брату Владимиру Андреевичу Иван IV приставил в 1563 г. И. И. Очина-Плещеева, к княгине Ефросинье Старицкой направил Ф. А. Басманова-Плещеева и т. д.²⁸⁵ Наконец, за грамотой изменника Курбского царь послал за рубеж Г. Плещеева.

Второй датирующий признак — «отпуск» гонца Плещеева за рубеж, в Озерища. После побега Курбского Озерища стали центром ожесточенных боев. Они начались в июле 1564 г., когда десятитысячный русский корпус пытался овладеть этой крепостью, но был отогнан литовцами.²⁸⁶ Боевые действия в районе Озерищ закончились 6 ноября 1564 г., когда царские войска, вновь вернувшись под стены крепости, после кровопролитного штурма захватили ее и на многие годы присоединили к русским владениям.²⁸⁷

Итак, Курбский не мог составить «грамоту» до отъезда в Литву в мае 1564 г., Плещеев же не мог ездить за рубеж, в Озерища, за «грамотой» Курбского после ноября 1564 г., когда русские овладели этой крепостью.

Если в описи упомянута «грамота» Курбского, составленная в мае—октябре 1564 г., то ее можно отождествить

²⁸³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 371; Р. Г. Скрынников. Опричный террор, стр. 41, 272, 289.

²⁸⁴ Витебская старина, т. IV. Витебск, 1885, стр. 65.

²⁸⁵ Там же; ПСРЛ, т. XIII, стр. 362.

²⁸⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 385; Витебская старина, т. IV, стр. 159.

²⁸⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 391.

либо с первым посланием его царю, либо со вторым, написанным в ответ на письмо царя от 5 июля 1564 г. Второе предположение, по-видимому, отпадает, так как сам Курбский в последнем письме упоминает о том, что он смог переслать в Москву ответ на первое царское послание с запозданием на пятнадцать лет.²⁸⁸ Остается предположить, что в описи архива упомянуто первое письмо Курбского царю. Но такому предположению как будто противоречат некоторые факты. Во-первых, Курбский составил письмо царю в Вольмаре, а не в Озерищах. Во-вторых, имеются сведения о том, что «досадительное» письмо Курбского привез в Кремль не Плещеев, а Васька Шибанов.

По рассказу поздней и малодостоверной летописи, Курбский прислал в Москву верного раба Ваську Шибанова, который подал «лист» царю на красном крыльце. «Тогда царь ярости исполнился, призвав холопа тово близ себя и осном (посохом, — *Р. С.*) своим ударил в ногу его и пробив ногу, наляже на посох свой и повеле лист прочитати, в нем же бе написано со всяким досадительством».²⁸⁹ Приведенный рассказ представляется легендарным. Более осведомленный московский летописец XVI в. передает историю Шибанова совершенно иначе. Согласно летописному рассказу, после бегства Курбского в «немецкой город» юрьевские воеводы поймали его «человека» Ваську Шибанова и под стражей прислали в Москву к царю. «Тот же человек его Васка Шибанов государю царю и великому князю сказал про государя своего князя Андрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела».²⁹⁰

Можно заметить, однако, что московские источники противоречиво оценивали поведение Шибанова после его поимки. По летописи, холоп рассказал царю многие «изменные дела» Курбского, тем самым предав его. По словам же царя Ивана, Шибанов не только не предал своего господина, но остался верен ему до последнего

²⁸⁸ См. ниже, стр. 95.

²⁸⁹ Латухинская степенная книга (цит. по: Сказания князя А. М. Курбского. Изд. 2-е. Издал Н. Устрялов. СПб., 1842, стр. 372).

²⁹⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 383. Как отметил Я. С. Лурье, «предпочтение должно, быть дано реалистическому рассказу летописи XVI в., а не романтической легенде „Степенной книги“ XVII в.» (см.: Послания Ивана Грозного, стр. 585).

издыхания. «Како же, — писал Грозный Курбскому, — не срамишься раба своего Васки Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и предо всем народом, при смертных вратах стоя, и ради крестнаго целования тебя не свержется, и похваляя и всячески умрети за тебя тщашеся».²⁹¹

Можно объяснить отмеченное противоречие следующим образом. Оказавшись на чужбине, будучи ограбленным до нитки, Курбский едва ли собирался жертвовать последним «имуществом» и отправлять холопа Шибанова на верную гибель к царю. В действительности Курбский посылал холопа в Юрьев с самой прозаической целью. «Посылал есми к игумену (в Печоры, — Р. С.) . . . человека своего бити челом о потребных животу. . .».²⁹² Итак, оказавшись за рубежом без полушки в кармане, Курбский послал Шибанова занять денег у своих друзей богатых печорских монахов. Попутно слуга должен был доставить в Юрьев краткую записку господина. «Вымите, бога ради, — умолял Курбский, — положено писание под печью, . . . а положено под печью в ызбушке в моей в малой». По желанию Курбского оставленное им в Юрьеве «писание» следовало отослать «любо к государю, а любо к Пречистой в Печоры».²⁹³ Как видно, Шибанов, будучи пойман в русских пределах, указал тайник на воеводском дворе с бумагами Курбского, которые следовало переслать царю. В глазах царя «писание» боярина (писано «дело государьское») явилось самым веским доказательством «великой» измены беглеца. Если Шибанов и содействовал раскрытию измены своего господина, то он сделал это по приказу самого Курбского.

Попытка передать царю оставленное в Юрьеве «писание» причинила Курбскому прямой ущерб. Его посланец был схвачен и предан жестокой казни. Перед Курбским вскоре же возник вопрос, как переслать царю послание, написанное в Вольмаре. Рисковать одним из немногих оставшихся слуг боярин, наверное, не хотел. Не по этой ли причине царь должен был направить своего посланца в неприятельскую крепость за «грамотой» Курбского? Дело о посылке Плещеева в Озерища попало в секрет-

²⁹¹ Послания Ивана Грозного, стр. 13.

²⁹² ГПБ, Погод., № 1567, л. 2.

²⁹³ РИБ, т. XXXI, стлб. 359—360.

ный отдел земского архива, а «грамота» Курбского хранилась (как сказано в описи архива) у государя, т. е. в его личном архиве.

Привезенное из Озерищ послание, по-видимому, оскорбило Грозного, и он нашел способ выразить свой гнев. В июле 1564 г. царские воеводы произвели нападение на Озерища, а через несколько месяцев вторично двинулись к этой крепости, овладели ею и сожгли до основания. Гарнизон и жители почти все погибли в огне. «И никаких человек из города не утек», — повествует летопись.²⁹⁴

Конец переписки

Беглый боярин после недолгого пребывания в Вольмаре уехал в Литву и получил там богатые поместья от короля Сигизмунда Августа.²⁹⁵ Затем он участвовал вместе с литовской армией в нападении на Россию. В те месяцы Курбский получил послание царя и позже, по-видимому, написал ему краткую «досадительную» отписку.

Второе послание Курбского по тону и содержанию разительно отличается от первого. В первом письме боярин, ограбленный ливонцами до нитки, слезно жалуется на то, что царь «без вины» отогнал его от «земли божия». Во второй раз Курбский взялся за перо после того, как двинулся войной на покинутую «землю Божию». Поведение Курбского в Литве, замечает Н. Е. Андреев, русские источники не без причины называли предательским.²⁹⁶ Курбский энергично побуждал короля напасть на русские рубежи и советовал литовцам натравить на Русь крымских татар, что и было сделано. Отвечая на «широковещательную» эпистолию царя, Курбский утверждал, что первоначально хотел «на каеждо слово твое (царя, — Р. С.) отписати... но удержаж руку со тростию».²⁹⁷ Как видно, беглый боярин утратил интерес к словесной полемике с царем. Подняв меч на род-

²⁹⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 391.

²⁹⁵ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Воьлыни, т. II, стр. 194.

²⁹⁶ N. Andreyev. Kurby's Letters to Vas'yan Muromtsev, p. 428.

²⁹⁷ РИБ, т. XXXI, стлб. 115.

ную землю, изменник сбросил маску патриота и защитника всех страждущих на Руси. О своих же страданиях на родине ему, как и прежде, нечего было сказать.

Царь Иван IV хорошо помнил обиды, нанесенные ему. Свой последний знаменитый поход в Ливонию в 1577 г. он завершил в Вольмаре, откуда некогда писал ему Курбский. Взятие Вольмара казалось царю подходящим моментом для завершения спора с Курбским. Припоминая послание беглеца, Иван IV писал: «И где еси хотел успокоен быти от всех твоих трудов, в Вольмаре, и тут на покой твой бог нас принес...».²⁹⁸ Сам бог, по мнению царя, решил в его пользу спор с изменником.

Второе письмо Курбскому царь переслал в Литву с пленным литовским гетманом Полубенским осенью 1577 г. Курбский ответил на это письмо не сразу, а только через два года. Причина такой задержки легко объяснима. В 1577 г. в Польше едва кончилось «бескорольевье», положение избранного на польский трон Стефана Батория было крайне шатким. В Литве и Польше значительная часть дворянства выступала за передачу польской короны Грозному. Вот почему Курбский не принял вызов царя. Через два года ситуация переменялась. Положение Батория упрочилось. Армия его провела победоносную кампанию против России. Поляки овладели Полоцком и нанесли серьезное поражение царским воеводам под Соколом. Вдохновленный поражением русских, беглый боярин обратился к царю с торжествующим посланием. Курбский хотел, чтобы последнее слово в затянувшемся споре осталось за ним.

В последнем письме Курбский не стал объяснять, почему он в течение двух лет не отвечал на вольмарское послание царя. Зато он счел необходимым упомянуть о неотправленном ответе на первое царское послание: «... аз давно уже на широковещательный лист твои отписах ти, да не возмог послати, непохвального ради обыкновения земель тех, иже затворил еси царство Руское ... аки во адове твердыни».²⁹⁹

Последнее послание царю Курбский закончил в Полоцке в 1579 г., «во третий день по взятию града» литовской армией. Затем он дополнил письмо «по существу прео-

²⁹⁸ Послания Ивана Грозного, стр. 211.

²⁹⁹ РИБ, т. XXXI, стлб. 135.

долению под Соколом в 4 день», т. е. после разгрома русской армии под Соколом.³⁰⁰ Отсылая письмо из Полоцка, Курбский не мог отказать себе в удовольствии и приложил к посылке ответ на первое царское послание: «... а ныне, — писал он, — яко сию отпись на нынешнюю епистолию твою, так и оную на широковещательный лист твой прежний, посылаю ко величеству высоты твоея».³⁰¹

Впрочем, Курбский не просто отослал царю давнее письмо, а, как видно, дописал его и вставил такие фразы, которые он не мог написать тотчас после бегства («и во старости моеи zde (в Литве, — Р. С.) приучихся...» и пр.). Таким образом, царь получил ответ на свое первое послание за несколько лет до смерти. В то время он был удручен военными поражениями и семейными неурядицами, тяжело болел. Теперь он утратил интерес к словесной полемике с Курбским. Сомнительно, чтобы царь Иван под влиянием последних бранных писем Курбского взялся за переделку своего первого письма-манифеста к беглому боярину. Царь не стал отвечать своему корреспонденту. Так оборвалась переписка, длившаяся пятнадцать лет.

Предисловие к «Новому Маргариту»

Переписка Грозного и Курбского представляет цепь тесно связанных между собой писем. В свою очередь каждое из писем окружено множеством других источников, текстологически с ним связанных. Э. Кинан придает наибольшее значение заимствованиям церковных текстов и цитат. Но он игнорирует некоторые более важные текстуальные связи и соотношения. В частности, в его исследовании вовсе не учтена тесная связь между первым посланием Курбского царю и другим сочинением того же автора — Предисловием к переводу «Нового Маргарита».

Один из списков Предисловия Курбского хранится в ФРГ (Вольфенбюттель, Библиотека герцога Августа. Cod. Guelf. 64. 43). Г. Э. Кунцевич, исследовавший эту рукопись, отметил, что она написана скорописью конца

³⁰⁰ Там же, стлб. 153, 160.

³⁰¹ Там же, стлб. 136.

XVI—начала XVII в.³⁰² Наблюдения Г. З. Кунцевича можно дополнить данными о филигранях вольфенбюттельской рукописи. Рукопись писана на бумаге с водяным знаком типа лилии, наиболее точно воспроизведенным в альбоме Э. Хивуда под № 1489.³⁰³ К сожалению, Э. Хивуд не сделал никаких датирующих замечаний по поводу воспроизведенного им водяного знака. В альбоме Э. Лауцявичюса нет филиграни, которая бы полностью совпадала с исследуемой. Наиболее близкими к ней являются № 2052 (Вильнюс, 1598 и 1600 гг.) и № 2054 (Каунас, 1605 г.). В Альбоме И. Каманина и О. Витвицкой сходный рисунок имеет филигрань под № 603 (1614—1618 гг.).³⁰⁴ Данные о водяных знаках подкрепляют наблюдение Г. З. Кунцевича относительно почерка рукописи. Вольфенбюттельский список, по-видимому, представляет собой одну из самых ранних рукописей, содержащих сочинения Курбского.

Интересна история перевода «Нового Маргарита» на славянский язык и составления Предисловия к этому переводу. В среде русской эмиграции в Литве несколько лиц занимались переводами богослужебных книг на славянский язык. В их числе был Марк Сарыхозин, друг Курбского в литовский период его жизни.³⁰⁵ Сохранилось недатированное письмо Курбского к Сарыхозину, написан-

³⁰² Г. З. Кунцевич. Перечень русских рукописей герцогской библиотеки в Вольфенбюттеле. СПб., 1912, стр. 3; К. А. Уваров. Неизданный труд Г. З. Кунцевича. (Обзор гранок второго тома «Сочинений князя Курбского»). — Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, стр. 316—317. Текст Предисловия был впервые опубликован Н. Д. Иванишевым (Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 303—313). Г. З. Кунцевич подготовил к печати на основании трех списков новое издание Предисловия и включил его текст во второй том Сочинений Курбского. Названный том не увидел свет и хранится в Архиве ЛОИИ в гранках (Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 1—18). Текст Предисловия издан также Ливером (F. Liewehr. Kurbskijs «Novyi Margarit». Prag, 1928).

³⁰³ Edward Heawood. Watermarks Mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum (Holland), 1950.

³⁰⁴ Э. Лауцявичюс. Бумага в Литве в XV—XVIII вв. Вильнюс, 1967; И. Каманин и О. Витвицка. Водяни знаки на папери українських документів XVI и XVII вв. Киев, 1923.

³⁰⁵ Сарыхозин, встретивший беглого боярина в Вольмаре, поддерживал с ним дружбу до смерти последнего. В завещании Курбского читается: «Марк Сарыхозин должен мне 100 золотых, на что я имею росписку» (Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. I. Киев, 1849, стр. 239).

ное в связи с посылкой ему Предисловия к переводной книге: «...послах к тебе предисловиеце единой книги нашего переводу...».³⁰⁶ По ряду косвенных данных можно заключить, что Курбский выслал Сарыхозину свое Предисловие к «Новому Маргариту». В самом деле, в названном Предисловии Курбский писал, что хотел «устремитися» на епистолии апостола Павла, но не нашел знатока книжного славянского языка, который мог бы помочь ему в переводе.³⁰⁷ В письме к Сарыхозину Курбский как бы продолжает мысль о переводе сочинений Павла: «Аще ли бог тебя принесет до нас, то бы аз сел со единым бокаляром за книгу Павловых епистолеи ... а ваша бы милость сел за другую книгу, со князем Михаилом...».³⁰⁸ Упоминание о князе Михаиле знакомит нас еще с одним лицом из ближайшего окружения Курбского. В подлинности этого лица невозможно усомниться. Царские послы доносили из Литвы весной 1571 г.: «А князь Михайлишко Ноготков Оболенский был у Курбского, а ныне вести про него нет, жив ли будет или здох».³⁰⁹ М. Оболенский не «здох». Курбский писал Сарыхозину, что посылал юношу «брата моего» М. Оболенского для обучения в краковскую школу и в Валахию и что после семилетней отлучки тот «ныне благодатию божиею возвратился к нам».³¹⁰ Судя по донесению послов, Оболенский вернулся к Курбскому после их отъезда из Литвы, т. е. никак не ранее 1571/72 г. К тем же годам ведут нас сведения, заключенные в Предисловии к «Новому Маргариту», и в частности описание страшного пожара, уничтожившего Москву в мае 1571 г.³¹¹

³⁰⁶ РИБ, т. XXXI, стлб. 418.

³⁰⁷ Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 14; ср.: Жизнь князя А. М. Курбского, т. II, стр. 311.

³⁰⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 418.

³⁰⁹ Сб. РИО, т. 71, стр. 807.

³¹⁰ РИБ, т. XXXI, стлб. 417. В предисловии к переводу книги И. Дамаскина Курбский упомянул, что осуществить этот перевод ему помог М. Оболенский: «И набыхъ книгу ... и к тому делу призвахъ и умолихъ въ помощь собе Михаила Андреева сына Оболенскаго (яже есть в роду княжания черниговских), сам бо сему недоволен бых, понеже во старости уже философскихъ искусствъ приучахся, а онъ во младыхъ летехъ прошел и ихъ научился» (М. Оболенский. Библиографические записки. М., 1858, № 12, стр. 359).

³¹¹ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 306. Курбский упомянул также о попытке отнять у него имения. Такую попытку предприняли литовские дворяне на сейме в Люблине в 1569 г. (там же, т. I, стр. X).

Особое значение для датировки Предисловия имеет упоминание об убийстве слуги Курбского Калымета. Сам по себе этот факт не мог иметь большого значения в жизни Курбского и едва ли заслуживал упоминания в Предисловии к богословскому сочинению. Между тем Курбский посвятил слуге подлинный некролог: «...слуги моего и брата превозлюбленного и верного кровь пролияша ... мужа ... в разуме светлаго».³¹² Приведенные строки Курбский написал, находясь, по-видимому, под свежим впечатлением происшедшего. В книге градской Владимирской (XVI в.) удостоверено, что слуга Курбского Калымет погиб 9 марта 1572 г.³¹³ Очевидно, вскоре после этого Курбский и писал Предисловие.³¹⁴ Произошло это во всяком случае не позднее 7 июля 1572 г., когда умер король Сигизмунд II Август. В Предисловии Курбский пишет, что получил именование «з ласки королевские», говорит о короле и в другой связи, но не упоминает о его кончине.³¹⁵

В текстологическом плане Предисловие к «Новому Маргариту» обнаруживает поразительное сходство с первым посланием царю:

Первое послание
царю (1564 г.)

... от земли божия тобою
туне отогнан бых.³¹⁶
... всеродно погубляя
нас...³¹⁸
... и воевод... различными

Предисловие
к «Новому
Маргариту» (1572 г.)

... изгнанны ми бывшу без
правды от земли божии...³¹⁷
... всеродно погубляют...³¹⁹
... доброхотствующих и
душу за царя и за общую

³¹² Там же, стр. 312.

³¹³ Там же, т. II, стр. 14—49.

³¹⁴ А. Н. Ясинский датировал Предисловие к «Новому Маргариту» временем после 1575 г. (А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889, стр. 105—107). Датировку Предисловия значительно уточнил А. А. Зимин. Он отметил, что в июне 1572 г. Курбский пожаловал именование убитого слуги Калымета другому лицу. Следовательно, замечает он, «Предисловие к „Новому Маргариту“ написано вскоре после июня 1572 г.» (А. А. Зимин. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 306).

³¹⁵ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 311—312.

³¹⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 535.

³¹⁷ Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 1.

³¹⁸ Послания Ивана Грозного, стр. 534.

³¹⁹ Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 7.

смертью расторгл еси ... и на
доброхотных твоих и душу за
тя полагающих ... смерти и
гоненья умыслил еси.³²⁰

... согласующим ти ласка-
телем...; ... днесь шепчет во
уши ложная царю...³²²

вещь полагающих, заклати яко
агнецов и различными смертми
растерзати...³²¹

Таковые суть ласкателей
плоды ... ложные во уши ца-
рей шепчуще!³²³

Очевидная текстологическая связь между первым по-
сланием Курбского царю и Предисловием к «Новому Мар-
гариту», произведением Курбского, сохранившимся в ран-
нем списке, служит еще одним опровержением тезиса
Э. Кинана о подложности первого послания Курбского.

Перевод «Нового Маргарита» свидетельствовал о том,
что в эмиграции Курбский вернулся к богословию, причем
начал с того самого пункта, на котором оборвался его
диспут с Васьяном. Напомним, что во втором письме
Васьяну он с жаром обличал подложность сочинений
Еремея Болгарского, приписываемых Иоанну Златоусту.³²⁴
В Предисловии к «Новому Маргариту» Курбский
называет попа Еремея преуродливым, еретиком «манне-
товы ереси».³²⁵

«История» Курбского

Текст Предисловия к «Новому Маргариту»
служит как бы связующим звеном между первым письмом
Курбского и его «Историей о великом князе Московском».
Однако Э. Кинан относит и это, самое значительное, про-
изведение Курбского к числу подделок, сфабрикованных
в XVII в. «История», ее язык, ссылки и содержание,
рассуждает Э. Кинан, тесно связаны с самыми послед-
ними письмами переписки, приписанной Грозному и Курб-
скому. Возможно, что «История», сохранившаяся только
в рукописях последней трети XVII в., была составлена
в то же самое время и тем же самым лицом, которое
написало последние «письма Курбского».³²⁶ Э. Кинан выра-
жает сомнение по поводу заголовка, употребленного Курб-
ским, поскольку в Московии не знали термина «история»

³²⁰ Послания Ивана Грозного, стр. 534.

³²¹ Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 6.

³²² Послания Ивана Грозного, стр. 536.

³²³ Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 7.

³²⁴ РИБ, т. XXXI, стлб. 386, 387.

³²⁵ Архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 9.

³²⁶ Е. Ке еп а п, стр. 62.

и употребляли летописную форму заголовка. Все в «Истории», пишет Э. Кинан, заставляет думать, что это произведение было написано в Московии, для московских читателей и на основании московских источников, которые едва ли были доступны Курбскому в Ковеле в 1577 г.³²⁷ Весьма невероятно, считает Э. Кинан, чтобы Курбский, писавший на подлинном славянском московском языке, вдруг стал «грешить» употреблением таких полонизмов, как «дело» вместо «пушки», «место» вместо «град».³²⁸

Аргументация Э. Кинана поражает своей легковесностью. Вспомним, что Курбский пробыл в Литве не менее восьми лет, прежде чем взялся за составление «Истории», и что он написал это сочинение в расчете на литовского читателя (подробнее см. ниже). Разве все эти обстоятельства не объясняют нам и полонизмы Курбского, и употребление им заглавия «История», необычного для Московии тех лет?³²⁹ Предположение об использовании Курбским московских источников весьма правдоподобно. Но Э. Кинан не предпринимает никаких попыток

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же, стр. 212, прим. 42. Некоторые сведения «Истории», утверждает Э. Кинан, не совпадают с вескими документальными данными. Главный пример этого рода — вопрос об Избранной раде, поскольку самый термин «избранная рада» кажется придуманным автором «Истории» (см.: E. Keenan, стр. 63). Термину «избранная рада» и проблеме его происхождения посвятил специальное монографическое исследование американский историк А. Гробовский (A. Grobovsky. The «Chosen Council» of Ivan IV. A Reinterpretation. Brooklyn, N. Y., 1969). Но Э. Кинан не учел результатов этого исследования и упрекнул А. Гробовского, что тот не выразил сомнений по поводу подлинности «Истории» Курбского.

³²⁹ В последние годы сочинения Курбского стали предметом исследования лингвистов. М. В. Ляпон изучила специфику языка Курбского периода эмиграции и показала ценность его сочинений для изучения русского литературного языка XVI в. В ее работе поставлены такие проблемы, как языковое окружение, с которым Курбский был в непосредственном контакте, степень полонизации языка Курбского, его языковой статут (отношение к латыни, церковнославянскому и польскому), оценка стилистических позиций Курбского. М. В. Ляпон обращает внимание на следующие факты, «свидетельствующие о литературной обработанности языка этого автора: 1) филологическую образованность как результат многолетнего изучения правил античной грамматики, риторики и диалектики; 2) лингвистическую натренированность как следствие переводческой практики; 3) специальное внимание к вопросам пунктуации (трактаты «О знаках книжных»...); 4) тематику переводов, которая свидетельствует об интересе не только к сочинениям, излагающим основы христианской догматики, но также о тщательном изучении

выявления этих источников. Ниже мы покажем, что использованные в «Истории» московские источники были доступны Курбскому в литовский период его жизни.

Э. Кинан отметил совпадение значительных отрывков текста в «Истории» Курбского и «Скифской истории» Андрея Лызлова, написанной в конце XVII в. Первое произведение, утверждает Э. Кинан, едва ли может быть старше второго или старше их общего источника.³³⁰ Автор примечаний к книге Э. Кинана сделал попытку текстологического сопоставления «Истории» Курбского и «Скифской истории» и привел несколько примеров взаимосвязи текстов. Но приведенные им единичные примеры нельзя признать сколько-нибудь убедительными ввиду нарушения автором некоторых правил текстологии. Сравнивать тексты можно лишь после того, как изучена история сопоставляемых текстов. Исполнение этого правила необходимо особенно в тех случаях, когда вместо подлинника исследователю приходится иметь дело с поздними неисправными списками. Между тем в книге Э. Кинана мы не найдем никаких попыток исследовать обстоятельства составления «Скифской истории», выявить источники этого произведения, авторские приемы Андрея Лызлова и т. д. Тем более удивительным кажется вывод автора примечаний к книге Э. Кинана, будто факт заимствования текста от «Скифской истории» Андрея Лызлова к «Истории» Курбского можно признать установленным.³³¹

Главный недостаток всех аргументов Э. Кинана, относящихся к «Истории» Курбского, состоит в том, что он вовсе не подверг этот памятник источниковедческому анализу и не изучил рукописную традицию этого произведения. В последние годы в советской историографии положено начало тщательному изучению рукописей «Истории» Курбского.³³² В итоге настойчивых разысканий в настоящей литературе по философии и логике («Диалектика» И. Дамаскина, «О силлогизмах» И. Спанинбергера и другие факты»). (М. В. Ляпон. Из истории выражения модальности в русском языке (на материале сочинений Курбского). Автореферат. М., 1971, стр. 10—11). Весьма интересные наблюдения относительно языка Курбского и Грозного сделал С. О. Шмидт (С. О. Шмидт. Заметки о языке посланий Ивана Грозного. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 256—263).

³³⁰ Э. Кинан, стр. 63.

³³¹ Там же, стр. 212.

³³² Ю. Д. Рыков. 1) Владельцы и читатели «Истории» князя А. М. Курбского. — В кн.: Материалы научной студенческой кон-

шее время выявлен 71 список «Истории» (XVII—XIX вв.). Ю. Д. Рыков классифицировал рукописи и установил наличие четырех редакций «Истории». Самая ранняя из них — полная редакция — сохранилась в списках последней четверти XVII в. Эта редакция, по заключению Ю. Д. Рыкова, содержит более древний текст «Истории», восходящий, вероятно, к ее первоначальному авторскому тексту.³³³ Лишь всестороннее исследование всех списков «Истории» позволит установить достоверную историю этого наиболее важного из произведений Курбского. Но уже сейчас имеются некоторые факты, которые дают возможность уточнить время написания «Истории» и высказать соображения по поводу ее атрибуции.

В свое время И. Н. Жданов предположил, что «История» была составлена Курбским вскоре после 1573 г., в связи с толками об избрании на польский трон царя Ивана.³³⁴ Точку зрения И. Н. Жданова уточнил и дополнил А. А. Зимин. Он установил, что Курбский взялся за сочинение «Истории» во время польского «бескоролья» (1572—1573 гг.), и высказал предположение, что она была закончена к весне—лету 1573 г.³³⁵ В «Истории» Курбский ссылается на Предисловие к «Новому Маргариту», написанное им, по мнению А. А. Зимина, вскоре после июня 1572 г. «Прикинув время на составление „Истории“ (около года), — продолжает А. А. Зимин, — мы получим как раз весну—лето 1573 г.»³³⁶ С предложенной А. А. Зиминим датировкой можно согласиться, хотя она, возможно, и нуждается в не-

ференции МГИАИ, вып. II. Источниковедение историографии. (Ротапринт). М., 1970, стр. 1—6; 2) Редакции «Истории» князя Курбского. — Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971; К. А. Уваров. 1) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. (Археографический обзор списков памятника). — В кн.: Вопросы русской литературы. К 70-летию Н. В. Водовозова. М., 1971 (Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, т. 455); 2) Незаданный труд Г. Э. Кунцевича. (Обзор гранок второго тома «Сочинений князя Курбского»). — Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972.
³³³ Ю. Д. Рыков. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины. (Автореферат). М., 1972, стр. 7.

³³⁴ И. Н. Жданов. Сочинения, т. I, стр. 158.

³³⁵ А. А. Зимин. Когда Курбский написал «Историю...»? стр. 306.

³³⁶ Там же.

которых коррективах, поскольку мы не располагаем точными данными насчет того, что Курбский затратил на написание «Истории» примерно год.³³⁷

Можно заметить, что «История» распадается на две части, написанные, по-видимому, в разное время. Первая, наиболее обширная часть «Истории» посвящена правлению Избранной рады. Концовка этой части составлена в традиционной летописной манере:³³⁸ «А сему уже и конец положим, — пишет Курбский, — понеже и сие краткое сего ради произволихом написати, да не отнюдь в забвение приидут, ибо того ради славныя и нарочитыя исправления великих мужей от мудрых человек историими описашася, да ревнуют им грядущие роды, а презлых и лукавых пагубные и скверные дела того ради пописани, иже бы стреглись и соблюдались от них человецы...».³³⁹

Многословную концовку Курбский завершает прямым указанием на то, что он уже писал о гонениях царя в другом своем сочинении — в Предисловии к «Новому Маргариту». Отмеченные строки «Истории» являются по существу перефразированным отрывком из Предисловия.

Предисловие
к «Новому
Маргариту»

«История»

И иных же злых,
еже слышах и видех,
на целую книгу не
исписал бых.³⁴⁰

...виденнаго и слышаннаго о таковых злостях и гонениях не мог бы на целу книгу написати, яко вмаle и вкратце воспоминах о сем в предисловию, от нас написанном на книгу словес Златоустовых, глаголемую Новый Моргарит...³⁴¹

³³⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 38—43.

³³⁸ По замечанию С. О. Шмидта, «История» Курбского находится в русле отечественной летописной традиции: «Летописная традиция прослеживается уже с зачина „Истории“, напоминающего зачин Повести временных лет» (С. О. Шмидт. К изучению «Истории» князя Курбского. О поучении попа Сильвестра. — В кн.: Славяне и Русь. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 367). Отмеченная С. О. Шмидтом особенность характерна именно для первой части «Истории».

³³⁹ РИБ, т. XXXI, столб. 274.

³⁴⁰ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 307.

³⁴¹ РИБ, т. XXXI, столб. 274, 275.

Вероятно, Курбский мог в «Истории» сослаться на Предисловие потому, что Предисловие появилось на свет незадолго до того. Можно указать и на хронологическую грань, разделяющую оба этих сочинения. В Предисловии Курбский упомянул о получении имени «з ласки королевские»: тон Курбского в отношении короля достаточно почтителен и во всяком случае не выходит за рамки общепринятого.³⁴² В «Истории» тон Курбского разительнее меняется. «А здешнему было королеви, — писал Курбский, — и зело ближайше (королю близко было идти на Орду, — Р. С.), да ... его королевская высота ... не к тому обращался умом, но паче в различные плясания много и в преиспешренныя машкары».³⁴³ Откровенно насмешливые строки едва ли могли быть написаны до смерти короля, последовавшей 7 июля 1572 г. В «Истории» Курбский пишет о короле в прошедшем времени, а это подтверждает, что правление Сигизмунда II закончилось. К тому же Курбский не уточняет имени «здешнего короля», по поводу которого он бесцеремонно иронизирует.

Видимо, эти строки написаны были до мая 1573 г., когда «здешним королем» стало другое лицо. При Сигизмунде II королевская власть пришла в упадок. Слабый король не пользовался авторитетом у подданных. После же смерти Сигизмунда, не оставившего наследников, его стали чернить уже без всякого стеснения.

С пресечением династии в Речи Посполитой наступило «бескоролевье». Среди кандидатов на польский трон оказался царь Иван IV, в пользу которого высказалась значительная часть православной польской шляхты. Перспектива избрания Грозного устроила Курбского и побудила его взяться за перо. «История» явилась своего рода памфлетом, который должен был опорочить кандидатуру Грозного в ходе предвыборной борьбы. Избрание царя на польский трон грозило Курбскому потерей не только высокого положения, но и жизни.

Текстологический анализ обнаруживает очень тесную связь между первым посланием царя Курбскому³⁴⁴ и

³⁴² Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 311—312.

³⁴³ РИБ, т. XXXI, стлб. 241.

³⁴⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 31—57.

первой частью «Истории» Курбского.³⁴⁵ Нетрудно заметить, что «История» по существу повторяет сюжеты и вопросы, затронутые в царском послании, причем во многих случаях не меняется даже их порядок³⁴⁶ (см. стр. 107—109).

Сличение текстов обнаруживает, что «широковещательное» послание царя Ивана к Курбскому явилось по существу одним из главных источников «Истории». Конечно, Курбский, воспроизводя факты, затронутые царем, давал им противоположную оценку. Приведем несколько примеров.

Царь, не жалея красок, изобразил свое сиротское детство и несправедливости, учиненные ему боярами. Его с братом, жаловался Иван, питали, «яко убожайшую чядь, таковая же тогда пострадах во одеянии и в алчбе!.. Како же исчести таковая многая бедне страдания, еже во юности пострадах?». ³⁴⁷ Курбский постарался опровергнуть слова царя и показать, что в юности Иван не страдал сам, а причинял страдания другим: лет в двенадцать стал сбрасывать с терема тварь бессловесную, в пятнадцать же лет «начал человек уроняти»; с толпой сверстников Иван топтал лошадьми народ на торжищах, бил и грабил людей «и воистину дела разбоинические самые творяще и иные злые исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно...». ³⁴⁸

В своем послании царь упомянул о том, что он, обнаружив измену «собаки Олексея Адашева со всеми его советники, милостивно гнев свои учинили: смертные казни не положили, но по разным местом розослали». ³⁴⁹ На эти слова Курбский ответил язвительным и гневным разоблачением. «А наш новоявленный зверь, — писал он, — первое начал сродников Алексеевых и Селивестровых писати имяна, и не токмо сродных... и друзей и соседов знаемых, аще и мало знаемых, многих же отнюдь и незнаемых, их богатеств ради и стяжания... многих имати

³⁴⁵ РИБ, т. XXXI, стлб. 165—252.

³⁴⁶ При написании «Истории», замечает С. О. Шмидт, Курбский преследовал цель опровергнуть конкретные замечания, имевшиеся в адресованном ему первом послании царя (С. О. Шмидт. К изучению «Истории»..., стр. 367).

³⁴⁷ Послания Ивана Грозного, стр. 33.

³⁴⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 165—166.

³⁴⁹ Послания Ивана Грозного, стр. 41.

№ п. п.	Послание Грозного		«История» Курбского	
	текст	ст- ни- цы	текст	столб- цы
1	<i>Детство Ивана.</i> «... нам же со ... братом Георгием сиротствующим родителей своих...»; «Како же исчести такая многая бедне страдания, еже во юности пострадах?».	31—32	«Егда же начал (Иван IV, — Р. С.) приходити в возраст, аки лет в дванадесят, и вперед что творил, умолчу... Начал... многие неподобные дела творити...».	165— 166
2	<i>Боярин Шуйский и его советник И. Кубенский схватили нашего боярина И. Бельского, сослали его и убили. Андрей Шуйский хотел убить боярина нашего Ф. С. Воронцова, мы просили его «своим словом, чтоб его не убили».</i>	33 34	<i>Бояре стали «подуцати его [Ивана] и мстити им свои недружбы... и первые убиша» И. Бельского. Иван сам же повелел убить А. Шуйского. Потом убил И. Кубенского, «и вкупе побieni с ним» Ф. С. Воронцов и его брат.</i>	166— 167
3	<i>Пожар Москвы.</i> «... случися грех ради наших, божию гневу простершуся, пламени огненному царствующий град Москву попавишу...».	35	«... господь, усмиряюща лютость его (Ивана, — Р. С.), посетил град великий Москву презельным огнем...».	168
4	<i>Изменные бояре подучили убить Ю. В. Глинского</i>	35	«... и в том возмущению убиен от вои его князь Юрий Глинский...».	168— 169
5	<i>Появление Сильвестра и А. Адашева.</i> «Тако же поп Селивестр и со Олексеем здружися...». «... и так по малу сотвердися сия злоба».	37 38	«С ним же (с Сильвестром, — Р. С.) соединяется... Алексей Адашев». «Сие творят, сие делают: главную доброту начинают»...	170
6	<i>Сильвестр препустил к нам в синклин(думу) единомысленника своего Д. Курлятева, «вся строения и утвержения по своей воле и своих советников хотение творяще».</i>	38	<i>Сильвестр и Адашев собирают к нему советников, «яко без их совету ничесо же устроити или мыслити».</i>	171— 172

№ п. п.	Послание Грозного		«История» Курбского	
	текст	стра- ницы	текст	столб- цы
7	<i>Сильвестр</i> «вотчины ветру подобно роздал неподобно».	38	<i>Советники почитали храбрых воевод</i> «дарованными . . . яко движными вѣщи, так и недвижными».	172
8	<i>Победа над Казанью</i> (краткий рассказ).	39	<i>Казанское взятие</i> (подробная повесть).	172— 204
9	<i>Царя</i> «аки пленника всадив в судно, везяху . . . сквозе безбожную . . . землю».	39	<i>Царь</i> «вседши в суды ехал к Новугороду Нижнему». <i>Коней наших гнали по берегу, где «чювашский язык обитает».</i> « . . . сын Дмитрий, егож своим безумием погубил . . . ».	206
10	<i>Бояре</i> «младенца же нашего (Дмитрия, — Р. С.) . . . хотеша погубити . . . ».	40		206
11	<i>Походы на Днепр и Дон.</i> «Колико убо злая истощания и пагуба христяном содеяшеса, сопротивным же не малья досады!».	48	<i>Поход на Днепр.</i> « . . . не малу тцету учиниша в орде . . . и возвратишася восвоися здравы»:	240
12	<i>Поход И. Шереметева.</i> « . . . случися такая пагуба православному христянству».	49	<i>Подробный рассказ о походе И. Шереметева.</i> После неудачного для русских сражения татары ушли «со великою тцетою». «И приехаша те все стратилати с воями здравы . . . ».	220— 224
13	<i>Поход в Ливонию.</i> « . . . тебе (Курбскому, — Р. С.) тогда сушу . . . во Пскове, своея ради потребности . . . ». « . . . множае пятнадцать градв взяша».	48	«Мы же от Пскова поидоша под немецкии град . . . ».	233
		48—49	« . . . взяхом градв немецких . . . близу двадесяти числом . . . ».	235
14	<i>Поход на Феллин.</i> « . . . вы же едва един Вильян взяли, и тут много наших народу погубисте».	49	<i>Подробный рассказ о победоносном походе на Феллин и разгроме Ордена.</i>	246— 252

№ п. п.	Послание Грозного		«История» Курбского	
	текст	ст- ни- цы	текст	столб- цы
15	<i>Вы с Сильвестром и Адашевым епископа Коломенского, «нам советна, народу града Коломны повелесте камением побити».</i>	52	<i>Епископа Коломенского изгнали «не токмо по совету всех синглитов, но и всенародне, . . . явственные ради злости».</i>	211
16	<i>Сражение с крымским ханом под Тулой. «Аще убо и вы раны многи претерпесте, но обаче победы благи никоея же не сотворите».</i>	56	<i>« . . . помог бог нам, христианом, над бусурманы, и толико избиша их яко зело мало осталось их . . . и сам аз тяжкие раны на телеси отнесох, яко на главе, так и на других составех».</i>	176
17	<i>Устрашающие рассказы Сильвестра: « . . . ниже мните мя дедскими страшилы устрашити . . . ».</i>	57	<i>Сильвестр «чюдеса и аки бы явление от бога поведающе ему (царю, — Р. С.) . . . яко многожды и отцы повелевают слугам детей ужасати мечтательными страхи . . . ».</i>	169

повелел и мучити различными муками, а других множайших ото имени их из домов изгоняти в дальные грады».³⁵⁰

Так «милостивое» наказание царя превратилось под пером Курбского в вопиющую несправедливость, жестокое и бесчеловечное мучительство.

Интересно проследить, как один и тот же сюжет, возникший в ходе переписки царя и Курбского, попадает затем на страницы «Истории». В первом письме Курбский обвинил царя в святотатстве, в том, что тот пролил «победоносную, святую кровь» своих бояр-воевод «во церквах божиих».³⁵¹ На это царь отвечал Курбскому, что давно уже ничего не слышал о «святой крови» на Руси, что «мучеников за веру» в нынешнее время у нас нет и что

³⁵⁰ РИБ, т. XXXI, стлб. 276—277.

³⁵¹ Послания Ивана Грозного, стр. 534.

«неподобно» изменников и блудников называть мучениками, а кровь их — победоносной и святой.³⁵² Курбский не оставил без ответа выпад царя и включил в «Историю» целую притчу о «победоносном» воеводе Репнине и его «мученической» кончине. Притча эта весьма интересна.

После похода на Полоцк царь искал дружбы «победоносного» воеводы и однажды пригласил его во дворец на веселый пир со скоморохами и ряжеными. Когда все изрядно подвыпили, царь и его приятели пустились плясать со скоморохами. Подобная непристойность опечалила ревнителя благочестия. Ко всеобщему смущению боярин прослезился и стал громко корить и увещевать Ивана: «иже не достоин ти, о царю христианский, таковых творити!». Царь пробовал урезонить строптивца, просил его: «Веселися и играй с нами!» — и попытался одеть маску на нелюбезного гостя, но тот, забыв приличия, растоптал «машкару» ногами. Ссылаясь на свой боярский чин, он заявил: «Не буди ми се безумие и безчиние сотворити, в советническом чину сущу мужу!». В сердцах Иван «ярости исполнився, отогнал его ото очей своих».³⁵³ За свою дерзость боярин Репнин будто бы и поплатился головой. Через несколько дней после неудачно закончившегося пира царь велел казнить Репнина, и его убили в церкви «близу самого олтаря стояща, аки агнца божия неповиннаго».³⁵⁴

Почему Курбский так подробно рассказал о судьбе Репнина, не принадлежавшего к его родне? Это вполне объяснимо. В своем послании царь писал Курбскому, что тот сам может, если захочет, разыскать иноземных купцов и людей, ездивших в Москву с посольскими делами, которые были «самовидцами» измены казенных воевод.³⁵⁵ Как видно, история казни Репнина была в Литве широко известна, и Курбскому нужны были сильные доводы, чтобы изменить мнение о Репнине и выставить «блудника и изменника», по выражению царя, великомучеником.

Опалам и казням Грозного посвящена вторая часть «Истории», в заголовке которой читаем: «Се уже по воз-

³⁵² Там же, стр. 30, 42.

³⁵³ РИБ, т. XXXI, стлб. 279.

³⁵⁴ Там же.

³⁵⁵ Послания Ивана Грозного, стр. 42.

Можности моеи начну изчитати имена... новых мучеников...». ³⁵⁶ Курбский заключает повествование фразой: «И ныне скончающе и историю новоизбиенных мучеников...». ³⁵⁷

Можно весьма точно определить мотивы, которыми руководствовался Курбский, работая над продолжением «Истории». Богобоязненных московских эмигрантов в Литве крайне беспокоили поступавшие из России известия о церковном проклятии всех беглых и опальных людей. В Предисловии к «Новому Маргариту» Курбский горько сетовал на то, что царь «звезды с небеси совлащати тщится, сиречь мучеников венцов отлучати и прогнанных и избуженных мздовоздаяния от праведнаго судьи лишати умышляет». ³⁵⁸ «Преуродивый» митрополит и «законопреступные» епископы тщатся отлучить мучеников «от христианские части» и пр. ³⁵⁹

Ввиду всего этого Курбский попытался противопоставить царской анафеме Сказание, оправдывающее новых мучеников. С этой целью и была написана вторая часть «Истории». Эта часть изобилует легендарными подробностями. Не жалея красок, Курбский живописует «подвиги» новоявленных мучеников. Вот типичные образцы его красноречия. Когда царь велел посадить на кол князя Дмитрия Шевырева, тот «на коле, яко на престоле сядящ, воспевал канон изо уст.. Христу, .. и по скончании пения оного дух святой предал господеву». ³⁶⁰ Знатный дворянин И. Б. Колычев был связан опричниками по рукам и ногам и оставлен в повалуше, под которую поставлено было несколько бочек пороха. После страшного взрыва Колычева обнаружили в поле без пут, «единою рукою привязана ко великому бревну, на земли цела сядяща, а ни чем же ни мало вредима, прославляюще господа, творяще чудеса...». ³⁶¹

Сказание о мучениках начинается фразой, типичной для Курбского и встречающейся во многих его сочинениях:

³⁵⁶ РИБ, т. XXXI, стлб. 276.

³⁵⁷ Там же, стлб. 347.

³⁵⁸ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 306—307.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ РИБ, т. XXXI, стлб. 280.

³⁶¹ Там же, стлб. 301.

Второе
послание
Васьяну

Предисловие
к «Новому
Маргариту»

«История»

Но яко ж по-
жару люту возго-
ревшус на лице
земли вся на-
шея...³⁶²

...во отечестве слы-
шах огонь мучительства
прелютейший горящ и
гонением попадаем люд
христианский без поща-
ждения и лютость кипяща
презельная...³⁶³

...воскурилося
гонение великое и
пожар лютоости в
земле Руской воз-
горелся и гонение
воистинну таковое
неслыханное...³⁶⁴

В начале Сказания Курбский многословно повествует о гибели адашевской родни, — Ивана Шишкина и других лиц. Рассказ Курбского находит подтверждение в документах Разрядного приказа. Весною 1563 г. пленный «литвин» сообщил царским воеводам, что литовские отряды стягиваются к Стародубу, а идут «по ссылке стародубского наместника — хотят город сдати».³⁶⁵ Царь приказал немедленно арестовать стародубского воеводу Ивана Шишкина, а затем казнил его. В то время Курбский еще находился в Москве. Опалы и казни протекали на его глазах и даже косвенно затрагивали его самого. За месяц до гибели Петр Туров (родня Адашевых) доверительно «исповедал» Курбскому дивное видение, предвестившее ему — Турову «смерть мученическую».³⁶⁶

Суд над И. Шишкиным и всей адашевской родней захватил широкий круг лиц. Об этом Курбский рассказывает дважды в сходных выражениях.

Предисловие
к «Новому
Маргариту»

«История»

...и всеродно погубляют
не токмо единоколенных, но
еще и знаем был, и сосед и
мало ко дружбе причастен...³⁶⁷

...и не токмо сродных...
и друзей и соседей знаемых,
еще и мало знаемых, многих
же отнюдь и не знаемых...
многих имати повелед и му-
чити...³⁶⁸

³⁶² ГПБ, собр. Солов. мон., № 962/852, л. 250 об.

³⁶³ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 303.

³⁶⁴ РИБ, т. XXXI, стлб. 276.

³⁶⁵ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 178, 179.

³⁶⁶ РИБ, т. XXXI, стлб. 278.

³⁶⁷ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 304.

³⁶⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 276.

И в этом случае мы видим, что Предисловие служит как бы черновиком более подробного и более полемического рассказа «Истории».

Основной текст Сказания о мучениках распадается на несколько разделов. Курбский располагает мучеников по определенной системе, в соответствии с их знатностью. Первый раздел заканчивается указанием на то, что в нем автор написал «о княжецких родех».³⁶⁹ Второй раздел озаглавлен: «О побиении боярских и дворянских родов», третий — «О страдании священномученика Филиппа митрополита», четвертый — «О преподобном Феодорите священномученике».³⁷⁰

Три последних раздела Сказания о мучениках повествуют об опричных казнях. Накануне опричнины Курбский бежал из России, и поэтому опричный террор он описывает не как очевидец, а как человек, пользовавшийся слухами. К тому же Курбский писал не исторический трактат, а предвыборный памфлет, который должен был очернить царя Ивана и его тиранство в глазах литовских избирателей.

Для критического анализа Сказания о мучениках можно привлечь записки иностранцев, служивших в опричнине при Грозном. Но эти источники сами крайне тенденциозны и содержат слишком много недостоверного. Иной характер носит синодик опальных царя Ивана Грозного, составленный на основании несохранившихся опричных архивов. Остановимся на истории этого памятника.

Синодик опальных и Сказание о мучениках Курбского

Синодик опальных царя Ивана давно привлекал внимание историков.³⁷¹ При случае, замечает С. Б. Веселовский, историки упоминали о Синодике, брали из него имена тех или иных казненных, но длительное время этот ценнейший источник оставался неисследованным: не выяснены его происхождение и состав, не определены приемы

³⁶⁹ Там же, стлб. 294.

³⁷⁰ Там же, стлб. 294, 309, 324.

³⁷¹ См.: Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1821, т. IX, прим. 3, стр. 3, 4; Сказания князя Курбского, изд. 3-е, стр. 371, 372.

разработки, и вследствие этого не установлена его историческая ценность³⁷² Сам С. Б. Веселовский посвятил царскому синодику большую и исключительно интересную статью. В ней он доказал, что все сохранившиеся монастырские синодики представляют собой копии с официального списка опальных, составленного по указанию царя Ивана в 1583 году в одном из государственных приказов на основании подлинных судебных дел и донесений опричников.³⁷³ С. Б. Веселовский считал маловероятным, чтобы дьяки, исполнявшие царский приказ о составлении списков казненных, могли внести в эти списки некоторых лиц по памяти: «...в синодике находится много указаний на то, что дьяки и подьячие при составлении списка опальных придерживались точно имевшихся у них источников и от себя ничего не вносили и не изменяли».³⁷⁴ Однако доказав строго документальное происхождение синодика, автор в конечном итоге пришел к выводу о неполноте и случайности содержащегося в синодике списка опальных. «Приведенные источники, — писал Веселовский, — как видно, могли дать далеко не полный и несколько случайный список опальных»; «...мы имеем в дошедших до нас списках синодика не хронологический и не полный список казненных, а весьма неполный перечень лиц, погибших за весь период массовых казней, длившийся более 15 лет. Перечень этот был составлен не в порядке событий, а задним числом, наскоро, по разным источникам».³⁷⁵ Ввиду такой оценки Веселовский отказался от поисков специальных приемов разработки источника и в своем исследовании придал списку опальных алфавитный порядок. Препарированный таким способом документ перестал существовать как цельный исторический источник. Обратимся к вопросу о происхождении и составе царского синодика опальных.

³⁷² С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. — В кн.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 323. В этом издании приведен полный текст названного исследования академика С. Б. Веселовского, которое впервые было опубликовано с очень значительными сокращениями и пропусками в 1940 г. (см.: Проблемы источниковедения, кн. III. М.—Л., 1940).

³⁷³ С. Б. Веселовский. Исследования... , стр. 342—346.

³⁷⁴ Там же, стр. 346.

³⁷⁵ Там же, стр. 345, 324.

Незадолго до смерти Иван Грозный пришел к мысли о «прощении» всех тех, кто когда-нибудь был казнен по его приказу или с его ведома. При этом он пожелал реабилитировать опальных не перед судом людей, а перед судом божьим, который был, по понятиям того времени, высшим судом. В 1582—1583 (7090—7091) гг. по приказу Грозного был составлен список опальных, который затем был разослан по всем монастырям. Руководствуясь полученным приказным списком («государскими книгами», «государевой царевой грамотой»), монастырские власти внесли имена опальных в синодики. Ни одного подлинника «государских книг» 80-х годов не сохранилось, или, во всяком случае, они не разысканы до настоящего времени. Однако имеется более десятка списков или «выписей» из приказного списка, включенных в обычные монастырские синодики.

Приказной список в его первоначальном виде был малопригоден для церковной службы. Поэтому монахи-переписчики при составлении копий на исходе XVI и в XVII в. старались приспособить оригинал для целей церковного поминания, подвергали его сокращениям и т. д. От частого употребления синодики приходили в ветхость, после чего они вновь копировались, подвергаясь при этом новым сокращениям и искажениям. Однако переписчики ошибались каждый по-своему и нечасто повторяли друг друга в своих ошибках. Благодаря наличию значительного числа списков монастырских синодиков можно обнаружить ошибки, допущенные при копировании. Это позволило нам восстановить первоначальный приказной список опальных царя Ивана Грозного.

С точки зрения реконструкции текста синодика наибольшее значение имеют следующие его списки.

Синодик Нижегородского Печерского монастыря сохранился в двух списках. Первый из них является наиболее ранним из всех известных списков синодика и относится к XVI в.³⁷⁶ НП-1 сохранился в составе монастырского синодика обычного типа. Как значится в заголовке сборника (л. 6), синодик был заведен в 1552 г. при архи-

³⁷⁶ Гос. архив Горьковской обл., ф. 2013, оп. 602-а, д. 161 (далее: НП-1). Этот синодик напечатан со значительным числом ошибок Н. Левитским в «Сборнике Нижегородской губернской архивной комиссии» (т. XV, вып. 2, Н. Новгород, 1913, стр. 27—31).

мандрите Иоакиме. В течение более трех десятилетий синодик находился в употреблении, и монахи аккуратно пополняли его новыми именами. В самом конце помянника великокняжеского рода (л. 18 и 15) они записали царевича Дмитрия (утонул в 1554 г.), князя Юрия Васильевича (умер в 1563 г.), царицу Марию Черкасскую (умерла в 1569 г.) и Марфу Собакину (умерла в 1571 г.). В помяннике новгородских архиепископов (на л. 19) последним записано (а затем вычеркнуто) имя Пимена (умер в 1571 г.). На л. 23 монахи сделали запись о «преставлении» царя Ивана 26 февраля 1584 г. и т. д. Более поздних записей в синодике нет. Очевидно, после 80-х годов синодик за ветхостью вышел из употребления. В те же 80-е годы в Печорский монастырь были присланы списки опальных. Монахи выписали имена опальных в самый конец синодика, на лл. 80—96 об.³⁷⁷ В заголовке списка (л. 80) помечено: «Сих опальных людей поминати по грамоте цареве». Как видно, монастырский синодик опальных был непосредственно скопирован с «царевой грамоты» (приказного списка). Копия была сделана с практической целью поминания. Переписчик руководствовался несложным правилом: он выписывал из «царевой грамоты» исключительно имена опальных или их число, опуская все остальные подробности. Список НП-1 представляется на первый взгляд простым набором имен: «Ивана, Петра, Анну, Семена, Вавилу» и т. д. Лишь по недосмотру переписчика в списке НП-1 остались некоторые подробности об обстоятельствах казней, отсутствующие во всех остальных списках. В ряде случаев сохранена терминология приказного списка и т. д. Список НП-1 ценен не только своими подробностями, но и тем, что он точнее всего воспроизводит порядок имен приказного списка опальных.

Второй список синодика Нижегородского Печорского монастыря³⁷⁸ восходит к концу XVI—началу XVII в. Список НП-2 сохранился в составе обычного монастырского синодика, заведенного при архимандрите Трифоне в 1595 г. и находившегося в употреблении в первой трети

³⁷⁷ Всего в сборнике 104 листа, последние три — чистые.

³⁷⁸ ЧОИДР, 1868, кн. I, отд. V, стр. 6—9 (далее: НП-2). Синодик напечатан в отрывке Макарием и цитируется вперемежку с кормовой книгой монастыря.

XVII в.³⁷⁹ Список был сделан через несколько десятилетий после смерти царя Ивана, что сказалось на приемах его составления. Переписчик опустил все безымянные поминания и прочие подробности. С точки зрения церковного поминания безымянные поминания не имели смысла. В то же время переписчик выписал в монастырский синодик не только имена, но и фамилии опальных с той целью, чтобы молитвы могли дойти по назначению. Таким образом НП-2 содержит сведения, отсутствующие в НП-1. Очевидно, он мог быть составлен лишь на основании приказного списка, хранившегося в монастырском архиве. Список НП-2 расшифровывает фамилии почти всех записанных в него лиц. Однако большая часть его утрачена. Сохранилось лишь несколько начальных страниц. Несмотря на более позднюю обработку, список НП-2 в точности воспроизводит порядок имен списка НП-1.

Синодик Переяславского Никитского монастыря сохранился в двух списках XVII в.³⁸⁰ Первый из списков (в дальнейшем ПН) входит в состав монастырского синодика, составленного в начале XVII в. Но в синодике мы находим ряд записей XVI в.: «Братия Никитского монастыря 80-го года» (л. 81) и начала XVII в.: род игуменов Иова 1617 г. (л. 157 об.), Рафаила 1627 г. (л. 157), Афанасия 1627 г. (л. 138) и Иосифа 1630 г. (л. 139).³⁸¹ Царский список опальных помещен в самом начале сборника, на лл. 7—13. Он открывается заголовком: «Лета 7091, прислал царь и государь... в дом чудотворцу Никите по опальных людех...».³⁸² Конец синодика (примерно третья часть) утрачен. По расположению имен список ПН совпадает с НП-1. По полноте сведений, числу расшифрованных фамилий, количеству сохраненных подробностей список ПН является одним из наиболее ценных списков синодика. Во второй половине XVII в. с синодика ПН была снята копия. Самостоятельного значения она не имеет.

Синодики Московского Богоявленного монастыря сохранились в двух списках XVII в. и в списке начала

³⁷⁹ Там же, стр. 1.

³⁸⁰ Оба списка напечатаны А. А. Титовым: см.: А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Никитского монастыря. М., 1903, стр. 13—18, 70—73.

³⁸¹ Там же, стр. 27, 33, 35. Начало сборника утрачено, многие листы перепутаны. Сборник издан Титовым в выдержках. Все это затрудняет его точную датировку.

³⁸² Там же, стр. 13.

XVIII в. Первый список ³⁸³ включен в обычный монастырский синодик, который был заведен в 1599 г. и находился в употреблении на протяжении первых трех десятилетий XVII в. В самом конце синодика переплетены листы со списком опальных. Сохранилось 7 листов списка МБ-1. Начало его и вся вторая половина утрачены. Листы перепутаны.

Второй список ³⁸⁴ находится в составе более позднего синодика, который был заведен в середине XVII в. и заполнялся до начала XVIII в. (лл. 43 об.—44). Листы со списком опальных писаны другим почерком и не значатся в оглавлении, переплетены в самом конце сборника. МБ-2 частью повторяет МБ-1, частью дает утраченные в МБ-1 листы. Расхождения между МБ-1 и МБ-2 несущественны.

Третий список ³⁸⁵ представляет собой копию начала XVIII в. и воспроизводит с некоторыми искажениями текст списков МБ-1 и МБ-2, а также дает несколько листов, утраченных в этих списках.

Списки МБ сообщают много десятков фамилий, не встречающихся ни в одном другом списке. Однако по расположению имен списки МБ совершенно отличны от всех других списков синодика.

Копируя приказной список, богоявленский переписчик применил довольно своеобразный метод. Он списывал имена опальных выборочно, затем возвращался к началу отрывка и выписывал все оставшиеся имена. Схематически конструкцию списков МБ можно изобразить следующим образом:

НП-1	МБ-1, МБ-2, МБ-3
А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М	1) А, Б, Д, Ж, З, К, Л 2) В, Г, Е, И, М

Порядок имен внутри каждого отрывка сохранялся, но в «разрезанном» виде. В дальнейшем некоторые листы в копиях оказались перепутанными, что еще больше усугубило путаницу имен. Однако, поскольку метод копирования, употребленный богоявленскими монахами, раскрыт, текст синодиков МБ удастся «проявить». Прочтение богоявленских синодиков дает особенно интересные резуль-

³⁸³ ГИМ, Епарх., № 706, лл. 204—210 (далее: МБ-1).

³⁸⁴ ГПБ, F.IV.196, лл. 285—288 об. (далее: МБ-2).

³⁸⁵ ГПБ, Q.XVII.87, лл. 123 об.—136 об. (далее: МБ-3).

таты: по числу раскрытых фамилий опальных они являются самыми полными.

Печорский синодик (НП-1), будучи самым древним, наиболее точно воспроизводит подлинную «государеву грамоту», принятую в ней последовательность имен опальных. Поэтому он дает ключ, пользуясь которым представляется возможным выделить и расположить в верном порядке перемешанные страницы различных синодиков и распутать бесконечные ошибки переписчиков.

Реконструкция текста синодика кардинально меняет оценку этого источника. Воссозданный как цельный памятник, синодик перестает быть неполным и случайным набором имен казненных.³⁸⁶ Полнота и достоверность синодика находят себе объяснение. Когда царь Иван распорядился составить подробные списки опальных, его дьяки вынуждены были обратиться к опричным архивам. Боясь в чем-нибудь отступить от строгого приказа и следуя имевшимся в их руках документам, дьяки подряд выписывали имена опальных из судебных дел и отчетов опричников. Полнота составленных таким способом списков опальных определялась в первую очередь сохранностью судебных и следственных материалов в архиве. Последовательность выписанных дьяками имен опальных зависела от того, хранились ли дела об опальных в каком-то порядке или были сложены в архиве вне всякой системы. Независимо от этого обстоятельства дьяки, переходя от документа к документу, выписывали имена в том порядке, в котором они упоминались в каждом судебном деле в отдельности. Реконструкция синодика позволила доказать, что текст этого памятника распадается на ряд списков, соответствующих отдельным судебным процессам и расположенных в основном в хронологическом порядке. Дьяки добросовестно страницу за страницей проштудировали прежде всего материалы грандиозного судебного дела о заговоре князя Владимира Андреевича. С этим делом был связан период опричного террора 1567—1570 гг. На основании материалов этого дела и была составлена основная часть царского синодика — девять десятых его объема, в которой

³⁸⁶ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников, Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. — В кн.: Р. Г. Скрынников, Опричный террор, стр. 249—307.

записано около 3200 опальных из общего числа примерно 3300 человек. Синодик оказывается своего рода кровавой летописью, в которой деяния опричнины описаны бесстрастно и точно, день за днем, месяц за месяцем.

Синодик опальных Ивана Грозного позволяет проверить достоверность сведений Сказания Курбского о «новоизбиенных мучениках», и в частности установить совпадение большого комплекса известий об опальных в синодике и в «Истории».

Синодик опальных

Князя Михаила Репнин, князя Юрья Кашин. Князя Иона Кашины.³⁸⁷

Князя Александръ Горбатой, сына его князя Петра, Петра Головин.³⁸⁹

Хозя Тютинна з'женою да пять детей, да Хозяин брат.³⁹¹

«История» Курбского

Тогда же убиен от него князь Михаил, глаголемый Репнин ... и тое же нощи убити повелел синглита своего князя Юрья, глаголемаго Кашина... Потом убиен того Юрья брат князь Иоан³⁸⁸

...убиен от него княжа Суздальское Александр, глаголемый Горбатый, со единочадным своим сыном Петром. ... и того же дня убиен с ним шурин его Петр Ховрин.³⁹⁰

Паки убиени от него мужи: ... Хозяин, нареченный Тютин ... всеродно, сиречь со женою и з детками и с другими южики.³⁹²

Курбский сообщает подробные сведения о первых казнях в опричнине по делу А. Б. Горбатого, о гибели видного члена Земского собора князя В. Пронского, о многочисленных убийствах, связанных с судом над конюшим И. П. Федоровым, о гибели князя Владимира Андреевича и разгроме Новгорода. В хронологическом отношении подавляющая часть фактов, приведенных Курбским, укладывается в рамки опричных лет (1565—1572 гг.). Курбский

³⁸⁷ Там же, стр. 287.

³⁸⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 278—279.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же, стлб. 281.

³⁹¹ Там же, стр. 268.

³⁹² Там же, стлб. 297.

называет много имен казненных, неизвестных писателям-иностранцам, но записанных в синодике.³⁹³

Осведомленность Курбского вполне объяснима. Прежде всего, Курбский хорошо знал многих казненных, с частью из них состоял в родстве, с некоторыми продолжал сноситься и после бегства в Литву. В «Истории» можно прочесть об убиении мужей из рода Морозовых, «Владимир единому имя было».³⁹⁴ Курбский не упомянул о том, что Владимир Морозов по дружбе к нему велел похоронить слугу В. Шибанова, казненного царем. Морозова уличили в тайной переписке с Курбским и бросили в тюрьму.³⁹⁵

Опричный топор обрубил нити, связывавшие русских эмигрантов в Литве с недовольными московскими боярами. Но Курбский не прекратил интриг против покинутого отечества. Царь подозревал Курбского в том, что тот причастен был к составлению тайных писем на имя главнейших московских бояр. Провокационные письма явились в глазах подозрительного и деспотичного царя уликой против боярина И. П. Челяднина, вскоре же посланного на эшафот.³⁹⁶ После кровавого погрома в Новгороде царь приказал своим дипломатам сделать следующее разъяснение в Литве: «О котором есте лихом деле з государьскими изменники лазучьством ссылались и бог тое измену государю нашему объявил...».³⁹⁷ Официальные разъяснения за рубежом показывают всю степень ослепления московского руководства, ставшего жертвой мистификации польской королевской секретной службы. Как нам удалось установить, в Новгороде была найдена составленная с провокационными целями «польская память», которая должна была скомпрометировать всю новгородскую верхушку в глазах царя. Цель была достигнута: Грозный увидел в «польской памяти» бесспорное доказательство сговора между литовцами и новгородскими «изменниками», будто бы решившими передать Новгородскую

³⁹³ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Опричный террор, стр. 9—118.

³⁹⁴ РИБ, т. XXXI, стлб. 303.

³⁹⁵ А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 38. Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 226—227.

³⁹⁶ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 361—363.

³⁹⁷ Сб. РИО, т. 71, стр. 777.

землю под власть польского короля.³⁹⁸ Царь Иван нимало не сомневался, что нити литовской интриги тянутся к его давнему врагу Курбскому. Царские послы заявили в Литве по поводу последних преступлений Курбского следующее: «А ныне его многая измена, тайно лазучьством со государьскими изменники (новгородцами, — Р. С.) ссылаетца на государское лихо...».³⁹⁹ Возможно, что Курбский действительно был причастен к составлению «польской памяти», подброшенной лазутчиками в новгородскую приказную избу. Но разумеется, в Сказании мы не найдем об этом ни слова. История новгородского погрома была широко известна в Литве со слов Шлихтинга, из рассказов послов и т. д. Эта история могла бы разоблачить тиранию Грозного самым разительным образом. Но Курбский посвятил ей всего несколько строк, гораздо меньше, чем истории Репнина или Воротынского.

По-видимому, Курбский знал больше того, что написал в «Истории», но он старательно замалчивал одни факты и тенденциозно освещал другие. Так, Курбский утверждал, будто в Новгороде царь велел утопить архиепископа Пимена в реке.⁴⁰⁰ Столь явной лжи избегали даже такие памфлетисты, как Шлихтинг, Таубе и Крузе.⁴⁰¹ Недостоверны известия Курбского о казни княжича Василия Старицкого,⁴⁰² об убийстве двух сыновей князя Н. Р. Одоевского,⁴⁰³ казни боярина И. И. Хабарова⁴⁰⁴ и архиепископа Германа.⁴⁰⁵ Под пером Курбского вымысел перемежается с истиной. В истории «о преподобном Феодорите священномученике» сказано, будто царь велел утопить в реке знаменитого монаха-подвижника только за то, что тот упомянул при нем имя Курбского.⁴⁰⁶ Рассказ был столь

³⁹⁸ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Опричный террор, стр. 38—40.

³⁹⁹ Сб. РИО, т. 71, стр. 778.

⁴⁰⁰ РИБ, т. XXXI, столб. 319.

⁴⁰¹ А. Шлихтинг. Новое известие..., стр. 30; Послание И. Таубе и Э. Крузе. — Русский исторический журнал, кн. 8. Пгр., 1922, стр. 49.

⁴⁰² Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Опричный террор, стр. 193—195.

⁴⁰³ Там же, стр. 207.

⁴⁰⁴ Там же, стр. 20.

⁴⁰⁵ По данным П. Строева, Герман умер от мора в Москве 6 ноября 1567 г. (П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 287).

⁴⁰⁶ РИБ, т. XXXI, столб. 345.

неправдоподобен, что Курбский вынужден был сделать в конце его оговорку: некоторые говорят, что Феодорит умер «аки бы тихою и спокойною смертию», «аз же истинне не мог достаточнее выведатися о смерти его», «яко слышах от некоторых, тако и написах».⁴⁰⁷

Сопоставление Сказания о мучениках Курбского с синодиком опальных позволяет обнаружить тот факт, что сочинение Курбского представляет собой памфлет во многом более тенденциозный, нежели памфлеты иноземных авантюристов.

Как уже было сказано, основной комплекс сведений Курбского относится к годам опричнины (1565—1572 гг.).⁴⁰⁸ Но в его Сказании о мучениках подробно описаны также некоторые факты, относящиеся к последующему периоду. В частности, Курбский сообщает о гибели знатных воевод Воротынского и Одоевского, замученных летом 1573 г. Сведения об этих лицах, замечает А. А. Зимин, вставлены в конце соответствующих разделов, вероятно, потому, что к лету 1573 г. «История» в основном была закончена.⁴⁰⁹ В пользу этого мнения можно привести некоторые дополнительные аргументы.

В повествовании «о побиении боярских родов» Курбский упомянул о том, что были убиты Морозовы, «синглитским саном почтенныи», среди них Лев Салтыков с четырьмя или пятью сыновьями. Несколько позже он сделал поправку к своему рассказу: «Ныне, последи, слышах о Петре Морозове, аки жив есть; тако же и Львовы дети не все погублены...».⁴¹⁰ Исправляя рассказ о Морозовых, Курбский, как видно, еще ничего не знал о казни знаме-

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Интересно в этом отношении известие о «мучении» матери знатного воеводы В. В. Квашина Разладина. «Боярыня» Разладина была пострижена в Новгороде 27 июня 1572 г. (Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 115), С. Б. Веселовский предположил, что сам воевода В. В. Разладин, об убийстве которого сообщает Курбский, погиб несколько раньше, в 1571 г. (см.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 395). В действительности же пострижение матери не отразилось на карьере сына. В начале 1573 г. Разладин сопровождал царя в походе на Пайду (см.: Разряды, лл. 470, 472 об.). Его дальнейшая судьба неизвестна.

⁴⁰⁹ А. А. Зимин. Когда Курбский написал «Историю...»? стр. 307.

⁴¹⁰ РИБ, т. XXXI, стлб. 303.

нитого боярина М. Я. Морозова, члена Избранной рады. Повесть о побиении была завершена, когда Курбскому стала известна судьба Морозова. Поэтому он должен был вписать рассказ о кончине М. Я. Морозова не в раздел обо всех Морозовых, а после заключения.⁴¹¹ Исключительное внимание Курбского к роду Морозовых объяснялось тем, что его мать была урожденной Морозовой.

Мнение А. А. Зимина о том, что «История» была составлена к лету 1573 г. вызвало возражения английского историка Дж. Феннелла. По замечанию последнего, в концепцию А. А. Зимина не укладывается такой факт, как упоминание Курбским о казни новгородского архиепископа Леонида в 1575 г.⁴¹²

Не только Курбский, но и одна из новгородских летописей утверждали, будто Леонид пробыл в Новгороде два года (до 1573 г.), после чего царь велел его казнить.⁴¹³ А. А. Зимин обратил внимание на совпадение двух названных источников и заключил, что впервые царь приговорил Леонида к смерти в 1573 г., но затем будто бы оставил на владычестве и казнил только после второго суда в 1575 г.⁴¹⁴ Однако приведенные выше известия следует признать наименее достоверными. И поздний новгородский летописец, и Курбский, по-видимому, пользовались слухами. Курбский не знал даже имени архиепископа и определял время его «убийства» приблизительно — «аки по двух летех». Опалу Леонида невозможно датировать 1573 г. Еще в середине августа 1575 г. он управлял своей епархией. Этот факт бесспорно установлен

⁴¹¹ Там же, стр. 309. «Повесть о побиении боярских родов» завершалась многословными рассуждениями о несовершенстве человеческой памяти и всеведении бога насчет мучеников (там же, стр. 308, 309).

⁴¹² J. L. I. Fennell. A. M. Kurbsky's History of Ivan IV. Cambridge, 1965, p. VII.

⁴¹³ По словам летописца, Леонид «бысть на владычестве два года и приеха к Москве ... и ... удавлен бысть» (Новгородские летописи, стр. 345). А. М. Курбский писал, что после опалы старого архиепископа Пимена царь поставил в Новгород «другого архиепископа», но «аки по двух летех и того повелел убити» (РИБ, т. XXXI, столб. 320).

⁴¹⁴ А. А. Зимин. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. — В кн.: Из истории Татарии, сб. IV. Казань, 1970 (Ученые записки Казанского гос. педагогического института, вып. 80), стр. 151, 152.

В. И. Корецким.⁴¹⁵ «Краткий летописец новгородских владык», составившийся при Новгородском архиепископском доме, сообщает, что Леонид пробыл на владычестве четыре года без полутора месяца и преставился в опале 20 октября 1575 г.⁴¹⁶ Синодики опальных подтверждают известие Курбского о том, что вместе с Леонидом опале подверглись двое архимандритов.⁴¹⁷

В Сказании о мучениках Курбский упомянул о том, что были убиты Василий Андреевич Бутурлин «и другия братья его со единоплемянными своими».⁴¹⁸ На основании синодика опальных можно установить, что Василий Бутурлин погиб в новгородском погроме. Вопреки обыкновению, опричники не тронули ни его домочадцев, ни его родных братьев. Эти последние — боярин И. А. Бутурлин с сыном и дочерью и окольный Д. А. Бутурлин — сложили головы через месяц после смерти Леонида в 1575 г.

Курбский многословно описал, как опричники замучили князя П. Щенятева. К этому рассказу он сделал краткое дополнение: «Тако же и единокленных братию его, Петра, Иоанна ... погубил».⁴¹⁹ По синодику, известный боярин князь П. А. Куракин был обезглавлен в конце 1575 г.⁴²⁰

Указания на опалу Леонида и казнь братьев Бутурлиных и П. Куракина свидетельствуют о том, что Курбский пополнял последний раздел «Истории» в течение трех-четырёх лет. Позднейшие дополнения, впрочем, носили случайный и незначительный характер. В то время Курбский уже не располагал надёжными источниками информации в России.

Таковы краткие сведения об обстоятельствах и времени составления «Истории о великом князе Московском». Они никак не согласуются с тезисом Э. Кинана по поводу подложности этого значительнейшего из сочинений А. М. Курбского.

⁴¹⁵ В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — Вопросы истории, 1967, № 5, стр. 35—36.

⁴¹⁶ Новгородские летописи, стр. 148.

⁴¹⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. — ИЗ, т. 87, 1971, стр. 194—197.

⁴¹⁸ РИБ, т. XXXI, стлб. 303—304.

⁴¹⁹ Там же, стлб. 383.

⁴²⁰ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. «Княжение» Симеона... , стр. 209—210.

Заклучение

Эдвард Кинан написал несколько работ по русской истории. Первая из них посвящена небольшому частному сюжету. Э. Кинан исследовал источник, связанный с русско-татарскими отношениями, — ярлык Ахмед-хана Ивану III. Э. Кинан выразил сомнение в подлинности этого источника и обосновал свою точку зрения вескими аргументами.⁴²¹

Вслед за тем Э. Кинан издал работу о русских филигранях. Перелистывая рукописи в Копенгагенском архиве, Э. Кинан обнаружил в одной из них — в письме Грозного 1570 г. — водяной знак с надписью «Царь Иван Васильевич всеа Руси в лето 7074 совер. княз великий московский». Текст филигрании, по мнению Э. Кинана, написан «характерной простой московской вязью второй половины XVI в.». Согласно предположению Э. Кинана, найденная им бумага была изготовлена на подмосковной бумажной фабрике Ф. Савинова мастером Зауером, фамилия которого в русской транскрипции («совер») читается в тексте филигрании. Э. Кинан счел, что ему удалось найти «бумагу Грозного» с самым ранним московским водяным знаком.⁴²²

Однако гипотеза Э. Кинана встретила серьезные возражения со стороны советских специалистов. Известный

⁴²¹ E. Keenan. The «Yarlyk» of Axmed-xan to Ivan III. A New Reading. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, XII, 1969.

⁴²² Edward L. Keenan. Paper for the Tsar: «A Letter of Ivan, IV 1570». — Oxford Slavonic Papers. New series. Vol. IV, Oxford, 1971, pp. 21—29.

исследователь филиграней С. А. Клепиков указал на то, что вязь филигрانی из письма Грозного не имеет ничего общего с московской вязью XVI в., зато довольно точно копирует болгарскую вязь. С. А. Клепиков установил также, что изготовивший бумагу мастер допустил серьезнейшую ошибку в титулатуре Грозного. Вместо официально принятого титула «царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси» на филиграні стоит «царь Иван Васильевич всеа Руси» и отдельно — в киотце — «князь великий московскый». Этим последним кратким титулом величали Грозного за рубежом те, кто не признавал его царского титула. Если бы иностранные мастера стали изготовлять на Руси бумагу с таким титулом, следившие за ними приказные непременно должны были воспротивиться такому вопиющему нарушению этикета.

С. А. Клепиков опроверг гипотезу, будто «совер» означало фамилию мастера Зауера. Он установил, что Зауер был содержателем бумажной мельницы в Словакии, а мастером на этой мельнице работал Трайдинг, водяные знаки которого известны.

Следуя фактам, С. А. Клепиков отверг предположение Э. Кинана о московском происхождении «бумаги Грозного». По мнению С. А. Клепикова, эта бумага была изготовлена неизвестным иностранным мастером за пределами России. Скорее всего бумага была представлена Ивану IV в качестве образца.⁴²³

В свое время Э. Кинан выступил с критическим разбором «Казанской истории». Это первое исследование, посвященное значительной теме, вызвало неудовлетворенность читателя. Отвергнув общепринятый взгляд на «Казанскую историю» как исторический памятник XVI столетия, Э. Кинан высказал предположение, что эта повесть была сочинена по типу исторического романа в чисто литературных целях в начале XVII в. Роман был соткан из русских сюжетов, хотя и находился под влиянием переводных образцов.⁴²⁴

⁴²³ С. А. Клепиков. О допетровской бумаге и «бумаге для царя (письма Ивана IV)» Э. Кинана. — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. 27, М., 1973.

⁴²⁴ E. Keenan. Coming to Crips with the Kazanskaya Istorija. Some Observations on Old Answers and New Questions. — The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences, vol. XI, 1964—1968, №№ 1—2 (31—32).

Особенности исследовательской манеры, наметившиеся в статье о «Казанской истории», полностью раскрылись в книге Э. Кинана о переписке Курбского и Грозного.

Объективный подход к источникам, стремление раскрыть сложность исторического развития России отличают лучшие зарубежные исследования. Книга Э. Кинана не относится к числу таких исследований. На первых страницах книги «Апокриф о Курбском и Грозном» Э. Кинан предупреждает читателей о том, что в его методе нет ничего новаторского: он лишь более внимательно прочел источники и использовал законы простой вероятности.⁴²⁵ Но обещанное Э. Кинаном внимательное чтение источников сводится к неточным и произвольным их интерпретациям, а законы вероятности служат мостом к бездоказательным и фантастическим умозаключениям.

Книга Э. Кинана проникнута навязчивой тенденцией. Чтобы смягчить неблагоприятное впечатление, Э. Кинан пытается убедить читателей, что у него нет никаких намерений развенчать Ивана IV, или Андрея Курбского, или Московию XVI в., лишить их тех достижений, которые по праву им принадлежат.⁴²⁶ Но вся аргументация книги устремлена к одной цели: доказательству невозможности появления в Московской Руси XVI в. ярких и высокообразованных личностей, которые могли быть авторами таких выдающихся сочинений, какими были знаменитые письма Грозного и Курбского.

Объяснив подлогом и подделкой XVII в. письма царя Ивана к Курбскому, Э. Кинан призывает к пересмотру всей вообще литературной традиции, приписываемой этому автору. Берется под сомнение авторство Грозного применительно к самым известным из его сочинений. На самом деле, заключает свои выводы Э. Кинан, вопрос о функциональной грамотности Ивана остается открытым.⁴²⁷ Так Э. Кинан аннулирует Грозного как писателя.

В истории древнерусской литературы есть много примеров недостаточно обоснованных атрибуций. Авторы, старающиеся доказать подложность того или иного источника, обычно избирают своим объектом произведения самых известных писателей, и тогда их выводы приобре-

⁴²⁵ Е. Кеenan, стр. 4.

⁴²⁶ Там же, стр. 3.

⁴²⁷ Там же, стр. 98.

гают характер сенсации. В основе таких сенсаций, по замечанию Д. С. Лихачева, лежит обычно болезненное стремление к значительным «открытиям» без уравнивающего это стремление чувства научной ответственности.⁴²⁸ Труд Э. Кинана относится к числу исследований, метко охарактеризованных Д. С. Лихачевым. «Открытие» американского исследователя сенсационно, но его выводы лишены серьезного научного обоснования. Книга Э. Кинана служит ярким примером бесплодности того направления американской буржуазной историографии, которое подчинило беспристрастное научное исследование предвзятым целям.

⁴²⁸ Д. С. Лихачев. Текстология..., стр. 389.

Summary

Professor Edward L. Keenan of Harvard University has published a book: *The Kurbskii—Groznyi Apocrypha—The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence"* (Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1971).

Professor Keenan's research has led him to the paradoxical conclusion that the correspondence between Kurbski and Grozny is a forgery, skillfully carried out by the writer Semion Shakhovskoi no earlier than the 1620—30s. This conclusion is based on an interesting textual discovery. In Kurbski's first letter to Ivan IV Keenan found a long passage borrowed word for word from a letter written by the Lithuanian monk Isaiah. Kurbski is generally held to have written his letter immediately after his flight from Russia in the spring of 1564, and to have received an answer from Grozny within a few weeks. Professor Keenan considers this traditional view to be incorrect. Kurbski could not have borrowed the text from Isaiah's letter, which, according to Professor Keenan, was not written until two years later, in 1566. Therefore Kurbski's letter to Grozny and the latter's reply were composed at a later date and not by those to whom they were later attributed. Professor Keenan's main argument is based on a comparison of Isaiah's and Kurbski's texts, Isaiah's text being taken as the starting point. In the dating of Isaiah's letter, however, Professor Keenan made a serious error. He used the date of publication of Isaiah's letters, yet this correspondence was not published in full. On the basis of an unpublished archival manuscript, it can be established that Isaiah's letter was written in 1562. Kurbski, therefore, on his arrival in Lithuania two years later, had the opportunity of

reading this letter, and of copying a long passage from it. Professor Keenan's discovery of this literary borrowing thus finds a perfectly simple explanation.

In Professor Keenan's opinion "Kurbski's letter" is written in a style which could be used only by a monk, and a highly educated monk, yet there is no evidence that Kurbski was religious or educated. It should be pointed out, however, that Kurbski conducted a skil theological argument with the Pechory monks, and that two of his letters to the Pechory Monastery have been preserved, both of which are mainly devoted to theological questions. A textual analysis of these letters and the first letter to the tsar provides convincing evidence that all were written by the same person. Consequently Professor Keenan puts forward the suggestion that "Kurbski's letters" to Pechory could also have been forged by Shakhovskoi. This hypothesis is not in accord anee with the facts. Kurbski's letters to the Pechory Monastery are preserved in several manuscripts, the earliest of which forms part of the collection of the Solovetski Monastery. A study of the manuscript provides proof that the Solovetski collection was written at the end of the 16th century or not later than the very beginning of the 17th century. Thus Kurbski's letters to Pechory were copied by the Solovetski monks long before Shakhovskoi began writing, and there are no grounds for arguing that Shakhovskoi was the author.

If a correspondence between Kurbski and Grozny existed, writes Professor Keenan, there would certainly be some mention of it in documents of Moscow origin, yet no such mention can be found. Unfortunately Professor Keenan did not read the Russian sources with sufficient care. In the earliest description of the tsar's archives, composed in the years of the oprichnina, there is a direct reference to the correspondence between Kurbski and Grozny.

Professor Keenan's conclusion that the above correspondence is a forgery, and his attribution of the supposed forgery to Shakhovskoi has no serious foundation in fact.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР — Академия наук СССР.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ИЗ — Исторические записки.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев, Н. П. — Лихачев, Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 Вод. зн.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 ПДП — Памятники древней письменности.
 ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека.
 Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
 ЦГАДА — Центральный государственный Архив древних актов СССР (Москва).
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович Д. И.* 65
 Август, герцог 96
 Адашев А. Ф. 47, 51, 52, 56, 78, 81, 82, 84, 86, 87, 106, 107, 109
 Адашев Д. 47, 87
 Адашевы 87, 112
Альшиц Д. Н. 82, 83
Андреев Н. Е. 4, 25, 94
 Артемий, старец 40, 66
 Арц, граф 58, 59
 Афанасий, игумен 117
 Ахмед-хан 126
- Басманов-Плещеев А. Д. 53, 54, 88, 91
 Басманов-Плещеев Д. 54
 Басманов-Плещеев Ф. А. 53, 54
 Басмановы-Плещеевы 55
Белокуров С. 30
 Бельский И. Д., князь 58, 61, 65, 107
Беляев И. Д. 26, 28
 Борис Годунов, царь 26
Брике С. 26
 Будный Ш. 64
 Букряба Улан 89, 90
 Бутурлин В. А. 125
 Бутурлин Д. А. 125
 Бутурлин И. А. 125
 Бутурлины 125
- Василий Старицкий, княжич 122
Василевски Т. 64
 Васильев 45
 Васьян Муромцев 23—28, 31—35, 38—40, 49, 50, 53, 60, 62, 66, 67, 100, 112
 Веселовский С. Б. 54, 113, 114, 123
 Веттерман Иоанн 24, 29, 30
 Висковатый И. М. 82
Витязька О. 97
 Вишневецкий Д. И., князь 65
 Владимир Андреевич Старицкий, князь 82, 83, 84, 85, 86, 87, 91, 119, 120
Водовозов Н. В. 103
 Волович Е. 57, 64
- Болынский П. 89
 Воронцов Ф. С. 107
 Воропай Ф. 56
 Воротынские, князья 65
 Воротынский М. И., князь 122, 123
- Гераклизов А. А.* 78
 Герман, архиепископ 122
 Глинский В. М., князь 64
 Глинский Ю. В., князь
 Головин-Ховрин П. 120
 Горбатый А. Б., князь 53, 120
 Горбатый П. А., княжич 120
 Григорий Богослов 34
Гробовский А. 101
 Грязной В. Г. 27
- Дианова Т. В.* 8, 9
 Дионисий Ареопагит 72, 73, 74, 77
 Дмитрий Иванович, царевич 83, 108, 116
 Довойна Станислав 85, 86
Дуйчев И. 74
- Елсуфьев Н. 65
 Еремей Болгарский 34, 100
 Ефросинья Старицкая, княгиня 91
- Жданов И. Н.* 3, 103
- Зайцев П. 53
 Зауер, мастер 126, 127
 Захарьины 83
Зернова А. С. 42
Зимин А. А. 37, 82, 99, 103, 104, 123, 124
- Иван III Васильевич, великий князь 126
 Иван IV Васильевич Грозный 3—10, 12, 14, 20, 21, 24, 25, 27, 28, 30, 36—39, 45—47, 52—58, 61, 67—74, 76—83, 85—96, 99, 100, 103, 105—107, 109, 110, 113—117, 119, 120, 122, 124, 126—128

- Иванишев Н. Д.* 97
 Иоаким, архимандрит 116
 Иоанн Дамаскин 42, 98, 102
 Иоанн Златоуст 34, 100
 Иоасаф, митрополит 12, 13, 16,
 18, 64, 65, 66, 67
 Иов, патриарх 26
 Иов, игумен 117
 Иоганн III, король 80
 Иосиф, игумен 117
 Ирина Годунова, царица 26
 Исайя камянчанин 5, 11—19,
 21—23, 40, 41, 48, 63, 64,
 65—67
 Калымет 90
 Каманин *И.* 97
 Карамзин *Н. М.* 113
 Карп (Поликарп), критянин 74,
 75, 77
 Кашин Ю. И., князь 52, 55, 87,
 120
 Кашин И. И., князь 55
 Кинан *Эдвард* 4—16, 19—21,
 23—25, 27, 36, 40, 41, 43—
 51, 53, 55, 61, 67—69, 81, 88,
 96, 100—102, 125—129
 Клепиков *С. А.* 126—127
 Коломенский епископ 109
 Колычев И. Б. 111
 Корецкий *В. И.* 125
 Корнилий, архимандрит 32
 Крузе Э. 122
 Кубенский И., князь 107
 Кунцевич Г. Э. 8, 9, 26, 60, 96,
 97, 103
 Куракин П. А., князь 125
 Куракин П. А., князь 125
 Куракины 83
 Курбский Андрей Михайлович,
 князь 3—6, 8—15, 19—49,
 51—64, 66—69, 71—73, 76—
 81, 85—106, 108—113, 120—
 128
 Курлятев Д. И., князь 47, 65,
 107
 Курлятевы 47
Лауцявичюс Э. 97.
 Левитский *Н.* 115
 Леонид, архиепископ 124, 125
 Ливер Ф. 97
 Лихачев Д. С. 3, 7, 9—12, 43,
 51, 67, 68, 87, 128, 129
 Лихачев Н. П. 8, 26
 Лурье Я. С. 3, 9, 10, 11, 24, 25,
 37, 69, 71—74, 77, 79, 81, 92
 Лызлов А. 102
 Лютер 30
 Ляпон М. В. 42, 101, 102
 Макарий, митрополит 74
 Максим Грек 34, 40, 41, 42, 48,
 62
 Мамонич Кузьма 42
 Мамоничи 42, 43
 Мария Черкасская, царица 116
 Марфа Собакина, царица 116
 Меланхтон 30
 Микулинский С., князь 83
 Михаил Романов, царь 4, 55,
 67, 68
 Морозов В. 121
 Морозов М. Я. 37, 38, 39, 124
 Морозов П. 123
 Морозова 124
 Морозовы 121, 123, 124
 Мстиславский И. Ф., князь 57,
 58
 Муравьев А. Н. 64
 Немова-Оболенский Д. И., князь
 83
 Ниештедт Ф. 30, 58, 59, 61
 Новосильский Ф. 89, 90
 Ноготков-Оболенский М. А.,
 князь 42, 98
 Норретрандерс Б. 3
 Оболенский М. 98
 Одоевский Н. Р., князь 122, 123
 Одоевские 122
 Очард Д. 4
 Очин-Плещеев И. И. 91
 Павел Абосский 89
 Пересветов И. С. 37
 Петровский М. 56
 Петухов Е. В. 20, 24
 Пимен, архиепископ 116, 122,
 124
 Платонов С. Ф. 20
 Плещеев Г. 88, 89, 90, 91, 92, 93
 Плещеев Д. Г. 91
 Плещеевы 91
 Пожарский 45
 Поликарп, архимандрит 73
 Поликарп Измирский 72, 73, 74,
 75, 76, 77

- Полубенский А., князь 31, 37,
38, 41, 66
Попов А. Н. 42
Порфирьев И. Я. 26
Пронский В., князь 120
Пронский И. И., князь 83
Радзивилл Н. Ю., князь 58, 59,
63
Разладин-Квашнин В. В. 123
Разладина 123
Репнин-Оболенский М. П., князь
52, 87, 110, 120, 122
Ржига В. Ф. 33
Романовы 55, 69
Ростовский С. В., князь 83, 84,
85
Рыков Ю. Д. 103
Савва Е. В. 20
Савинов Ф. 126
Салтыков Л. А. 82, 123
Салтыковы 123
Сарыхозин М. 37—40, 66, 97, 98
Сатины 47
Сигизмунд II Август, король 18,
57, 58, 65, 94, 99, 105
Сильвестр 51, 52, 78, 81, 86, 87,
104, 106—109
Симеон Бекбулатович, хан 124,
125
Симеон, епископ 63
Серебрянный-Оболенский П. С.,
князь 83
Скорина 24, 25
Спанинбергер И. 42, 102
Старицкие, князя 82, 85, 87
Стефан Баторий, король 27, 80,
95
Строев П. 122
Сырку П. А. 65
Таубе И. 122
Телятевский А. П., князь 82
Тетерин Т. 37, 38, 39, 40, 66
Титов А. А. 117
Трайдинг, мастер 127
Трифон, архимандрит 116
Туров П. 47, 112
Тютин Х. 120
Тютины 120
Уваров К. А. 97, 103
Уоо Даниель 7, 8, 9
Устрялов Н. 56, 73, 92
Федоров-Челяднин И. П. 58, 82,
120, 121
Феннел Д. 3, 51, 124
Феодорит 113, 122, 123
Филарет 68
Филипп, митрополит 113
Флоря Б. Н. 58
Хабаров И. И. 122
Харлампович К. В. 42, 43, 65
Хворостинин И. А., князь 19—
23, 40, 41, 48, 50
Хворостинин И. Ф. 121
Хивуд Э. 97
Хилков 87
Черепнин Л. В. 14
Шаховской С. И., князь 4—6,
11, 21, 24, 25, 27, 36, 40, 41,
44, 45, 48—51, 55, 67—69
Шаховские 69
Шевырев Д., князь 111
Шереметев И. В. 54, 108
Шереметев Н. В. 54, 87
Шефтель М. 5
Шибанов В. 92, 93, 121
Шишкин И. 47, 112
Шлихтинг А. 54, 121, 122
Шмидт С. О. 21, 88, 102, 104,
106
Штаден Г. 54, 61
Штелин Г. 73
Шуйский 53, 107
Щелкалов В. Я. 89
Щенятев П. М., князь 83, 125
Эрик XIV, король 58
Юрий Васильевич, князь 116
Юрьев Д. Р. 58
Юхан, герцог 58
Ясинский А. Н. 99

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Рукописная традиция	6
Исайя и Курбский	11
Курбский и Хворостинин	19
Письма Курбского к Васьяну	23
Вольмарский «конвой»	36
Курбский или Шаховской?	40
Бегство Курбского	51
Миссия Исайи	63
Адресат Курбского	67
Первая эпистолия Грозного	69
Письмо Грозного и летописи	81
Опись царского архива	88
Конец переписки	94
Предисловие к «Новому Маргариту»	96
«История» Курбского	100
Синодик опальных и Сказание о мучениках Курбского	113
Заключение	126
Summary	130
Список сокращений	132
Именной указатель	133

Руслан Григорьевич Скрынников

ПЕРЕПИСКА ГРОЗНОГО И КУРБСКОГО

Парадоксы Эдварда Кинана

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)

Редактор издательства *И. И. Трофимкин*

Художник *М. И. Разулевич*

Технический редактор *Н. А. Кругликова*

Корректор *Л. М. Агаджанова*

Сдано в набор 10/IV 1973 г. Подписано к печати 28/VI 1973 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 8¹/₂ + 4 вкл. (2¹/₈ печ. л.) = 7.66 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 8.43. Изд. № 5682. Тип. зак. № 234, М-14275. Тираж 9000. Цена 83 коп.

Ленинградское отд. изд. «Наука». 199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение

